

ЕЛЕНА

ДВОЙНОЙ
СМЕШНОЙ
ДЕТЕКТИВ

Логунова

СНЕГУРКА БЫСТРОЙ
ЗАМОРОЗКИ

КОКТЕЙЛЬ
ИЗ РАЗВЕСИСТОЙ
КЛЮКВЫ

Двойной смешной детектив

Елена Логунова

**Снегурка быстрой заморозки.
Коктейль из развесистой клюквы**

«ЭКСМО»

2012

УДК 82-3

ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Логунова Е. И.

Снегурка быстрой заморозки. Коктейль из развесистой клюквы / Е. И. Логунова — «Эксмо», 2012 — (Двойной смешной детектив)

ISBN 978-5-04-189927-1

Снегурка быстрой заморозки В жизни тележурналистики Елены внезапно наступила черная полоса. На балконе засох редкий цветок, в почтовом ящике обнаружили отрезанные косы пропавшей подруги Ирки, а в телефонной трубке слышен противный голос предводителя преступников. Кому это нужно – красть Ирку, могучую даму, способную в одиночку уложить роту спецназа? Ответа на этот вопрос, похоже, не знают и сами похитители! В виде выкупа они желают получить непонятное "чужое добро", и именно Елена должна найти требуемое в огромном Иркином доме. А там партизанит бесхозная собака, орудует приблудившийся подозрительный родственничек и шныряют алчные преступники. Елена готова отдать им что угодно, лишь бы спасти Ирку! Эврика! Она решает поменять на подружку кстати подвернувшуюся редкую марку – "Голубую Булабонгу"! А если враги предполагали получить что-либо другое, так у них есть еще выбор – страшная месть двух разгневанных женщин или прямая дорога на Колыму!.. Коктейль из развесистой клюквы Ох, не зря женщины не жалуют длиннохвостых грызунов! Соседская декоративная крыса Лолита травила Елену в... историю с убийствами! Первым погиб хозяин Лолиты – Алик Дыркин. Мало того, что Елена нашла его труп, так она еще вынуждена по приказу своего телевизионного начальства освещать криминальную историю в новостях. К трагедии причастен воротила местного шоу-бизнеса по прозвищу Носорог. Сама-то Лена предпочла бы держаться в стороне от расследования, тем более что на этом категорически настаивают профессиональные сыщики. Но вскоре один за другим начинают гибнуть ее друзья и коллеги... Похоже, разгадка тайны кроется в джунглях телевидения, а для журналистки Елены это естественная среда обитания! Так что при поддержке боевой подруги Ирки она еще утрет нос родной милиции!..

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-04-189927-1

© Логунова Е. И., 2012
© Эксмо, 2012

Содержание

Снегурка быстрой заморозки	7
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Елена Логунова
Снегурка быстрой заморозки.
Коктейль из развесистой клюквы

© Логунова Е. И., 2012

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2012

Снегурка быстрой заморозки

Суббота

Телеграмма была короткая и непонятная: «Даю добро вскл номер 8918121314 тчк шеф».

– «Даю добро» – это значит «разрешаю»? – спросил Григорий.

Кого он спросил, было непонятно, Леонид и Сергей смотрели на телеграфный бланк с разинутыми ртами, и на лицах их читалась глубокая и бесперспективная задумчивость. Услышав версию Григория, братья встрепенулись.

– А что разрешаю? – вопросительно пискнул Сергей, переворачивая телеграмму, словно надеясь найти на обороте расшифровку загадочного сообщения.

– А кто разрешает? – переиначил вопрос Леонид. – Сашка, что ли? Почему это он «шеф»?

– Потому, что он – старший, – рассудительно ответил Гриня.

– Конечно, старший! – обиженно повторил Леонид. – Подумаешь, на пять минут раньше родился! Нет уж, кому как, а мне он не шеф!

Братья Пушкины появились на свет попарно: сначала Александр и Леонид, а тремя годами позже – Сергей и Григорий. Старший Пушкин, названный амбициозными родителями Александром, с малых лет старательно культивировал в себе тягу к литературному творчеству, даже стихи писал, но перешеголять тезку пока не сумел и поклонников своего поэтического таланта до сих пор не нашел. Наиболее популярным в узком семейном кругу произведением Александра Ефимовича Пушкина был переиначенный шуточный стишок, исторически принадлежащий перу Александра Сергеевича Пушкина. Это был рифмованный клич, которым великий русский поэт созывал своих детишек: «Сашка, Машка, Гришка, Наташка!» В случае простого русского слесаря-станочника Ефима Пушкина, в условиях полного отсутствия в семействе дочек, призыв звучал как «Сашка, Лешка, Гришка, Сережка!». Причем Леонид на «Лешку» откликался очень неохотно, требуя его замены на «Леню», но тогда был недоволен Сергей, которому решительно не нравилось уменьшительное «Сереня». Это имя казалось ему пренебрежительным, а Сергей болезненно переносил малейшие проявления неуважения к собственной персоне.

Сереня был нервным и обидчивым, потому что какие-то гормональные нарушения в организме не позволили ему обрести такую мужественную внешность, как у прочих парней Пушкиных: в свои восемнадцать младшенький Пушкин выглядел подростком и имел тонкий писклявый голос, хотя его брат-двойняшка Гриня вымахал под два метра и басил, как Шаляпин. Правда, близнецами Гриня и Сереня и так не были, это старшие, Сашка и Лешка, уродились один в один.

– Номер восемь, девять, один, снова восемь, – забормотал Гриня, озвучивая прописанные в телеграмме цифры. – Номер – это понятно. Непонятно только, номер чего?

– Может, номер банковского счета? – предположил Лешка. – Сашка же вроде на заработки подался?

В этот момент в кармане у Серени дурным голосом заблеял сотовый телефон. Гриня, не ожидавший ничего подобного, отпрыгнул в сторону и схватился за сердце.

– У, тварь! – выдохнул он, с опаской глядя на мемекающий мобильник, который Сереня торжествующе извлек из кармана, злорадно ухмыляясь в сторону напуганного братца.

Наслаждаясь испугом дюжего братца, Сереня дал козлоголосому мобильнику как следует прокричаться и в результате упустил звонок.

– Ну и ладно, – пискнул он, снова заталкивая аппарат в карман подростковых джинсов. – Кому надо, тот перезвонит.

– Телефон! – торжествующе вскричал вдруг Леонид.

– Что телефон? – неприязненно переспросил Гриня.

– Номер восемь, девять, один, дальше не помню – это телефон! – заявил Леонид.

Он обвел победным взглядом уважительно замолкших братьев и повторил:

– Сашка сообщил нам в телеграмме номер какого-то телефона. Спрашивается, зачем?

– Зачем? – эхом повторил Гриня.

– Чтобы навести нас на след!

– Чей? – чирикнул Сереня.

– На след добра! – Леонид широко улыбнулся.

– Какого добра?

– Какого-то! Ну, что еще вам непонятно? Сашка хочет передать нам какое-то добытое им добро. Что-то ценное! Очевидно, сейчас это добро находится у того, кому принадлежит мобильный телефон с номером восемь, девять, один, как там дальше?

– Восемь, двенадцать, тринадцать, четырнадцать, – подсказал Гриня, заглянув в бумажку. – Ленчик, а почему Саня просто не написал: «Пойдите туда-то и возьмите там то-то?»

– А то ты Саню не знаешь? – пожал плечиками Сереня.

Саню братья знали хорошо. Помимо предрасположенности к стихотворчеству, старший Пушкин обладал непреодолимой склонностью к авантюрам и постоянно влипал в какие-то криминальные истории. Санино уклончивое «отправился на заработки» могло означать все, что угодно: от разбоя на большой дороге до возведения финансовой пирамиды из подручных строительных материалов. Таким образом, Санино желание утаить от посторонних все подробности, касающиеся способа приобретения и самого характера неведомого «добра», вполне можно было понять. А тот факт, что брательник прислал зашифрованную телеграмму вместо того, чтобы толком рассказать братьям, что к чему, при встрече или хотя бы по телефону, с большой вероятностью означал, что Саня в своих действиях несвободен. Поскольку старший брат то и дело рисковал загреметь в места не столь отдаленные, его нынешняя несвобода вполне могла продолжаться пару-тройку лет. Рассудительный Леня полагал неразумным дожидаться личной встречи со своим близнецом.

– Дай-ка сюда мобилку, – повелительно сказал Леонид, протягивая руку к Серене.

– Свою заведи, – буркнул тот, но телефон из кармана достал и вложил в ладонь старшего.

– Леня, а кому ты будешь звонить? – с интересом спросил Гриня, жизненные силы которого в основном уходили на поддержание физической активности большого организма, так что на умственную деятельность почти ничего не оставалось.

– Бронтозавр, – почти ласково ответил ему Сереня. – Ежу понятно, куда он звонит: по номеру с телеграммы!

– Ежу, может, и понятно, – немного обиженно проворчал Гриня.

– Тихо! – рявкнул на братьев Леонид, с трубкой у уха ожидающий соединения с нужным номером.

Ожидание длилось несколько секунд, и за это время Леня успел радикально изменить выражение лица и тембр голоса.

– Алло? – донесся из трубки женский голос.

Улыбаясь, как сытая акула, Леонид глубоким голосом оперного певца пробасил:

– Здравствуйте, уважаемый абонент! Вас приветствует операторская компания «Мобильный мир»! С удовольствием сообщаем вам, что ваш телефонный номер участвовал в розыгрыше подарков среди абонентов нашей компании и выиграл главный приз!

– А какой у нас главный приз? – шепотом спросил у Серени простодушный Гриня.

Чтобы не мешал слушать, братец молча пнул его ногой, дотянувшись только до голенистопа.

– Какой приз? – словно услышав подсказку, повторила баба в трубке.

– Большой и красивый! – интригуяще ответил Леонид, на ходу придумывая, что бы такого большого и красивого пообещать победительнице мифического розыгрыша. – Новый телевизор! Вы готовы его получить?

– Всегда готова! – радостно отрапортовала женщина.

– Шас, разбежалась! – прошипел в сторону вредный Сереня.

– За-амечательно! Будем ждать вас завтра в семнадцать ноль-ноль у нас в центральном офисе на Школярской, – кивнул Леонид. – Знаете, где это? Прекрасно!

– Ва-асхитительно! – передразнил брата несносный Сереня.

– На чье имя мне выписать пропуск? – Леонид задал главный вопрос и весь обратился в слух.

– На мое: Максимова Ирина Иннокентьевна, – не подозревая подвоха, отозвалась его простодушная собеседница.

– Чу-удесно! – искренне обрадовался Леонид. – Буду с нетерпением ждать нашей встречи!

Он выключил трубку, убрал с лица полнозубую улыбку и уже совсем другим, жестким и деловитым, голосом обратился к братьям:

– Задачу поняли?

– Че, надо ей телевизор купить? – наморщил низкий лоб Гриня.

– Какой телевизор?!

– Новый, – припомнил Гриня. – Большой и красивый.

– Большой и тупой! – не выдержал нервный и злобный Сереня. – Не телевизор нам надо искать, а эту бабу с мобилкой! Как ее там? Максимову Ирину Иннокентьевну.

– Бегом в Горсправку, – распорядился Леонид, принявший на себя командование парадом. – Найти в картотеке бабу, получить ее адрес. Потом будем думать дальше.

Муниципальная справочная служба не подвела: Ирину Иннокентьевну, спасибо редкому отчеству, нашли быстро.

Размахивая бумажкой с записанным на ней адресом, повеселевший Сереня то и дело высовывался в окошко такси, чем вызывал неприкрытое неудовольствие водителя.

В Пионерский-2 ворвались с пылью, шумом и гамом, едва не задавив переходившую дорогу курицу.

– Останови здесь, – велел шоферу Леонид, когда машина поравнялась с небольшим озерцом, окруженным плотной стеной камыша. – Дальше мы сами. Пешком пойдем. Свежим воздухом подышим.

Простодушный Гриня, поняв слова старшего брата буквально, распахнул дверцу, глубоко вздохнул и закашлялся. «Свежий воздух» состоял по большей части из едкого дыма: метрах в пяти от остановившейся машины чадил костер, в который бабка самого сельского вида то и дело подбрасывала охапки сухой травы и ветки. Услышав кашель, старуха обернулась и приветливо помахала задыхающемуся Грине секатором.

Явно не желая, чтобы его вместе с транспортом тоже окуривали вонючим дымом, таксист без задержки произвел расчет и быстро укатил в сторону высоток Пионерского-1, которые белели в отдалении, как снежные горы. Братья остались на дороге.

– Ну, куда теперь? – спросил Сереня, нетерпеливо переминаясь с одной ножки тридцать седьмого размера на другую такую же.

– Теперь туда, – оглядевшись, скомандовал Леонид, который всю дорогу внимательно изучал прилепленные к заборам таблички с названиями улиц и номерами домов.

Братья построились в шеренгу по одному и зашагали прочь от бабки с кострищем. Сереня, который не желал тащиться в хвосте процессии, потому что видел в этом очередное ущемление своего человеческого достоинства, рысил первым, и очень резво, так что на подходе к нужному участку Леониду пришлось придержать братца, схватив его за подол рубашечки.

– Замри, – коротко бросил Леня.

Гриня послушно замер посреди дороги на одной ноге. Сереня, оскорбленный бесцеремонностью, с которой было прервано его целенаправленное движение, вырывался и возмущенно пищал.

– Цыц, – сказал ему Леонид. – Давайте составим план действий.

Встав в кружок, братья склонили головы и издали стали похожи на участников команды КВН, обсуждающих полученный от соперников каверзный вопрос. Однако при ближайшем рассмотрении общее для всех трех лиц выражение беспросветной задумчивости решительно не позволяло заподозрить в троице компанию веселых и находчивых.

Ирина сидела на мягкой зеленой травке под вишней, ветви которой были густо усыпаны спелыми ягодами. Вишня была карликовая, а Ирка – вовсе наоборот, поэтому ей без труда удавалось срывать ягоды, не вставая с места, просто поднимая вверх руку.

Темно-красные вишенки лопались от спелости и были сладкими. Ирка готова была лопнуть от переполнявших ее чувств, и по ее лицу, вот уже полтора часа хранящему одно и то же, абсолютно несчастное, выражение, катились горькие слезы. Кобель Томас, погружившийся в скорбь и уныние из солидарности с хозяйкой, периодически поднимал вверх морду и норовил лизнуть мокрую Иркину щеку своим не менее мокрым языком.

Причиной Иркиных страданий был любимый супруг Моржик, в данный момент отсутствующий. Приблизительно девяносто минут назад он ушел из дома, шумно хлопнув дверью и еще более шумно – металлической калиткой. Направление движения мужа Ирка могла отследить только до ближайшей лесополосы, за которой проходила дорога, отграничивающая недостроенный микрорайон частных домов Пионерский-2 от вполне обжитого Пионерского-1. Маршевым шагом, размахивая руками, Моржик вошел в лесополосу и скрылся с глаз жены, выглядывавшей из окна второго этажа с биноклем. После этого Ирка в сердцах бросила оптический прибор в ближайшее кресло, сама бросилась на пол и безостановочно рыдала минут тридцать, периодически самокритично приговаривая: «Дура я, дура!»

Нелестная самохарактеристика была оправданна. До белого каления вкупе с желанием уйти, хлопнув дверью, Моржика довела сама Ирка.

Поводом для небывало бурной семейной сцены послужил звонок какой-то бабы, имевшей наглость попросить к телефону Сергея Петровича – так в миру звали Моржика. Свинство заключалось в том, что эта особа нахально позвонила на Иркин мобильник и наотрез отказалась представиться и объяснить суть своего дела к Сергею Петровичу! Разозлившись и взревновав, Ирка без долгих разговоров отрубилась свой сотовый и пошла выжимать информацию из супруга, который в тихий послеобеденный час мирно дремал на диване перед работающим телевизором. На беду, забытый видик показывал «Греческую смоковницу» – фильм, который Ирка решительно не желала признавать классикой мирового кинематографа, почитая за обыкновенную гнусную порнуху. Возмущение жены достигло высшего градуса, и бедняга Моржик был разбужен ударами мокрого кухонного полотенца, коим до звонка незнакомой наглой дряни Ирка спокойно вытирала свежeweымытую посуду.

Последовавшая затем семейная сцена включала в себя крики, вопли, ругань, битье посуды, швыряние куда попало разных подручных предметов и рукопашный бой, причем орала, портила имущество и мутузила родного человека все тем же полотенцем исключительно Ирка. Моржик, спросонья не сумевший перехватить ни полотенце, ни вообще инициативу, сначала пытался что-то объяснить, потом понял, что его не слышат, и употребил все свои силы, ловкость и изворотливость на то, чтобы свести к минимуму число попаданий в него предметов кухонной утвари и домашнего обихода. В финале шумной мизансцены под условным названием «Жизнь итальянских кварталов» Моржик ловко поймал летящий в него баллон с соевыми огурцами, почти сразу выронил его, в наступившей тишине громко вскричал: «Дура!», повернулся и ушел, шарахнув дверью о косяк с такой силой, что пупырчатые огурцы в луже рассола на полу запрыгали, как живые лягушки.

И вот теперь Ирка сидела под вишней с видом на калитку, орошая слезами взъерошенный собачий загрывок и гадая про себя, куда пошел Моржик и когда он вернется.

Деликатный стук в ворота заставил ее подскочить, при этом Ирка стукнулась макушкой о низкую ветку вишни и наступила на лапу Томке, но не обратила на это никакого внимания. Через секунду она уже неслась к воротам, сопровождаемая прихрамывающим псом.

– Ты вернулся! – Ирка распахнула калитку настежь и приготовилась броситься на шею блудному мужу.

– Здрасььь, – вкнул в ответ незнакомый парнишка, опустив занесенную для повторного стука руку и попятившись.

– Ой! Ты кто такой? – Ирка резко затормозила, и Томка ткнулся башкой ей под коленки, едва не обрушив стокилограммовую хозяйку себе на спину. – Чего тебе надо?

– Это вы Ирина Иннокентьевна? – спросил пацан. – Я к вам от шефа, за посылочкой.

– За какой посылочкой? – не поняла Ирка.

– Так это вам виднее, за какой именно, – заискивающе улыбнулся парнишка.

Ирка задумалась. Поскольку товар для их с Моржиком торгового предприятия частенько приходил из-за рубежа, друзья-приятели, имеющие в Германии, Голландии и Польше любящих родственников, нередко получали с фурами «Нашего семени» различные посылки, но всякий такой случай специально оговаривался. Никаких не врученных адресатам почтовых отправлений Ирка за собой не помнила.

– Шеф нам телеграмму прислал, велел забрать у вас наше добро и оставил для связи ваш телефончик и имя: Ирина Иннокентьевна, – видя, что хозяйка дома озадачена, Сереня попытался ей помочь.

Насчет того, что в телеграмме было Иркино имя, он, конечно, приврал, но лишь для пущей убедительности.

– А почему я об этом ничего не знаю? – Ирка насупилась, предположив, что Моржик забыл или не захотел ее проинформировать. – Вы там за моей спиной что-то решаете, а меня кто предупредит – Пушкин?

– Пушкин, – кивнул Сереня, шаркнув ножкой. – Сергей Пушкин!

– А разве не Александр? – удивилась Ирка, которая не очень хорошо училась в школе, но имя-отчество солнца русской поэзии все-таки запомнила.

– Точно, Александр! – обрадовался Сереня, вообразив, что Ирка говорит о его старшем брате.

«Псих», – подумала Ирка и немного прикрыла калитку.

– Пожалуйста, отдайте мне то, что оставил Александр Пушкин! – не заметив впечатления, произведенного на хозяйку дома упоминанием имени великого поэта, попросил Сереня.

– Вы не донесете, – мягко, чтобы не обидеть умалишенного, ответила Ирка, незаметно нащупывая засов на внутренней стороне калитки.

– Почему? – обиделся Сереня, выпятив куриную грудь.

– Потому что это полное собрание сочинений в четырнадцати томах! – выкрикнула Ирка, захлопывая перед носом ненормального калитку.

Противно проскрежетал засов, угрожающе зарычала собака.

– Идиотка, – тихо выругался Сереня, в бессильной злобе пялясь на неприступную трехметровую ограду, за которой заливался злобным лаем здоровенный пес.

– Идиот, – прошептала по другую сторону забора Ирка, из соображений безопасности потихоньку отступая на высокое крыльцо.

С тех пор как на пятнадцатом километре Ростовской трассы построили комфортабельный пансионат для состоятельных умалишенных, рассказы о беглых психах стали неотъемлемой частью фольклора Пионерского-2.

Сереня еще пару минут бессмысленно потоптался у забора, за которым было тихо, но потом снизу, в щель у самой земли, с намеком высунулась узкая овчаркина морда.

– Блин, – беспомощно выругался Сереня.

Он энергично, но безрезультатно почесал в затылке и потопал к братьям, ожидающим его возвращения в камышах у озера.

– И что теперь? – спросил Гриня, огорченный провалом операции «Отдавай добро похорошему!».

– Либо она ничего не знает, либо просто прикидывается душой, потому что хочет наше добро прикарманить, – рассудил Леонид. – Думаю, нужно допросить ее с пристрастием.

– Лучше с паяльником, – буркнул Сереня.

– У меня есть паяльник! – оживился Гриня.

– У вас мозгов нету! – отбрил Леонид. – Ворваться в чужой дом с паяльником – это вооруженный грабеж, а нас трое, считай, уже банда! Схлопочем лет по десять на рыло, будем потом добро не для себя, а для родины добывать – на колымских золотых приисках и в урановых рудниках!

– Не пугай, – скривился Сереня. – Я лично не из трусливых. Только в этот дом ворваться, пожалуй, не получится: там забор вроде Кремлевской стены, а во дворе овчарка размером с пони.

– Собака? – заинтересовался Гриня. – А как ее зовут?

– Дебил! – рявкнул злющий Сереня.

– Необычное имя для собаки, – немного удивился Гриня.

– Цыц, братва! – сердито прикрикнул на расшумевшихся младшеньких Леонид. – Есть у меня одна мыслишка, только ее обдумать хорошенько надо, да еще за бабой этой понаблюдать: когда она из дома выходит, по каким маршрутам перемещается... Опять же, надо выяснить, живет ли кто еще в этом доме, кроме нее.

– Ага, живет, – издевательски подтвердил Сереня. – Говорю же тебе: здоровый пес!

– Дебил, – услужливо подсказал Гриня.

– Сам дебил! – моментально завелся Сереня.

– Оба дебилы! – заорал Леонид. – Заткнитесь! Я думать буду.

И он опустил на забытое кем-то в камышах проржавленное ведро, приняв классическую позу роденовского мыслителя.

Воскресенье

– Чего, ну, чего тебе еще надо?! – гневно вскричала я, обращаясь к шипастому кустику, похожему на маленькие олени рожки ядовито-зеленого цвета.

Этот колер отнюдь не радовал мои глаза, подернувшиеся горячей слезой. Кустик, даром что зелененький, был безнадежно мертв: зелеными сухие веточки были исключительно благодаря толстому слою защитного воска, который коркой покрывал кустик от корней и выше.

От чего этот воск призван был защитить растение, я не знаю. Возможно, от повреждений при транспортировке, или от перепадов температуры, или от вредных насекомых – какая разница? На воцаной корке не было ни царапинки, температура воздуха в начале июня даже ночью не опускалась ниже плюс двадцати, из вредных насекомых на третьем этаже многоквартирного дома мною была замечена только моль, а злосчастное растение все равно засохло. Что за напасть? Уже третий розовый куст загнулся на моем балконе!

В сердцах я несильно пнула дырявую алюминиевую кастрюлю, по всем канонам цветоводства наполненную специальным почвогрунтом на керамзитовой подушке. Засохший кустик, издевательски растопыренный победным знаком «V», качнулся вместе с содержащей его емкостью, которая легонько стукнулась о стоящий рядом пустой трехлитровый баллон. Стекланная банка, с помощью которой я регулярно и тщательно осуществляла полив безвременно скончавшегося ядовито-зеленого насаждения, протестующе звякнула.

– А ты вообще помолчи! – велела я бывшей поливальной банке, орошая засохший кустик скупой слезой.

– Сама садик я садила, сама буду поливать! – донесся с соседнего балкона приторно-сочувственный голос Гоши Куропаткина. – Что, еще одна вьющаяся роза в ходе смелого эксперимента превратилась в саксаул? Ну, Елена, ты просто мичуринка!

Искося глянув на издевательски ухмыляющегося соседа, я молча отвернулась.

– Слышь, а это какая роза должна была получиться? – не отставал Гоша.

– Синяя, – угрюмо ответила я.

– Разве бывают синие розы? – Куропаткин изумленно приоткрыл рот, рискуя выронить из него дымящуюся сигарету.

– Похоже, что не бывает, – неохотно согласилась я, с намеком посмотрев на засохший кустик.

– Георгий, чем ты там занимаешься? – донесся из глубины квартиры пронзительный голос Гошиной жены Марины.

– Курю, – коротко ответил Куропаткин.

– Знаю я, как ты куришь! – Ревнивая Марина высунула голову в проем балконной двери и в упор посмотрела на мои ноги в коротких шортах.

Соседка откровенно недолюбливает меня за манеру выскакивать на открытый балкон в некомплектных костюмах, расценивая это как попытки соблазнения ее благоверного. Как будто я виновата в том, что дождь неожиданно начинается именно тогда, когда я развешу белье для просушки, и приходится выпрыгивать на балкон в чем есть и в чем нет!! А синьор Куропаткин днем и ночью торчит на балконе с сигаретой в зубах, дожидаясь, пока я устрою очередную демонстрацию облегченных домашних одеяний!

– Георгий, живо в дом! – велела Гоше тощая длинноносая Марина, с ее нездоровым бурячно-коричневым загаром огородницы похожая на Буратино, вырезанного из полена красного дерева и по недосмотру подслеповатого папы Карло наряженного в пестрый бабий халат. – Ужинать будем!

В подтверждение своих слов мадам Куропаткина выдвинулась из кухни на балкон с дымящейся сковородой в руках. Увидев раскаленную жаровню, Гоша поспешно отодвинулся на край балкона, тем самым приблизившись ко мне. Краснодеревянная Марина позеленела, лицо ее со скрипом перекопилось. С интонациями, позаимствованными у лесопильного станка, соседка провизжала:

– Я кому сказ-з-з-зала! – и резко взмахнула сковородой.

Залежавшийся на ней румяный кружевной блин взлетел вверх, перевернулся в воздухе и нарядной тюбетейкой накрыл блестящую загорелую лысину Куропаткина. Гоша взвыл, сорвал с головы горячий блинный чепец и швырнул его в Марину. Баба ловко отбила подачу сковородкой, и потрепанный блин комом влип в Гошину волосатую грудь. Гоша взвыл октавой выше и принялся выдирать свою нагрудную шерсть вперемежку с лохмотьями теста, выкрикивая в адрес супруги разные нехорошие слова. Марина не оставалась в долгу, поливая мужа отборной бранью.

– Придурки, – устало сказала я, уходя с балкона в комнату и плотно прикрывая двойную дверь.

В помещении было жарковато, зато тихо. Ну, почти тихо: в прихожей надрывался телефон, истеричный звон которого после Марининого матерного визга казался мне нежным мурлыканьем. Наверное, аппарат трезвонил уже довольно давно, я просто не слышала его, стоя на балконе.

– Ну, наконец-то! – с претензией воскликнул писклявый детский голосок, едва я взяла трубку и раздраженно «аллекнула» в нее.

– Слушаю вас, – сказала я.

– «Слушаю вас!» – передразнил меня Писклявый. – Слушай сюда, корова глупая! Сестричку свою увидеть хочешь?

– Ой, нет, не хочу! – само собой сорвалось с моих губ. – Во всяком случае, не так скоро! Моя вполне взрослая младшая сестра и ее поразительно энергичный пятилетний сын гостили у меня только на прошлой неделе. Сестрица беспрестанно смотрела телевизор, в рекламные паузы бегала на кухню пить чай, потом на балкон – курить, потом в ванную – чистить зубы, а ребенок носился и скакал по дому, как лабораторный шимпанзе, получивший неожиданную амнистию после пары лет безвылазного пребывания в тесной клетке. Сестричка и племянник вызывали у меня стойкое головокружение. Я не могла ни пересчитать спящих по дому женщин и детей, ни уследить за их перемещениями. У меня даже возникло подозрение, а не клонировали ли любимые родственники себя прежде, чем приехать ко мне в гости?

– Не понял? – растерялся Пискалявый, явно не ожидавший обнаружить у меня такое вопиющее отсутствие родственных чувств. – Это Елена?

– Я-то Елена, а вы кто будете? – спросила я, уже немного сердясь.

– Не твое собачье дело! – нагло возвестил Пискалявый. И тут же начал хвастать: – Мы очень серьезные люди! С нами лучше не ссориться! Хочешь увидеть Ирину Максимову живой – делай, что скажем!

– Максимову? – удивилась я. – Это Ирку, что ли?

Ирка – это моя лучшая подруга, кое-кто даже считает нас сестрами, хотя никакого фамильного сходства между нами нет и в помине: Ирка – могучая рослая дама с роскошными формами, а я лет до двадцати здорово смахивала на шнурок и только к тридцати годам набрала шестьдесят кило при росте в сто семьдесят два сантиметра.

– Вы спрашиваете, хочу ли я увидеть живой Ирку? – наморщив лоб, уточнила я у Пискалявого. – Что-то я не понимаю, а почему вообще вопрос ставится подобным образом?

– Потому что мы ее похитили! – важно заявил Пискалявый.

– Ой, не смешите меня! – отмахнулась я, действительно начиная смеяться. – Как вы могли украсть шестипудовую тетку? У вас был автопогрузчик? Или подъемный кран?

– Напрасно смеешься, – обиделся Пискалявый. – Мы серьезная организация с превосходным техническим оснащением! А твоя тетка отличным образом поместилась в «Газель»!

– Правда? – я продолжала потешаться, полагая, что меня глупо разыгрывают. – А как вы ее туда загнали, дорожным катком или танком?

– Сама залезла! – выкрикнул Пискалявый, задетый моими насмешками за живое. – Мы просто угнали маршрутку!

– Угнали маршрутку?! Вы шутите! – я уронила челюсть и замолчала.

Вот слышала я про угоны самолетов и даже автобусов, но угнать маршрутное такси – ей-богу, это очень странный поступок!

– Мы никогда не шутим! – зловеще пискнуло в трубке. – Загляни в свой почтовый ящик, а потом мы снова поговорим!

Трубка вновь запищала, но уже нечеловеческим голосом, сигнализируя об обрыве связи. Некоторое время я сосредоточенно слушала гудки, потом опомнилась и выскочила из квартиры, чтобы сбегать вниз, к почтовому ящику. Распахнула металлическую дверцу бокса с номером своей квартиры, заглянула в его темное нутро и в первый момент не поняла, что там лежит. Вроде похоже на свернувшуюся змею? Я испуганно отшатнулась от ящика, вышла во двор, сломала с дерева рогатую веточку и с этим несерьезным оружием вернулась в подъезд. Вытянула подальше руку и зажатым в ней прутиком потыкала в подозрительный объект.

Змееподобный предмет мягко упал на пол. Я посмотрела, ахнула и двумя руками испуганно зажала себе рот, едва не выколов себе глаз забытым в кулаке прутиком.

На сером бетонном полу подъезда солнечно золотилась длинная рыжая коса, перехваченная на концах веселенькими резиночками с пластмассовыми вишенками.

Косу я узнала сразу, заколки тоже.

Эти симпатичные пасторальные вишенки я самолично приобрела в фирменном магазине «Аксессуары для волос» – отнюдь не для собственной шевелюры, не отличающейся длиной и пышностью, а для подруги, у которой, как у песенной девицы, – «руса коса до пояса».

– Ой, какая прелесть! – приняв безделушку, Ирка зарделась, почти сравнявшись по цвету с вишенками. – У меня были такие заколочки в далекие школьные годы!

Она тут же соорудила прическу с использованием пластмассовых ягод и помчалась к зеркалу – любоваться собой.

– Очень славно, – одобрил красоту жены Иркин супруг Моржик. – Можно еще заплести в косы гирлянду сосисок и повесить на шею ожерелье из бубликов, тогда ты будешь вылитая богиня плодородия. Как ее там? Флора?

– Тогда уж не только Флора, но и Фауна тоже: сосиски-то на деревьях не растут, – заметила я.

Довольная Ирка даже не заметила насмешек. Вишенки понравились ей чрезвычайно, и подруга носила их, снимая только на ночь.

– Ирка, – пробормотала я, поднимая с пола пшеничную косицу.

Коса безжизненно свисала с моих рук, как дохлая змейка. Я жалостливо шмыгнула носом. Что там говорил этот писклявый тип про похищение моей сестры-подруги?

Перепрыгивая через ступеньку, я вернулась в свою квартиру, намереваясь немедленно перезвонить по номеру, который запомнился моему телефонному аппарату последним. Увы, номер моего писклявого собеседника не определился! Я отошла от телефона и высунулась на балкон – глотнуть свежего воздуха и немного успокоиться.

Успокоиться не получилось, потому что на балконе было шумно, как вблизи арены широкомасштабного танкового сражения. В соседней квартире продолжали выяснять отношения несносные Куропаткины. Марина визжала – вдохновенно, безостановочно и задорно, как бензопила лесоруба, выбивающегося в передовики производства, а Гоша время от времени басовито рявкал. Фоном звенела массово бьющаяся посуда, глухо бухали падающие тяжелые предметы и в повторяемой на два голоса и на все лады фразе: «Я тебя убью, скотина!» менялось только последнее слово.

Я тоже стукнула кулаком по перилам балкона, ушибла руку, искала, на ком бы мне сорвать раздражение, и снова уперлась взглядом в засохшую голубую розу, которой так и не довелось дожить до поры своего пышного цветения и, соответственно, посинения.

– Выброшу, – пообещала я колючему сухостою в кастрюле и потащила емкость с балкона в комнату, а потом в коридор.

Телефон молчал, весело подмигивая мне красными цифирками, не имеющими никакого отношения к номеру телефона Писклявого. Волоча по полу тяжелую кастрюлю, я задом толкнула дверь, выдвинулась на лестничную площадку и вытащила туда же последний приют усопшей розы. Тут победно затрезвонил телефонный аппарат. Я бросила неподъемную кастрюлю под дверь чужой квартиры и в два прыжка вернулась в свою прихожую.

– Где Ирка?! – не своим голосом заорала я на Писклявого, едва он успел вякнуть свое «Алле?».

– Ну, ты даешь! Так мы тебе это и сказали! – противно засмеялся Пискля. – Нашла фрагмент своей сестрички? То-то же, мы шутить не любим! Если не отдашь нам то, что нужно, будешь получать свою Ирку частями. В другой раз ухо пришлем!

– Слушай, почему ты все время говоришь о себе во множественном числе? – не выдержала я. Рассвирепела и тоже перешла на «ты»! – Ты разве августейшая особа?

– Кто?

– Ты? Или тебе нужно говорить «вы»? – издевалась я. – Ладно, твое писклявое величество, говори, чего тебе от меня нужно.

– Добро верни! – взвизгнул Пискля. – Два дня тебе сроку, потом мы уши стричь начнем!

Трубка загудела.

– «Мы, Николай Второй!»! – передразнила я отключившегося собеседника. – Уши он будет стричь! Хоть бы толком объяснил, император хренов, какое добро ему нужно!

Надеясь на то, что идиотский разговор с Писклей, пугавшим меня обрезанием Иркиных ушей, есть не что иное, как тупой розыгрыш, я набрала номер домашнего телефона подружки. Трубку никто не брал. Настучала номер Иркиного мобильного – какая-то ехидная девица сообщила мне, что абонент находится вне зоны обслуживания. Я попыталась позвонить на сотовый Моржику, и зловредная электронная барышня воспользовалась возможностью повторить свой текст. Тогда я заменила домашние шортики на джинсики, а шлепанцы на босоножки, вздернула на плечо сумку и таким образом приготовилась к походу в отдаленный Пионерский микрорайон, где в большом удобном доме живут Ирка с Моржиком. Авось там я разберусь, что происходит.

Пятилитровая кастрюля со сложносоставным содержимым – камни, песок, земля, розовый сухоцвет – в мое отсутствие переместилась из-под двери Куропаткиных к квартире других моих соседей, стариков Дунькиных. Причину этого загадочного явления я разгадала без особого труда, потому что в подъезде еще звучали отголоски тяжелых шагов. Очевидно, Гоша Куропаткин не выдержал психической атаки супруги и позорно бежал с поля боя. Моя кастрюля перекрывала ему путь к отступлению, и дюжий Гоша походя передвинул ее подальше.

Не успела я запереть дверь своей квартиры, как рядом опять зашумели, – на сей раз у пенсионеров Дунькиных. Сильно пьющий старикан, известный населению нашего дома под прозвищем Дядьвась, буянил в прихожей своей персональной «двушки», призывая громы небесные на головы «проклятых колдунов, по которым плачет осиновый кол». Я затруднялась представить себе истекающую слезами палку, но, на всякий случай, вернулась в квартиру, дожидаясь, пока рвущийся на лестничную площадку невменяемый Дядьвась будет увлечен старушкой-супругой в родные пенаты. Кто его знает, вдруг упомянутый осиновый кол уже в руках у пьяного скандалиста!

Дверь на лестницу я осмотрительно прикрыла, поэтому не увидела, как разбушевавшийся Дядьвась размашисто пнул мою кастрюлю, зато услышала последовавший за этим долгий и во всех смыслах многоступенчатый грохот, а также не заглушенный им болезненный вскрик и усилившуюся ругань.

– С ума сегодня все походили! – шепотом пожаловалась я сама себе. – Жара, что ли, на людей действует?

На лестнице стало тише, Дядьвась переместился в жилое помещение и теперь жалобно матерился в ванной – наверное, отмачивал ушибленную конечность в проточной холодной воде. Я вышла на площадку, заперла за собой дверь и поискала глазами самоходную кастрюлю. Она благополучно скатилась со второго этажа на первый. Засохший куст, образовавший монолитную конструкцию со своим керамзито-грунтовым фундаментом, все так же задорно торчал из кастрюли.

– Ты че добро расшвыриваешь? – из квартиры на первом этаже выглянула тетка в шелковом халате с драконами.

Тесно уложенные на ее голове металлические бигуди образовывали подобие шлема и по цвету очень гармонировали с моей кастрюлей.

Произнесенное с нажимом, это ее «добро» закономерно проассоциировалось у меня со словами Пискли.

– Где добро? – насторожилась я.

– Вот добро, – ответила тетка, указывая на кастрюлю. – Ты выбрасываешь, что ли?

– Ага, – подтвердила я.

– Так я себе заберу, – сообщила тетка.

– Там в днище дырка, – предупредила я.

– И хорошо, что дырка, – тетка кивнула, серебристые бигуди блеснули, как рыба чешуя. – Мне как раз на дачу бак для летнего душа нужен, этот аккурат сгодится. На дырку муж краник с рассекателем приварит, а сверху я вместо крышки фанерку положу. Есть у меня такая подходящая, бывшая дверка от тумбочки.

Я почему-то подумала, что фанеркой тетка разжилась по тому же принципу: подстерегла кого-то, кто нес выбрасывать старую тумбочку, и оторвала себе дверцу, но спорить не стала. Честно говоря, мне совсем не хотелось тащить тяжеленную кастрюлю на помойку.

– А эта ботва тебе не нужна? – спросила еще тетка, пренебрежительно потыкав шлепанцем с помпоном ядовито-зеленые рожки мертвого кустика. – Нет? Тогда я ее выброшу.

Баба неожиданно легко подняла кастрюлю и вышла из подъезда во двор. Я пошла за ней.

На подступах к нашей древней трехэтажке уже не первую неделю велись локальные и вялотекущие дорожно-строительные работы. Неторопливые мужики в комбинезонах с нагрудной надписью «Горблагоустройство» меланхолично конопатили ямы и рытвины битым кирпичом и разным мелким мусором с соседней стройки. В неопределенном будущем предполагалось залатать дыры свежим асфальтом.

– Прямо как тут и было! – довольным голосом сообщила бигудястая тетка, вывернув содержимое кастрюли в вакантную ямку.

Действительно, получилось как нельзя лучше: земля и песок из моей кастрюли доверху заполнили рытвину, похоронив под собой несчастный розовый кустик. Керамзит, лежавший на самом дне кастрюли, стал верхним слоем ямочного заполнителя, и могила синей розы почти не отличалась от других экс-рытвин, приготовленных к асфальтированию.

Я слегка притоптала курганчик над захоронением своей синей розы, полюбовалась делом собственных ног и соседкиных рук и заторопилась на остановку маршруток.

Мы живем вблизи конечной, что очень удобно: в маршрутку еще не успевают набиться народ, можно устроиться поудобнее. Пользуясь возможностью выбора, я уселась впереди, рядом с водителем и начала поедать его глазами, надеясь привлечь к себе внимание и завести разговор на живо интересующую меня тему о похищении общественного автотранспорта малой вместимости вместе с пассажирами.

За рулем маршрутки сидел седовласый мужчина благородной наружности, очень похожий на Ричарда Гира. Думаю, рядом с голливудской звездой он смотрелся бы как брат-близнец. Особенно если бы Гир тоже надел трикотажную майку турецкого производства, спортивные штаны с лампасами и полуфабрикатный головной убор, состоящий из одного матерчатого козырька на круговой резинке.

Мой интерес водила понял правильно.

– Что-то нужно? – поинтересовался он, переключая скорости.

– Вопрос задать можно? – я с готовностью включилась в беседу.

– Что я делаю сегодня вечером? – хохотнул мужик.

– Нет, меня интересует прошедшее время, – я покачала головой и достала из сумки журналистское удостоверение. – Ходят слухи, что в городе угоняют маршрутки. Вы об этом ничего не знаете?

Водила изумленно посмотрел на меня, недоверчиво покрутил головой в джинсовом полупепле и правой рукой, в данный момент свободной от рычага переключения скоростей, звонко хлопнул себя по колену.

– Ну, журналисти! Ну, акулы пера! Откуда узнали? Кто рассказал?

– Есть источники, – уклончиво ответила я.

Не пересказывать же ему мою сумбурную беседу с Писклей!

– Ну уж нет, я к вам в источники не записывался, – джинсовый козырек протестующе закачался, и на меня приятно повеяло легким ветерком, – спрашивайте самого Михалыча, если он захочет, пусть сам вам рассказывает о своих приключениях.

– Водителя угнанной маршрутки зовут Михалычем? – уточнила я. – Он тоже на «сорок четвертой» ездит?

– На этом же маршруте, – кивнул водила.

– На Лунной остановите, пожалуйста! – попросил кто-то сзади.

Я немного подумала.

– Знаете, я, конечно, могу встать на дороге и тормозить каждую встречную «сорок четвертую» маршрутку, поджидая нужную машину, но это несколько затруднит работу общественного транспорта. Не говоря уж о том, как это затруднит меня саму. Может, вы мне просто скажете, где я могу найти этого вашего Михалыча?

– Да на конечной! Чего уж проще, мы там торчим на кольце, стартуем строго по расписанию, с интервалом в пятнадцать минут, – «Гир» наконец-то разговорился. – У нас там клуб: курим, языки чешем, перекусываем. Обеды нам горячие туда одна баба с Пионерского на тележке привозит, опять же сортир там для нас поставили...

– Водитель! На Лунной просили! – возмущенно закричали сзади.

Водила хамски подрезал «Москвич» в правом ряду, по дуге притерся к тротуару и рывкнул, обернувшись назад:

– Лунная! Кому надо, выпрыгивает! Кто остается, называет остановки заблаговременно и громко! – «Гир» набрал воздуха в грудь и заорал: – Водитель глухой!!!

– Жалко, что не немой, – пробормотала я, трясая головой, как собака после купания.

Оглушительный водительский вопль надолго лишил меня слуха и желания разговаривать.

К Иркиному дому в частном секторе на окраине города я подошла в сиреневых сумерках, после пятнадцатиминутной пробежки по тропинке через поле. Если бы не необходимость спешить, вызванная вполне понятным беспокойством о судьбе подруги, пешая прогулка доставила бы мне удовольствие. Я бы разулась, чтобы шлепать босыми ногами по теплой утоптанной дорожке, и полной грудью дышала бы незагазованным воздухом, за долгий летний день настоявшимся на полевых травах до крепости спиртовой наливки. Однако сейчас меня ничто не радовало, и запах мяты и полыни не успокаивал нервы, а только заставлял чихать.

Из обитателей дома на месте была только собака, овчарка Томас. Пес безмятежно спал в вольере и при моем появлении даже голову не приподнял, только раза три-четыре негромко стукнул о дощатый пол хвостом: мол, вижу, ты пришла, но мне до этого нет дела. Томкино равнодушие объяснялось жарой и отсутствием у собаки аппетита, будь пес голоден, он уже прыгнул бы в мои объятия прямо через ограду.

– Дрыхнешь? – спросила я, открывая дверь в собачий загон. – Вот ты тут валяешься без задних ног, а хозяйку твою украли!

Пес неохотно сел, краем глаза заглянул в миску с остатками овсянки и почесал себя за ухом задней лапой, словно недоумевая, кому и зачем понадобилось красть Ирку. Я тоже никак не могла этого понять и пошла в дом, надеясь увидеть что-нибудь такое, что поможет мне разобраться в ситуации.

Двери были закрыты, свет нигде не горел, все помещения на двух этажах находились в нормальном состоянии – по всему было видно, что хозяева покидали дом без спешки. Беспорядок наблюдался только в подвальном гараже, но это не было для меня новостью: с неделю назад Иркино и Моржиково предприятие, фирма «Наше семя», получило очередную партию товара, который наскоро свалили в гараж и разбирали постепенно.

Кстати говоря, моя незабвенная синяя роза была из этой самой партии, Ирка приволокла мне кустик в красивой картонной коробке аккуратно в прошлую пятницу. Надо же, всего за неделю растение умудрилось засушиться так, словно стояло не на открытом балконе в городе с субтропическим климатом, а в самом сердце раскаленной пустыни Сахара! Впрочем, у меня на балконе во второй половине дня тоже открытый солнцепек, именно поэтому меня не покидает

навязчивая идея затенить балкон красивым вьющимся растением. Идея меня не покидает, а вот растения, наоборот, покидают одно за другим.

Ирка, которая знает, какой я никудышный ботаник и бесталанный садовод, утверждала, что массовый падеж розовых кустов на моем балконе объясняется несоблюдением должных аграрно-климатических условий. Мол, не туда я свои розы сажала, не тогда и не так. И сами розы тоже были неправильные. Именно поэтому подруга притащила мне полный садоводческий комплект: упаковку специального почвогрунта, дренаж для цветочных горшков, оказавшийся при ближайшем рассмотрении обыкновенным керамзитом, и само растение – полуфабрикат, который нужно было только должным образом совместить с содержимым горшка. Вместо последнего, правда, была использована прохудившаяся кастрюля, которую предыдущие хозяева квартиры использовали для вываривания белья. В остальном же вроде мы все сделали по инструкции, схематично изображенной на коробке. Подписи под картинками были на польском, но сами рисунки не нуждались в объяснении, поэтому я не думаю, что мы с Иркой сделали какую-то роковую ошибку. Скорее это роза была бракованная. Я сразу заподозрила неладное, когда увидела соседствующие на упаковке надписи: «Голландские цветы» и «Произведено в Польше». По-моему, должно быть одно из двух – либо роза голландская, либо польская, правильно? Гибрид, как показала практика, явно нежизнеспособен.

На мой взгляд, это вообще характерно для гибридов, в том числе технических. Я лично откровенно недолюбливаю многофункциональные приборы типа «мясорубка-соковыжималка-миксер-кофемолка— картофелечистка-точилка для карандашей». Приятно, конечно, по одной цене приобрести с полдюжины полезных машинок в одном флаконе, но зато, если агрегат-многостаночник выходит из строя, вы лишаетесь разом и мясорубки, и миксера, и кофемолки, и картофелечистки, и даже точилки для карандашей.

С некоторыми оговорками я готова одобрить разве что телефонный аппарат с функцией будильника, но лишь потому, что совмещение этих двух приборов в одном корпусе экономит место на прикроватной тумбочке. При этом манера моего аппарата исполнять в качестве будильника бородинское «Слався!» мне уже не нравится. По-моему, под эту музыку должны просыпаться только государственные чиновники высокого ранга, а простым смертным гораздо больше подходит старый добрый сигнал горна, живо напоминающего о пионерском лагере: «Вставай, вставай, постели заправляй!» Вот Иркин домашний телефон, произведенный и запрограммированный тактичными японцами, не оглушает спящих обитателей дома фанфарами, а деликатно насвистывает птичкой. Правда, неохотно пробуждающийся Моржик, по словам подруги, при этом все-таки ворчит: «Заткни канарейку, пока я ей шею не свернул!»

Ой! Телефон! Осенняя многообещающей идеей, я на одной ножке развернулась посреди заваленного мешками, ящиками, рулонами и коробками гаража и побежала на другой этаж – к телефону, который, помимо способности убедительно подражать птичьему щебету, обладает еще и памятью на два десятка номеров. Мне вдруг пришло в голову, что компания Пискаря, прежде чем похитить мою подругу, вполне могла некоторое время донимать ее тупыми телефонными разговорами так же, как сегодня начала донимать меня. Сейчас я пошарю в памяти японского аппарата, погляжу, нет ли там какого-нибудь незнакомого номера, запечатлевшегося неоднократно за короткий промежуток времени!

Действительно, такой номер нашелся, кто-то с редким упорством бомбардировал Ирку звонками: я насчитала шесть однотипных вызовов за шесть часов! Недолго думая, я набрала этот номер и услышала приятное женское сопрано, дикцию которого портил распространенный в наших южных широтах дефект – мягкое «гэ».

- Гостиница «Казбек», добрый день.
- Здравствуйте, девушка, – сказала я. – Вы администратор?
- Рецепционист.

Обалдеть! Рецепционист она! С таким-то кубанским прононсом!

– Ладно, это неважно, – отмахнулась я. – Я почему вам звоню? С этого номера мне неоднократно звонил какой-то телефонный хулиган...

– Справок о постояльцах мы не даем, – невежливо перебила меня рецепционистка а-ля рюс, бросая трубку.

«Ага, значит, тот, кто донимал Ирку звонками, – постоялец „Казбека“! – обрадовалась я. Если он еще там, я его найду и возьму за гланды. Если он имеет какое-то отношение к банде Пискалявого, то как миленький расколется, куда его шайка упрятала мою Ирку. И, главное, зачем?»

Однако жаль, что связаться с Писклей мне пока не удалось, ведь этому идиоту не хватило соображения толком объяснить мне, какое такое добро меня вынуждают вернуть. Честное слово, ничего чужого я не брала! Разве что на последней съемке в ГУВД края одолжила у кого-то из аборигенов ручку, да так и унесла ее с собой, но маловероятно, чтобы такой шум поднялся из-за пишущего прибора. Это же не золотой «Паркер» был, а простое пластмассовое стило! Да и мой пискалявый собеседник по голосу мало походил на сотрудника органов, у меня много знакомых ментов и все, как один, обладают хрипловатыми мужественными голосами. А не позвонить ли мне, кстати, одному из этих суровых мужчин в погонах?

Вместо ответа на этот чисто риторический вопрос я быстро набрала номер, который по необходимости давно заучила наизусть.

– Лазарчук, – голос приятеля-сыщика был особенно хриплым.

Спал он, что ли? В половине девятого вечера?

– Лазарчук, когда ты уже выйдешь из органов и займешься частной практикой? – не здороваясь, накинулась я на капитана.

– Из чьих органов я должен выйти? – съязвил Серега. – Вообще-то как раз сейчас я ничем таким не занимаюсь. Я сижу на больничном.

– Хорошо, что не на нарах, – съязвила я в ответ. – Твоя болезнь не инфекционного характера?

– Не знаю, – задумался капитан. – Ангина – это инфекция или нет?

– Ангина – это ерунда, – заявила я. – Лазарчук, ты должен мне помочь! Мне не велели обращаться в милицию, но ты сейчас не при исполнении, значит, можешь не считаться милицией. Серега, Ирку похитили!

– Ты с ума сошла? – искренне изумился Лазарчук. – Кто мог похитить стокилограммовую тетку, которая «коня на скаку остановит, в горящую избу войдет»? Бригада «морских котиков»?

– И песиков, – кивнула я, забыв, что Серега меня не видит. – Один такой собачий сын как раз звонил мне с требованием вернуть чужое добро в обмен на Ирку. Только я не знаю, какое добро ему нужно.

– Может, золото? – легкомысленно фыркнув, предположил капитан. – Чистым весом – шесть пудов? За меньшую награду я лично не рискнул бы связываться с твоей подругой.

– Центнер золота? Дурацкая мысль, – сказала я.

– Но и ситуация дурацкая, разве не так? – резонно заметил капитан.

Я задумалась.

– Килограммовый слиток золота я как-то видела на съемках в банке, – вспомнила я. – Он размером с плитку шоколада. Сто шоколадок – это довольно большая коробка или сверток. Может, пойти поискать что-нибудь подобное в кухонных шкафчиках?

– Глупости, – прохрипел Лазарчук. – Про золото я сказал в режиме бреда. Речь свободно может идти не о нем, а, например, о полном чемодане долларов. Или о пригоршне бриллиантов. Или о термосе с плутонием. Да мало ли, какие могут быть ценности? Антиквариат, ювелирные украшения, всяческие раритеты, просто деньги, акции...

– И облигации выигрышного займа, – вздохнула я, соглашаясь с приятелем. – Думаешь, не стоит искать то, не знаю что?

– Разве что скуки ради.

– А для пользы дела? Вернее, для пользы тела – Иркиного? Похитители угрожают начать резать ее на кусочки, если я не верну проклятое «добро».

– Знаешь, что я об этом думаю?

– Не знаю, но хочу знать.

– Так вот, я думаю, что это какая-то глупая шутка, – безапелляционно заявил Лазарчук. – Розыгрыш.

– Но...

– Молчи, я не смогу тебя перекричать, у меня горло болит, – попросил Серега. – Знаешь, что?

– Уже знаю, – буркнула я.

– Чудненько. Тогда подожди денек-другой, я уверен, что твоя подружка сегодня-завтра сама объявится и скажет, что неудачно пошутила.

– А если она не объявится сегодня-завтра?

– Тогда завтра-послезавтра снова позвони мне. А пока отцепись, ладно? Дай поболеть спокойно.

– Выздоровливай, – со вздохом сказала я, но Лазарчук уже положил трубку.

Вот человек, да? Ни тебе сочувствия, ни душевной чуткости! Мент, сухой и черствый, как три корочки хлеба! И это о таких людях слагают хвалебные песни с текстами типа: «Если кто-то где-то там попал в беду, трям-трам-трам – не помню точно, – ему на выручку придут»! Придут они, как же! На могилку с цветами, трям-трам-трам!

Сердясь на капитана, не пожелавшего серьезно отнестись к истории с похищением моей лучшей и единственной подруги, я громко захлопнула дверь, повернула ключ в замке и начала было спускаться с крыльца, когда услышала жалобный собачий скулеж.

– Ох! – произнесла я, поворачиваясь, чтобы вернуться в дом.

Пробежалась в кладовку, взяла там три банки гречки с тушенкой, одну за другой вспорола их консервным ножом и понесла кашу насущную Томке. Не голодать же собаке в отсутствие хозяев, пропавших неизвестно куда!

Тут мне пришло в голову, что собаке нужно не только регулярно питаться, но и гулять. Если Ирка или Моржик не вернуться в родные пенаты в самом скором времени, придется мне взять заботу о четвероногом друге на себя. Не переселиться ли мне по такому поводу в Пионерский? Все равно, дома меня никто не ждет, мой муж Колян и сын Колюшка, известный также, как Масянька, отдыхают на море. У Коляна уже давно отпуск, а мне до заслуженного отдыха пахать еще неделю, и только тогда я смогу присоединиться к своим любимым мужчинам в теплых краях. Правда, я посещала их в выходные: уехала в пятницу после работы, а вернулась сегодня, в воскресенье, после обеда. Надо же, прошло всего несколько часов, как я приехала с моря, а мне уже кажется, будто безмятежный отдых в кругу семьи был чуть ли не в прошлой жизни!

Я вывалила кашу с мясом в собачью миску с остатками овсянки, принесла песику свежей водички, погладила мохнатую Томкину башку и жалостливо сказала:

– Кушай, кушай, мой хороший! Если завтра твоя хозяйка не вернется домой, то я приеду и стану тебе родной матерью. Договорились?

Пес грустно вздохнул, но возражений не высказал, и я ушла, старательно закрыв дом и двор на все замки.

В десятом часу вечера фиолетовые сумерки уплотнились, и небо в пятнышках белых звезд сделалось похожим на бархат, проеденный молью. Где-то на полпути, посреди поля, я пожалела, что не осталась ночевать в особняке, но меня гнала домой надежда услышать

Писклю, который мог позвонить мне на домашний телефон. Может, поганец объяснит мне толком, чего ему от нас с Ирккой нужно?

Крепко задумавшись, в потемках я немного сбилась с пути и вышла из зарослей полыни не к остановке маршрутных такси, а метров за двадцать до нее, но попала именно туда, куда следовало: на пяточке внутри петли, образованной разворачивающейся обратно дорогой, толпились пустые маршрутки. Небольшое – голов пять-шесть – стадо «Газелей» невнимательно пасли мужики, сгруппировавшиеся вокруг грубо сколоченного стола под одиноким фонарем. На одном краю стола высилась переполовиненная пластиковая бутылка с негазированной минералкой, на другом – двое водил играли в шашки, а третий наблюдал за игрой, и еще кто-то непонятно возился в зарослях, подсвечивая себе фонариком.

– Добрый вечер, – приветливо сказала я, появившись в круге света перед дядьками.

– Свят, свят, свят! Сгинь, нечистая! – смешно закрестился маленький лысый живчик лет пятидесяти, одновременно улыбаясь во всю ширь щербатого рта. – Кто ты, ночная гостья?

– Так, прохожая. Мне бы Михалыча, – попросила я.

– А в лоб? – хамовито отозвался один из игроков в шашки – тот, который сидел лицом ко мне.

Смотрел он при этом не на меня, а на доску, но правую руку занес повыше и сложил пальцы для щелчка. Я уже испугалась, что меня хотят стукнуть, но тут мужик опустил руку и громко щелкнул по шашке на доске. Черная шашка шумно врубилась в ряд противостоящих ей белых, пластмассовые кругляшки разлетелись в разные стороны, и из зарослей травы позади игроков, разогнувшись, показался толстый парень с фонариком в руке.

– Все, мужики, кончай играть! – громко сказал он. – Третий комплект шашек расстреливаете, я уже запарился их собирать, в темноте ничего не видно!

Я подняла черную шашку, которая стукнула меня по коленке и упала в траву, шагнула вперед и положила похожий на шоколадную конфетку кругляшок на край стола.

– Спасибо, солнышко! – поблагодарил меня мужик, действия которого произвели фатальное опустошение на клетчатой доске. – Ты, говоришь, Михалыча ищешь? Он там.

Дядька махнул рукой в сторону припаркованной поодаль маршрутки, на дверце которой была изображена голая девушка, в технике «боди-арт» высокохудожественно раскрашенная под сотовый телефон. Рядом помещался адрес салона сотовой связи «Сотня» и слоган: «Жми, не бойся!» На какие именно места желательно жать, указывали красные стрелочки, пририсованные кем-то от руки в нарушение художественного замысла авторов картины. Расписная дверь была открыта, и за ней в неосвещенном салоне кто-то шумно ворочался. Опасаясь, что там именно в этот момент кто-нибудь безбоязненно жмет на какие-то эрогенные точки, я громко покашляла:

– Кгх-м, кхе! Извините, пожалуйста, можно видеть Михалыча?

– И видеть, и слышать, – подтвердил усталый мужской голос.

– И осязать! – захохотал кто-то из игроков за столом, явно намекая на игривую рекламу «Сотни». – Жми, не бойся!

– Не смущайте девочку, – укоризненно произнес человек, выглянувший из маршрутки. – Это я Михалыч. Чего ты хочешь, детка?

Мужик был немногим старше меня, но отеческое обращение в его устах не звучало насмешкой. У дядьки был такой добродушно-основательный вид, что сразу становилось понятно: его начали уважительно называть Михалычем уже лет двадцать назад. Этот человек самодостаточен, спокоен и уверен в себе, пиитета по отношению к прессе от него не дождешься, тут нужна совсем другая тактика!

Я засунула поглубже в карман удостоверение, которое начала было вытаскивать, вздохнула и жалобно протянула:

– Помогите мне, пожалуйста! Я тут у вас в машине забыла папку с документами, вы ее не находили?

– Не помню никакой папки, – секунду подумав, Михалыч покачал головой. – Ты ее точно у меня оставила?

– Точно-точно, – я закивала, как китайский болванчик. – «Сорок четвертая» маршрутка с голой девицей на двери, я хорошо запомнила. А вы всегда на этой машине сами ездите? Может, у вас есть сменщик?

– Сменщика нету. Ты когда ехала, сегодня?

Я немного помедлила с ответом, прикидывая, когда могло произойти двойное похищение Ирки и маршрутки? С одной стороны, вчера в обеденный перерыв подруга звонила мне на работу, она еще была дома, но собиралась по делам в город. С другой стороны, сегодня днем кто-то кормил Томку свежесваренной овсянкой. Хотя это мог сделать Моржик, который к вечеру тоже куда-то запропастился...

– Честно говоря, это не я забыла у вас папку, а мой растяпа-муж, – я несколько изменила легенду. – Когда – не знаю, может быть, еще вчера, но признался только сегодня.

– Нет, я никакой папки не видел, – огорчил меня Михалыч. – А если она вчера вечером каталась без хозяина, то вы ее вряд ли найдете. У меня вчера машину угнали.

– Да что вы? – притворно удивилась я. – Угнали маршрутное такси? Как это возможно?

Михалыч устало присел на подножку маршрутки и рассказал мне, как можно угнать маршрутку. Оказалось, очень просто!

Вчера вечером, часу в шестом, Михалыч, как обычно, вел свой транспорт по маршруту, из Пионерского в центр города. Подъезжая к остановке «Торговый центр „Мишень“, где всегда кто-то выходит, а кто-то садится, водитель заранее перестроился в крайний ряд и сбросил скорость. Остановился у тротуара и в этот момент услышал противный чавкающий звук: в лобовое стекло смачно влип спелый красный помидор.

– Какого хрена? – изумился Михалыч.

Сквозь исполозованное красными потеками стекло он поискал глазами, откуда прилетел шальной томат, и увидел дохловатого сутулого пацаненка, на вид лет пятнадцати. В одной руке у подростка была корзинка с помидорами, в другой – отдельный красный плод, тут же полетевший в расписную дверь маршрутки. Освободившейся рукой гадкий мальчишка помахал оторопевшему от негодования Михалычу, неторопливо сошел с тротуара на мостовую, встал прямо напротив «сорок четвертой» и приготовился к прицельному лобовому томатометанию.

– Ну, паскуда, я тебе покажу! – взревел обычно добродушный Михалыч, до глубины души оскорбленный немотивированной хулиганской выходкой тинейджера.

Прихватив монтировку, водила выскочил из машины. Дрянной мальчишка швырнул в него корзинку с помидорами, повернулся и побежал за угол Торгового центра. Жаждающий безотлагательно провести с маленьким негодяем воспитательную работу, Михалыч помчался следом.

– Конечно, я не стал бы его бить железякой, – словно оправдываясь, сказал мне водитель. – Я же не изувер какой, чтобы ребенка калечить, даже если он, гад, такой мелкий пакостник! Я бы его просто шлепнул пару раз ладонью пониже спины да сказал бы несколько слов по-отечески!

Однако никакой беседы с малолетним хулиганом у Михалыча не получилось. Едва суровый водила прижал противно ухмыляющегося подростка к стене между мусорными контейнерами магазина, как получил удар по голове сзади.

– Тоже не монтировкой били, но и не ладошкой, – хмуро сказал Михалыч, машинально потерев макушку. – Сзади подошли и кирпичом огрели по маковке, не слишком сильно, не до отключки, но паршивца мелкого я, конечно, из виду выпустил. Удрал гаденыш, и напарник

его тоже смылся, еще и шапку мою свистнули. У меня на голове такая красная стеганая шляпа была, джинсовая, с дырочками сверху...

Прижимая ладонью быстро растущую шишку на голове, Михалыч без шапки и монтировки вернулся на остановку, но своей машины там не нашел.

– Ёж твою! Мужики, не видали, куда маршрутка девалась? Белая «сорокчетверка» с голой бабой на боку? – пометавшись по тротуару, несчастный Михалыч подскочил с вопросом к каменномордым охранникам у раздвижных дверей «Мишени».

Упоминание обнаженной женской природы заставило неподвижных секьюрити ожить.

– Телка-мобилка? Видели такую, прикольно! – ухмыльнулся рыжий детина в наглухо застегнутой белой рубашечке пионера. – Опоздал ты, дядя, на свою маршрутку, укатила тачка по этапу, стереги следующую.

– Как – укатила? – До Михалыча с трудом доходила суровая правда: его транспортное средство, автобус малой вместимости типа «Газель», уехал в голубую даль загазованной городской улицы без своего хозяина и водителя.

– Я, конечно, сразу заявил в ментовку об угоне, – договорил расстроенный неприятными воспоминаниями Михалыч. – Ну, как – сразу? Мобильник-то я в машине оставил, поэтому минут десять прошло, пока я из автомата дозвонился. Менты, ясное дело, меня поначалу на смех подняли, пришлось трижды перезванивать, пока до них дошло, что это не шутка, маршрутку и впрямь угнали. Ну, включили план «Перехват», часа через два нашли мою машинку – благо девка на боку нарисована приметная, мимо не пропустишь...

– А где, где после нашли машину-то вашу? – с острым интересом переспросила я.

– Не поверишь! Смеяться будешь, – мрачно ответил Михалыч. – Здесь и нашли, на конечной! Вернее, она сама нашлась: подъехала, как обычно, пристроилась в хвост очереди и стала себе, как всегда становится. Мужики и не обратили внимания, думали, это я подъехал. Схватились только, когда гаишники с сиреной прилетели!

– Значит, угонщик просто надел вашу приметную шляпу, сел вместо вас за руль и как ни в чем не бывало повел машину по маршруту? А пассажиры, разумеется, подмены не заметили, потому что никто не разглядывал водителя, – я невольно восхитилась ловкостью и изобретательностью угонщиков. – Да, пожалуй, мужнюю потерянную папку мне уже не найти, если у вас целая маршрутка потерялась!

С этими словами я распрощалась с удрученным Михалычем и укатила на другой «сорок четвертой». Маршрутка, возглавлявшая стоящий караван «Газелей», как раз собиралась отчалить, и ее водитель – тот самый улыбчивый живчик, который назвал меня ночной гостьей, – любезно разрешил мне занять место в салоне.

Огнедышащая Марина Куропаткина в ходе дежурного скандала с мужем выплеснула не всю энергию, потому что позорное бегство Гоши предупредило финальный номер Марининой показательной программы – долгую и утомительную истерику с водопадом слез. Таким образом, Марина сэкономила немало сил, которые затем потратила с большим толком: она сделала в квартире уборку, уничтожив следы внутрисемейного мамаева побоища. Чтобы окончательно успокоиться, Марина выпила баночку ром-колы, заела коктейль мороженым и села к телевизору.

Показывали шоу «Шуточки» – популярную воскресную программу, в ходе которой ведущие жестко разыгрывали друг друга и приглашенных гостей, а зрителей, собравшихся на это безобразие посмотреть, то и дело без предупреждения поливали водой и посыпали всякой дрянью вроде порошкового мела.

Марина включилась в просмотр в тот момент, когда ведущий закурил свою трубку, и та, к общей радости собравшихся, зачатила дымовой шашкой. Ведущий, немного похожий на Гошу Куропаткина, мучительно закашлялся и согнулся пополам. Марина злорадно ухмыльнулась.

– А теперь послушайте рассказ о том, как с помощью нашей очаровательной помощницы Элочки мы разыграли популярного артиста Михаила Петровича Моргулина, – безостановочно колотя между лопатками согбенного партнера, проворковала в камеру ведущая – обесцвеченная блондинка с бюстом, подпирающим подбородок.

Популярный артист Моргулин, без грима и вне сценического образа похожий на нервную серую мышку и потому абсолютно неузнаваемый, выступил вперед, опасливо нашаривая путь перед собой специально запасенной тросточкой. Люк, коварно разверзшийся в полу, артисту удалось обойти, и зрители ему одобрительно зааплодировали, но уклониться от упавшего сверху мешка с песком Моргулин не успел. Аплодисменты превратились в овацию и дополнились восторженным свистом.

– Носилки в студию! – ослепительно улыбаясь, повелела ведущая.

Несчастливого Моргулина и заваливший его мешок унесли одним транспортом.

– Элочка, придется рассказывать тебе! – извиняясь, ведущая развела руками и сбила стойку, державшую замаскированный под микрофон приборчик, генерирующий маленькие синие молнии. Стойка прицельно упала на гостевой диван, и электрошок сверх меры взбодрил сразу трех участников программы. Публика от хохота зашлась в рыданиях.

– По сценарию, я должна была изображать соседку Моргулиных – легкомысленную особу без твердых нравственных устоев, – сообщила народу Элочка, смущенно переминаясь на ногах, длинных и стройных, как две мачтовых сосны.

Марина, уловившая созвучие телевизионного рассказа с собственной ситуацией, с ненавистью посмотрела на длинномерные конечности Элочки и напряглась.

– Моей задачей было вызвать у супруги господина Моргулина определенные подозрения. Мне это удалось, – ногастая девица застенчиво потупилась, и Марина почувствовала, что умиротворяющее воздействие ром-колы стремительно сходит на нет. – Спровоцировав семейную сцену, я дождалась ухода Моргулина и включила погромче запись спектакля, в котором актер исполнял роль героя-любовника, сама же стала громко вздыхать, стонать и приговаривать: «Еще, Миша, еще!» Моргулина Михаилом зовут, вы же знаете.

Из дальнейшего рассказа длинноногой красотки Элочки выяснилось, что ревнивая мадам Моргулина слопала наживку вместе с крючком и примчалась выяснять отношения с развратной соседкой, но мудрая Элочка не открыла ей дверь. Только прокрутила еще раз кассету с записью моргулинского голоса и застонала громче.

– А что было, когда Михаил Моргулин вернулся домой, вы можете увидеть сами, – радостно перебила ногастую Элочку грудастая ведущая. – Мы заранее установили в прихожей Моргулиных скрытую камеру, и она запечатлела сцену встречи супругов во всех подробностях!

Вопреки сказанному, выяснилось, что обещанные подробности в большой степени закрыла от объектива широкая спина дородной мадам Моргулиной и ее руки, уставленные в бока. Общее впечатление, полученное зрителями от просмотра записи, свелось к восхищению удивительной живучестью артиста. Стало понятно: если Моргулин благополучно выдержал экзекуцию, устроенную ему женой, то пережить падение мешка с песком будет для него плевым делом. Это порадовало тех, кто выражал беспокойство о самочувствии артиста, покинувшего студию на носилках «Скорой помощи».

Марине моргулинское здоровье было до лампочки. Из рассказа мерзавки Элочки она сделала свои собственные выводы, для проверки которых немедленно выключила телевизор, обесточила гудящий холодильник и плотно прижалась ухом к стене, за которой располагалась квартира соседей. После того, что она увидела и услышала по телевизору, Марина ничуть не удивилась бы, уловив за стеной воркующий голос своего мужа и сладкие вздохи соседки, однако в чужой квартире было тихо.

«Затаились, голубки!» – нелогично подумала Марина.

Она открыла тумбочку в прихожей и в ящичке для перчаток отыскала ключик, который в доме Куропаткиных не подходил ни к одному замку, потому что открывал дверь соседской квартиры. Прошлым летом, уезжая на две недели к морю, предусмотрительные соседи на всякий пожарный случай оставили Куропаткиным ключ, а прозорливая Марина сделала себе дубликат. Как знала, что пригодится!

Бесшумно ступая в мягких домашних тапках, вооруженная ключом Марина Куропаткина подкралась к чужой двери, ловко открыла ее и вошла в квартиру соседей. Ее появление осталось незамеченным, так как входную дверь можно было увидеть только из кухни или непосредственно из прихожей, а именно там в данный момент никого не было. Хрипловатый, отчетливо мужской, шепот доносился из комнаты и сопровождался скрипами и стуком. Марина, которой показалось, что она узнала конспиративно приглушенный голос Гоши, зловеще усмехнулась и сняла с рогагой вешалки в прихожей длинный зонт-трость с тяжелым набалдашником.

– Ну, где же ты, где, едрить твою налево? – раздраженно приговаривал хрипчатый.

Судя по звукам, он одновременно совершал разнообразные и энергичные телодвижения, всячески контактируя с непрочной скрипучей мебелью. Услышав жалобный певучий звон, который издала какая-то стеклянная дверца, Марина вопросительно вздернула брови. Чем это они там занимаются? В прятки играют, что ли?!

В воображении ревнивой жены тут же возникла яркая картинка: подлый изменщик Гоша Куропаткин, на котором из одежды была только шелковая повязка на глазах, вытянув вперед дрожащие от нетерпения руки, в поисках затаившейся партнерши брел по чужой комнате, натываясь на мебель обнаженной натурой. Тут Марина посетовала на то, что соседка не увлекается разведением кактусов, потому что столкновение Гоши в костюме Адама с каким-нибудь здоровенным колючим столбом доставило бы мстительной Марине искреннее садистское удовольствие. Законную супругу Гоша никогда еще не радовал веселыми сексуальными играми типа «жмурки-пряталки»!

– Все, я больше не могу! – возвестил мужчина, которого Куропаткина не видела, зато слышала, как он шумно повалился на скрипучий диван.

«Пора!» – сказала сама себе Марина и с зонтом наперевес выскочила из своего укрытия в прихожей.

– Убью сволочей! – ревела она на ходу.

Множественное число оказалось неуместным: вопреки ожиданиям ревнивицы, на диване обнаружился только один человек, лежавший поверх покрывала в одежде и обуви, плашмя, как камбала. Разогнавшаяся Марина, настроенная на совершение акта возмездия, не успела на бегу поменять свои планы и с размаху огрела незнакомца поперек спины сложенным зонтом. Зонт треснул, мужик крикнул, скатился с дивана и, прикрывая голову руками, рванул в прихожую.

– Врешь, не уйдешь! – крикнула азартная Марина, повторно замахиваясь своим оружием.

Изловчившись, она, как клюшкой, кривой ручкой зонта наподдала пробегающему мимо незнакомцу по заду и с силой выбила мужика из прихожей в открытую дверь.

Побитый воинственной Мариной малый даже не огрызнулся, только негромко матерился, шумно катясь с лестницы.

Сама Марина, поколотив вместо собственного супруга совершенно постороннего гражданина, не испытывала по этому поводу ни малейших угрызений совести. Она пребывала в уверенности, что огретый зонтом тип был еще одним любовником соседки – наряду с Гошей Куропаткиным, который пока не был пойман на месте преступления, что отнюдь не снимало с него подозрений. Немного жаль было зонтик, который оказался менее крепким, нежели спина и ягодицы мужика, и с пугающим хрустом переломился пополам, однако Марина полагала, что это ничтожная плата за возможность наказать в лице незнакомца всех неверных мужей. Тем более что зонтик принадлежал соседке, и, сломав его, Марина таким образом одновременно материально наказывала в ее лице всех коварных любовниц.

Гордо подбоченясь, победоносная Марина оглядела комнату, презрительно фыркнула в сторону дивана и удалилась восвояси, не забыв закрыть дверь на ключ.

Было уже черным-черно, когда я подошла к своему дому. Одиннадцатый час вечера, да еще небо затянули пухлые облака, и под этим толстым одеялом задохнулись и потухли и луна, и звезды.

Оступаясь на покрытом рытвинами допотопном асфальте, оскальзываясь на невидимых во мгле керамзитовых заплатках, я шагала к подъезду, как слепая цапля по болоту – опасно пробуя ногами почву перед собой и вытягивая шею в надежде хоть что-то разглядеть. Со стороны это должно было выглядеть комично, поэтому я не обиделась, когда с лавочки из-под раскидистой вишни донесся смешок. Вместе с ним донесся сигаретный дымок, а секундой позже – ломкий юношеский голос:

– Эй, гражданка! Ты тут не ходи, ты там ходи, а то в люк попадешь – совсем мертвый будешь!

Цитату из «Джентльменов удачи» я узнала, а голос говорящего – нет.

– Это кто тут? – обернулась я, застыв на одной ноге.

– Это я, Красная Шапочка! – глумливо пропищала из темноты какая-то девчонка.

Несколько крепких молодых глоток согласно издали радостное лошадиное ржание.

– Ой, вы, кони мои, кони привередливые! – съязвила я в ответ, фрагментарно процитировав Высоцкого. – Признавайтесь, жеребчики и кобылки, кто опять лампочку в подъезде выкрутил?

– Темнота – друг молодежи! – авторитетно сообщили мне из дружественного подрастающему поколению мрака.

– А также грабителей, маньяков и бандитов, – заметила я, ощупью вдвигаясь в темный, как склеп, подъезд.

Цепляясь за перила, поднялась на второй этаж, ощупью нашла в кармане ключ, а в двери – замочную скважину, с трудом совместила то и другое, открыла дверь и зашагала по неосвещенной прихожей, напрочь забыв о возможности включить электрическое освещение. Втянувшись, привыкла перемещаться в темноте!

На третьем шаге под моей ногой что-то болезненно хрустнуло, и я ужаснулась, вообразив, что Пискаля и его команда прислали мне новый фрагмент моей подруги – на сей раз кость. Похоже, берцовую.

Ослабевшие колени очень кстати подогнулись, я присела и дрожащими руками ощупала то, что хрустнуло: действительно, похоже на кость, только весьма необычной формы – кривую, как коровий рог. Очень странно, у моей подруги вроде ничего такого нет...

Воображение скупыми штрихами живо набросало мне поясной портрет Ирки, очертаниями похожей на слоненка, и тоже с бивнями. Или с одним бивнем, если второй лежит у меня на полу.

– Фу, чушь какая! – сообразив, что несущую чушь, я покачала головой и вытряхнула из нее бредовую мысль о бивнях, рогах и копытах.

В освободившуюся мозговую извилину тут же заползла мысль рациональная – о том, что неплохо было бы включить свет. Я поднялась, протянула руку к выключателю и зажгла бра на стене.

Опасно прижмурив один глаз – на тот случай, если на полу и впрямь валяется что-нибудь страшненькое, я обернулась и поглядела себе под ноги. Разумеется, никаких ороговелостей там не было. На линолеуме лежал зонтик, согнутый закорючкой, которая позволяла безошибочно диагностировать закрытый перелом стержня в районе крепления ручки.

Я протяжно вздохнула: с зонтами у меня почти та же беда, что с декоративно-цветущими растениями – ни один не задерживается в доме дольше чем на месяц. Во-первых, я забываю

зонтики в общественном транспорте и присутственных местах, во-вторых, их также теряет Колян, в-третьих, их калечит Масынька, который очень настойчиво пытается понять конструкцию каждого нового складного зонта, а также установить предел его механической прочности. Правда, на сей раз возложить ответственность за поломку полезного устройства на мужа или сына я не могла, потому как их не было дома. Четвероногих друзей, которые могли бы приложить к зонтику свои лапы и зубы, у нас не водится, а сама я к этому предмету не прикасалась уже с месяц – погода стоит отличная, солнце, жара... Так кто же сломал хороший прочный зонт, способный выдержать тропический ливень и град величиной с горошину?

Встревоженная, я подняла искалеченный зонт, прихватила его выше перелома на манер казачьей пики и обошла всю квартиру в поисках проникшего в нее постороннего. Никого не нашла, но обнаружила, что балконная дверь открыта. Может, я забыла ее запереть, когда в спешке выбегала из дома? А зонт снесло с вешалки в прихожей сквозняком, и он сломался при ударе о пол? Крайне маловероятно! Притом, я вижу, и покрывало на диване смято, и всякое мелкое барахло на полочках и тумбочках сдвинуто со своих мест, и в ящиках, похоже, кто-то копался! Хотя вроде ничего не пропало. Значит, в моей квартире побывал не вор-домушник, а какой-то иной персонаж.

Мне стало немножко страшно. Будучи в данный момент одинокой беззащитной женщиной, я не могла чувствовать себя в безопасности, находясь в квартире с незарешеченными окнами и входной дверью, бронированной не крепче, чем панцирь виноградной улитки. Желание переселиться в Иркины хоромы под защиту зубастой овчарки вновь посетило меня и заметно окрепло. Решено! Последую примеру сказочных поросят, сбежавших от злого волка в кирпичный домик умного старшего братца, и переберусь в Пионерский!

Я выволокла из стенного шкафа средних размеров рюкзачок, с которым хожу выгуливать своего ребенка, вытряхнула из него набор для песочницы, две машинки, мячик, коробку цветных мелков, флакон с мыльно-пузырным раствором, панаму и резервные штанишки. Сложила собственные вещи: белье, пару маек, дамскую сумочку со всем ее содержимым. В Иркинском доме я гощу нередко, так что у меня есть там кое-какой гардероб, можно не тащить с собой в Пионерский ворох одежек.

Разумеется, бежать с рюкзаком на спине в ночь было бы неразумно: трамваи и троллейбусы уже уходят на заслуженный отдых в свои депо, маршрутки удаляются в персональные конюшни. В принципе, можно добраться в Пионерский на такси, но только в район многоэтажек, потому что ни один нормальный водитель не согласится везти меня ночью в квартал недостроенных частных домов. А шагать в полночный час через дикое поле на своих подгибающихся от страха двоих – спасибо, дураков нет! Стало быть, переночевать надо дома, а эмиграцию в Пионерский перенести на завтра.

Придя к этому выводу, я закрыла балконную дверь на оба шпингалета, соорудила у порога портативную баррикаду из пары табуреток, подбодрила себя большой чашкой чая с маленькой шоколадкой и просмотром одного из Масынькиных мультфильмов, после чего бухнулась в постель, накрылась с головой простынкой и крепко уснула.

Понедельник

Тяжелый день понедельник начался с того, что я проспала время подъема. Это меня огорчило, но совсем немного. Гораздо больше я расстроилась, когда вспомнила события вчерашнего дня – в частности, похищение Ирки и вторжение в мою квартиру неизвестно кого. У меня даже аппетит пропал, так что я не стала завтракать, даже чаю не попила, сразу двинула на работу, в свои телевизионные рудники.

Вздернув заранее собранный рюкзачок на спину, я вышла на лестничную площадку, крепко-накрепко закрыла свою дверь, дернула ключ и тут обнаружила, что он прочно застрял в замке. Это еще что за новость? До сих пор замок не бархлил!

Я еще раз дернула непослушный ключ, потом еще и еще – безрезультатно! При этом проворачиваться в замке он не отказывался, крутился, как гимнаст на турнике, только вылезать из скважины категорически не желал. Я открыла дверь, снова ее захлопнула, еще раз заперла, но на строптивый ключ это никак не повлияло. Я толкнула дверь плечом – не надеясь таким образом разъединить слившиеся в экстазе ключ и скважину, а просто для разрядки нервного напряжения. До чего же глупая ситуация! Уйти я не могу – не бросать же без присмотра дверь с гостеприимно торчащим из нее ключиком! И вернуться в квартиру тоже не могу – все по той же самой причине!

В сердцах я бухнула в дверь кулаком и вдруг услышала:

– Замерите, гражданочка. Вы у нас кто будете?

Я не замерла, наоборот, резко повернулась и внимательно посмотрела на человека, задающего такие оригинальные вопросы. «Кто вы будете у нас!» Я знаю только, кто я есть у меня!

– И кем же я могу быть, по-вашему? – поинтересовалась я, прикидывая, не поскандальить ли с этим не в меру любопытным типом.

Непокорный ключ меня жутко разозлил, и было бы неплохо выплеснуть на кого-нибудь свое раздражение!

– Какие у вас есть варианты? – спросила я.

Тощий носатый дядька с седыми усами, неаппетитно свисающими с губ, как две дохлые мохнатые гусеницы серого цвета, выпятил вперед костистый подбородок. Гусеницы конвульсивно дернулись и снова замерли.

– Запросто можете оказаться воровкой-домушницей или неvezучей медвежатницей. В любом случае хорошо бы взглянуть на ваши документки, – скучно промолвил усатый, заставив гусениц поплясать в соответствии с артикуляцией.

Это зрелище меня так увлекло, что смысл сказанного дошел до меня с опозданием.

– Насчет взлома – это вы не по адресу, – секунд через пять обиженно заявила я. – Это моя квартира, я тут живу.

– Документки попрошу, – слабо трепыхнулись гусеницы.

– Паспорт у меня дома, но я за ним не пойду, потому что не могу вытащить ключ из замка и не собираюсь бросать дверь без присмотра, когда на площадке торчит подозрительный тип вроде вас, – на одном дыхании протарахтела я, разозлившись пуще прежнего.

Решено, сейчас поскандаю с этим нудным дядькой, так что он пожалеет, что ко мне привязался!

– Могу показать служебное удостоверение, оно у меня в кармане лежит, только не знаю, зачем я буду это делать? Вы-то сами кто такой будете? У вас и у нас?

– Полковник Червяченко, – сонно моргнул дядька.

– Червяченко – это от слова «червяк», да? Вот здорово! – бестактно восхитилась я. – Слушайте, полковник, а вы такие усы нарочно отпустили, под фамилию?

– Нет, усы я отпустил под бороду, – дядька неожиданно мило улыбнулся, и мохнатые червяки усов изогнулись полукружьями. – Я зимой в отпуск ходил, отпустил бороду, а к ней до комплекта усы просились. Потом, конечно, бороду сбрить пришлось, а усы так и остались.

– Прижились, – заметила я, оттаивая.

Улыбающийся Червяченко выглядел вполне симпатично, и я решила простить ему ошибку: в самом деле, со стороны я, наверное, и впрямь смахивала на взломщицу.

– Усы, лапы и хвост – вот мои документы, – миролюбиво пошутила я, протягивая полковнику свое служебное удостоверение.

Вместе с нормальным настроением ко мне вернулась и способность соображать.

– Секундочку! – вслух подумала я. – А что вы, полковник, делаете на нашей лестничной площадке? И вообще, вы полковник чего?

– Телеви-и-идение! – изучив мое удостоверение, протянул Червяченко вне прямой связи с моим вопросом.

Он скорчил гримасу отвращения и вернул мне красную книжицу, держа ее за уголок двумя пальцами, как дохлую мышь.

– Да, телевидение! – с вызовом сказала я, снова начиная ершиться. – А что вы имеете против? Нет, не отвечайте, я и так знаю, почему ваши органы недолюбливают журналистов: мы тоже ведем расследования и зачастую гораздо более успешно. Молчите! Не возражайте мне, все равно не переубедите, у меня в вашем ведомстве есть пара добрых приятелей, мы с ними все время спорим на эту тему. Молчите, говорю! Лучше скажите, что случилось? Кого-то из соседей ограбили?

Конечно, об ограблении я подумала потому, что и в моей квартире кто-то побывал без спроса и разрешения, да еще ключ, застрявший в замке, наводил на мысль о том, что с ним что-то приключилось. Не с ключом – он все время был при мне, а с замком, в котором кто-то вполне мог поковыряться. Помнится, в милые сердцу школьные годы мои одноклассники заталкивали в замочные скважины запертых кабинетов спички и монетки, чтобы заблокировать механизм замка и сорвать урок.

– Почему обязательно ограбили? – ухватился за мои слова оживившийся полковник.

Подумав секундочку, я не стала пересказывать ему ход своих мыслей. Я подозревала, что несанкционированное проникновение неизвестного лица или группы лиц в мою квартиру находится в одной связи с похищением Ирки и поисками неведомого добра, а в таком случае мне следовало избегать контактов с правоохранительными органами. Не дай бог, похитители решат, что я нарушила их запрет, обратилась в милицию, еще выполняют свою угрозу и навредят моей Ирке! Нет уж, никому ничего не скажу. Лучше, наоборот, натрясу информации из полковника.

– А теперь вы покажите мне свои документы, – потребовала я.

Вместо красной книжечки удостоверения Червяченко протянул мне маленькую карточку.

– «Ваш участковый уполномоченный милиции – Бондарь Семен Иванович», – прочитала я.

Перевернула карточку – там были ФИО и служебные телефоны начальника окружного УВД и ГУВД края. Правда, никто из них не носил фамилию Червяченко. Видно, мой собеседник исполнял роль посыльного. Такой полковник на побегушках!

– Это мне зачем? – удивилась я.

– Информация к сведению. Вдруг пригодится? Я в каждую квартиру такую визитку отдаю.

– Ну, ладно, так уж и быть, я готова поверить, что вы не жулик, – смилостивилась я.

– Тогда я верю, что вы не домушница, – сказал полковник, смешно подергав гусеницами. – Давайте, помогу вам с ключом.

Я склонна думать, что у мужчин взаимопонимание с элементарными механизмами налажено гораздо лучше, чем у женщин. Наверное, эти простые устройства – я имею в виду, механизмы и мужчины, – чувствуют друг друга на каком-то субмолекулярном уровне. А женщины со свойственными им непредсказуемостью и многовариантностью поступков вызывают у примитивных механизмов (мужчин, дверных замков и так далее) что-то вроде классовой вражды, выражением которой становятся забастовки и бунты. Вот и сейчас, стоило только настоящему полковнику протянуть руку к замку, как ключ чуть ли не сам выпрыгнул из скважины в подставленную ладонь.

– Спасибо, – забрав у Червяченко ключик, вежливо сказала я.

При этом не удержалась и покосилась на дядьку с подозрением: может, это он тут у нас медвежатник?

– Не за что, – тряхнул гусеницами полковник.

В этот момент бесшумно открылась дверь квартиры Куропаткиных, и на лестничную площадку выступила Марина, и без того нескладная фигура которой была перекошена под тяжестью большого ведра. Емкость была накрыта крышкой, но это нисколько не мешало догадаться о ее содержимом. Ведро распространяло характерный запах хорошо выдержанных кухонных отходов, такой концентрированный, что крысы, тараканы, грифоны и гиены должны были начать массированное наступление на квартиру Куропаткиных уже несколько часов назад.

– Ну, мне пора, – полковник скривил физиономию, и мохнатые червячки усов сделались досадно несимметричны.

– Мне тоже, – поспешила заметить я, вздергивая на спину рюкзачок.

Марина обволокла нас одним липким взглядом, насмешливо хмыкнула и всей своей буратинистой наружностью выразила оскорбительное неверие в случайность и невинный характер нашей с полковником встречи.

– Вот дрянь, – прошептала я.

– Это не дрянь, это помой! – объявила Марина, в подтверждение сказанного снимая с ведра крышку.

Зловонное месиво могло вызвать активное выделение желудочного сока у голодного стервятника. У меня тоже началось слюноотделение, но лишь как предвестник скорого и острого приступа морской болезни. Почувствовав дурноту, я оперлась рукой о стену.

– Кстати, о мусоре! – нарочито твердым голосом произнес мужественный полковник. – Возьмите, гражданочка, визитную карточку вашего участкового уполномоченного милиции. Обращайтесь, если что.

И, сунув в карман халата мадам Куропаткиной картонный прямоугольничек карточки, господин Червяченко так легко вспорхнул по лестнице на следующий этаж, словно его дрессированные гусеницы мгновенно превратились в бабочек особо высокой грузоподъемности.

Фыркнув повторно, Марина накрыла вонючее ведро просторным пакетом из прочного пластика и перевернула его. Мусор с противным шуршанием и журчанием перевалился в пакет, а мой желудок сделал попытку выскочить через горло. Невозмутимая Марина, у которой, похоже, напрочь отсутствовали всякие рецепторы в носу, завязала горловину мусорного пакета узлом и понесла освободившееся ведро в квартиру. Пакет с гадостью остался лежать посреди площадки, но задержался там ненадолго.

– Опять дерьмища под дверь навалили, сволочи! – заревел в своей берлоге Дядьвась, катастрофически нетрезвый с раннего утра.

Дверь квартиры Дунькиных широко распахнулась, придавив меня к стене и скрыв от моих глаз дальнейшие события, суть и ход которых я некоторое время представляла по слуху.

– Колдуны проклятые, извести меня хотите? – проорал Дядьвась. – А хрен вам! Нате, выкусите!

Плюх! Нога бодрого старца Дунькина с сочным звуком впечаталась в податливый бок свертка с мусором, из чего я сделала вывод, что выкусить обещанный им хрен проклятые колдуны должны были непосредственно из пакета, причем в момент его непродолжительного, но эффектного полета со второго этажа – через открытое окно на площадке, над угольно-черным телом мирно спящего на бетонном козырьке кота Тимони, сквозь редкий виноградник, мимо уха дворничихи Лизы и, наконец, на капот новехонькой «Вольво-S-40» цвета бордо, моментально превратившегося в цвет бурды.

Протестующе заревела оскорбленная в лучших чувствах автомобильная сигнализация «Набат» – тут я подвинула дверь, чтобы задействовать зрение, и увидела, как пробудившийся Тимоня в панике влетел с козырька в подъезд и помчался вверх по лестнице, прижав к башке рваные уши и оскалив пасть в беззвучном крике.

– Сгинь, нечисть! – выкрикнул суеверный Дядьвась, поспешно уводя с пути Тимони большую часть своего пьяного организма, за исключением одной ноги, которая должна была отфутболить черного кота куда подальше и отчасти выполнила свою миссию.

Тимоня, которого пинок, пришедшийся по касательной, лишь сбил с курса, влетел в открытую дверь квартиры Куропаткиных, и оттуда сразу же послышались шум падающей мелкой мебели и истошный женский визг.

С верхней площадки орлом слетел бравый полковник Червяченко – и тоже напрямиком в куропаткинскую дверь!

– Ах, мерзавец! – с чувством обругала Марина то ли кота Тимоню, то ли полковника.

– Стой, стрелять буду! – донесся до меня полковничий рык.

– Так их, вурдалаков! – с энтузиазмом проорал неугомонный Дядьвась. – Серебряными пулями, пли!

– Ополоумели, придурки?! – взвыла Марина Куропаткина. – Какая стрельба? Он в люстру сиганул!

Поскольку вообразить себе усатого полковника, с разбегу прыгающего на осветительный прибор, мне было трудновато, я решила, что речь идет все-таки о Тимоне.

– Не смей стрелять! Это люстра из богемского хрусталя! – в режиме истошного крика проинформировала нас Марина.

– А насрать мне на твою хрустальную люстру! – весело возвестил азартный Дунькин.

Этот процесс я также затруднилась себе представить.

Бешеный мяв вперемежку с громкой мужской руганью заглушил визгливые крики Марины, и секундой позже из дверного проема белкой-летягой на приличной высоте вынесся Тимоня. Он пролетел мимо моего плеча, а следом за ним стройным птичьим клином просвистели эмалированная миска, диванная подушечка-думка и одинокий резиновый шлепанец. Превосходная аэродинамическая форма миски вывела ее в лидеры воздушной гонки и позволила даже опередить Тимоню, который камнем ухнул с козырька в жасминовый куст, в то время как летающая тарелка врубилась точнехонько в руины мусора на капоте «Вольво» и подарила второе дыхание притомившейся сигнализации.

Удержавшись от того, чтобы тоже сигануть в окошко, я сбежала по лестнице во двор. Эпицентр скандала переместился к изгаженной бордовой «Вольво», возле которой приседал и взмахивал руками какой-то мужик, красномордый и огнедышащий, – вероятно, владелец авто. Я бы посмотрела на его занятые телодвижения подольше, но меня подвинула с крыльца Марина Куропаткина. С абсолютно непроницаемой физиономией, заставившей меня вспомнить любимый мебельщиками термин «древесина твердых пород», она проследовала к «Вольво» с веником, совком и пустым ведром, в которое деловито собрала свой мусор. На это мне было уже совсем неинтересно смотреть, и я свернула за угол дома, направляясь на троллейбусную остановку.

На работу я со всем этим цирком, разумеется, опоздала. Вошла в редакторскую, когда часы показывали половину десятого утра и большая часть нашего народа уже разбежалась по боевым постам. В просторной комнате, тесно заставленной письменными столами, находились трое: дежурный редактор Юрик, мой напарник – оператор Вадик и белокурый юноша Лаврентий Листьев по прозвищу Лавровый Лист. Я, впрочем, назвала бы его не лавровым, а баннным листом, потому что более прилипчивого и неотвязного существа никогда не встречала.

Лаврик, самовольно присвоивший себе звание внештатного корреспондента, появлялся в телекомпании примерно раз в неделю и всякий раз приносил какую-то нездоровую сенсацию.

– Всем привет! – громко сказала я, проходя к своему столу мимо гостевого дивана, по большей части занятого длинным телом Вадика.

Тело пошевелилось и выбросило одну руку на манер шлагбаума, преградив мне путь.

– Для головы что-нибудь есть? – хрипло спросил Вадик.

– Только лак для волос, – ответила я, обходя препятствие. – Стоит на полочке у зеркала. Лысый, как колено, Юрик при упоминании средства для укладки волос болезненно поморщился и громко произнес, явно желая сменить тему:

– Ты опоздала на два часа.

– Какие два часа? – удивилась я. – У нас рабочий день начинается только в девять!

– У нас-то в девять, – Юрик кивнул и недобро улыбнулся. – Но ты с сегодняшнего дня работаешь уже не у нас!

– Меня уволили? – безмерно удивившись, я с размаху села на диван, забыв, что там валяется оператор.

Придавленный Вадик издал возглас негодования и дернул ногой, сбросив меня на пол.

Лаврик Листьев разинул рот, но не успел ничего сказать.

– Да нет, не уволили, – с явным сожалением сказал противный Юрик. – Просто продали.

– Я бы сказал, сдали в аренду, – уточнил Вадик, поджимая ноги, чтобы освободить мне кусочек дивана.

– Я не поняла, наша дирекция открыла пункт проката журналистов? – спросила я, поднимаясь с пола и снова усаживаясь на диван.

Ехидно усмехаясь, Юрик вкратце пересказал мне события пятничного вечера, которые я пропустила, потому что уезжала к Колян и Колюшке на море и ушла с работы сразу после обеда. Оказывается, ближе к вечеру наш директор Алексей Иванович нашел блестящее решение проблемы, которая занимала и донимала всю нашу редакцию уже месяца полтора. За это время трое из четверых имеющихся в компании журналистов один за другим попробовали себя в написании сценария получасового презентационного фильма, призванного в наилучшем виде представить деятельность телекоммуникационной компании, названной просто и без затей – «ТелекомКом».

Наверное, именно это нелепое, с точки зрения филолога, название предопределило судьбу нашего сотрудничества с данной компанией: раз за разом сценарные «блины» выходили комом. Руководство ТелекомКома» забраковало все три варианта, мотивируя это тем, что авторы «недостаточно прониклись духом компании». Я лично духом «ТелекомКома» пока не дышала, но обеспеченная заказчиком стопроцентная предоплата наших телевизионных услуг не позволяла мне надеяться, что это чаша меня минует. Рано или поздно, но меня тоже ждал «ТелекомКом».

Он ждал – и дождался! В рамках достигнутого в пятницу кулуарного соглашения между телекомкомовским и нашим руководством я должна была с сегодняшнего дня прибыть в распоряжение начальника рекламно-информационного отдела компании связистов. Гениальная задумка нашего Алексея Ивановича, горячо одобренная телекоммуникационным начальством, заключалась в том, чтобы внедрить меня в РИО под видом штатного сотрудника и таким образом предоставить мне возможность полной грудью вдохнуть неповторимую атмосферу «ТелекомКома».

– А зарплату они мне платить будут? – без особой надежды поинтересовалась я. – Или я буду редактировать и даже сочинять увлекательные тексты об оптоволоконных кабелях, распределительных коробках и герметизированных муфтах за просто так?

– Не за просто так, а за свою обычную зарплату штатного сотрудника нашей телекомпании, – поправил меня Юрик.

– Наш пострел везде поспел, – прокомментировал Вадик.

– Слуга двух господ, – кивнула я и невидящим взором посмотрела на Лаврика, который открывал рот, как выброшенная на сушу рыбина, явно ожидая возможности заговорить.

Мысленно я прикидывала, не смогу ли я извлечь какую-нибудь выгоду из имеющегося расклада.

Если я не буду в этом «ТелекомКоме» особенно перетруждаться – а я не буду, потому что не обязана пахать задаром на чужого дядю, – то у меня будет больше времени на то, чтобы разобраться со странной и откровенно тревожащей меня историей с похищением Ирки.

– И когда я должна приступить к новой работе? – спросила я Юрика, приняв решение.

– Говорю тебе: два часа назад! – Юрик постучал крепким ногтем по циферблату наручных часов. – В «ТелекомКоме» работают с восьми утра.

– Ты хочешь сказать, что я должна буду ходить на работу к восьми утра?! – ужаснулась я. – А просыпаться, стало быть, мне придется в семь?!

– В шесть тридцать, – широко зевнул Вадик. – Эта контора находится в самом конце Новокубанской, аж на въезде в Пионерский. По моим прикидкам, от твоего дома туда ехать час, не меньше.

– Чудесно! – нелогично обрадовалась я.

Однако все очень удачно складывается: это от моего дома до конца Новокубанской ехать целый час, а от Иркиного, в Пионерском-2, при желании минут за тридцать можно дойти пешком.

– Скажите, пожалуйста, а надолго меня откомандировали? – спросила я, уже стоя в дверях.

– На неделю.

– Отлично! Пока! – решив, что за неделю я, пожалуй, все проблемы утрясу, я вышла из редакторской, весело напевая.

– Елена, подождите, пожалуйста! – Лавровый Лист ожил и бросился за мной вдогонку.

– Лаврик, я очень спешу! – взмолилась я. – У меня уже два часа, как рабочий день начался!

– Я вас не задержу, – пообещал Лаврик и крепко схватился за хлястик на кармане моего рюкзака.

– Отцепись, – попросила я, не прекращая движения. – А то мы с тобой похожи на слониху-мать и слоненка, цепляющегося за ее хвост.

– Я только на минуточку! – взмолился Лаврик. – У меня сенсация, настоящая информационная бомба!

– Знаю я твою минуточку, – проворчала я, вынужденно останавливаясь.

Не хотелось мне загреметь с крутой лестницы с рюкзаком на спине и Лавриком на буксире!

– И сенсации твои я тоже знаю, – добавила я.

Впервые сей юноша бледный со взором горящим – Лавровый Лист – появился у нас прошлым летом. Маниакально блестя голубыми очами, нервно-вздохмаченный и захлебывающийся восклицательными междометиями, Лаврик выдал суперновость: на окраине города, в чистом поле, лежит разбитый пассажирский самолет!

Сразу две наши съемочные группы стартовали в указанном направлении, даже не дослушав Лавриково сенсационное сообщение. Третья группа – мы с Вадиком – задержалась только для того, чтобы узнать у жадно хлебающего минералку Лаврика, известно ли ему что-нибудь о жертвах авиакатастрофы. Лаврик на этот вопрос отвечал уклончиво и все больше норовил многословно описывать чувства, которые он испытал при виде рваных кусков металла, ослепительно сияющих в лучах полуденного солнца. А потом прямо с набережной позвонила моя коллега Наташа, попросившая нас с Вадиком никуда не спешить и задержать до ее возвращения брехуна Лаврика. Оказалось, что «потерпевший катастрофу авиалайнер» – это аккуратно разрезанный на части списанный самолет, чин-чином подготовленный владельцем – компанией «Аэролайн» к отправке в пункт приема цветных металлов. Лаврика прогнали взащей и наказали забыть дорогу в телекомпанию раз и навсегда.

Как бы не так! Лавровый Лист прибежал к нам с тех пор регулярно, примерно раз в неделю, обычно по понедельникам. Подозреваю, что в другие дни он посещал иные студии и редакции бульварных газет, которых у нас достаточно много.

– Вы хоть взгляните, какое чудо! Ну, Еленочка, ну, посмотрите, что вам стоит! – заканял Лаврик.

Я обреченно вздохнула.

Оценив этот мой вздох абсолютно правильно, Лавровый Лист осторожно поднял с пола не замеченную мной пластиковую дырчатую торбочку, дожидавшуюся момента демонстрации под банкеткой в коридоре.

– Вот, – с гордостью сказал Лаврик. – Это моя сенсация!

Я заглянула в пластиковую кошелку и увидела непонятный меховой комок, больше всего похожий на валик для окраски стен, уже использовавшийся по прямому назначению и потому помятый и клочковатый. Лаврик поспешно запустил руку в торбу и вытащил из нее сонно моргающего полосатого котенка с довольно длинной шерсткой, наводящей на мысль о дальнем родстве с персидскими кошками.

– Самый обыкновенный уличный Васька, возможно, незаконнорожденный перс по одной из родительских линий, – заметила я. – Или «Сенсация» – это его второе имя?

– Вовсе даже не обыкновенный! – обиделся Лаврик. – Это же единственный известный представитель породы шейно-волосатых или гривастых кошек! Да вы сами посмотрите, какая у него грива! Вы видели что-нибудь подобное?

Я присмотрелась к воротнику из особенно длинных белых волос, окружающих кошачью мордочку, ставшую похожей на сердцевину ромашки или хризантемы.

– Видела, конечно! Такую куафюру из искусственных нарощенных волос можно соорудить в каждом парикмахерском салоне!

– Вовсе и не в каждом! – с жаром возразил Лаврик. – Только в специальной парикмахерской для животных, и то по знакомству!

Тут Лавровый Лист сообразил, что проговорился, и его гладкие и крепкие, как яблочки, щечки покрылись пятнами свекольного румянца.

– Спровоцировали вдвоем с подружкой дворовой кисе оригинальную прическу – и думали выдать своего зверька за новое четвероногое чудо? Совести у вас нет, молодой человек! – заключила я, решительно отодвигая беспринципного Лаврика со своего пути. – Врушка-Лаврушка! Сгинь с глаз моих, чтобы я тебя больше не видела.

– Ну и ладно! – выкрикнул мне вслед разобиженный Лавровый Лист. – Подумаешь! Не хотите сенсаций – и не надо! Вам же хуже будет, проиграете в конкурентной борьбе с желтой прессой! Между прочим, в «Живем!» мою информацию с руками отрываю!

– Жалко, что не с головой! – проворчала я.

«Живем!» – это популярная газета, желтая, как греческий лимон. В ее редакции действительно очень любят всяческие сенсации, по большей части высосанные из пальца. Редакция «Живем!» находится в одном здании с нашей телекомпанией, этажом ниже, так что Лаврику с его кошкой-ромашкой за признанием недалеко идти. Думаю, в одном из ближайших выпусков газеты появится полоса с портретной фотографией Лаврикова котика и убойным материалом под интригующим названием вроде: «Гривастые кошки: кто они?» В подзаголовке будет сообщено, что ученые спорят, является ли гривастая кубанская кошка тупиковой ветвью эволюции кошачьих, промежуточным звеном между львами и тиграми, или же это странное существо появилось в результате мутаций, вызванных техногенными факторами. В подверстке обязательно будет нарочито бесстрастный перечень тех самых факторов, способствующих рождению двухголовых телят, плешивых соболей нехарактерного пятнистого окраса и кошек с блондинистыми гривами сивых кобыл. Между прочим, проскользнет мысль о том, что деятельность Чернореченского химического завода наверняка не столь экологически чиста, как

это хотят представить владельцы предприятия (список основных акционеров прилагается), и какой-нибудь депутат Законодательного собрания края воспользуется возможностью еще раз высказаться против строительства в крае АЭС... В общем, при грамотной раскрутке Лаврушкин длинногривый питомец может в короткий срок прославиться не меньше, чем клонированная овечка Долли, и занять достойное место в пантеоне монстриков, в одном ряду с гремлинами и Чебурашкой!

Размышляя подобным образом, я ехала устраиваться на работу в «ТелекомКом».

Несмотря на мое опоздание, встретили меня там очень тепло. Вручая мне анкету, которую я должна была заполнить, начальница отдела кадров жмурилась, как разомлевшая на солнце цыпленок, породы «гривасто-химически-завитая». У меня сложилось впечатление, что эта любезная дама заговорщицки мне подмигивала – вероятно, намекала, что знает о том, что я не настоящий соискатель места, а разведчица с телевидения. Впрочем, возможно, что у кадровички просто был нервный тик. Очень скоро я поняла, что у моих новых коллег в массе своей с психикой серьезные неладки. Особенно плохо обстояли дела с душевным здоровьем у сотрудников рекламно-информационного отдела, в который меня и направили.

– Вы наш новый редактор? Боже, какое счастье! – восторженно вскричала начальница рекламщиков, едва я сделала сдержанный книксен на пороге ее красивого кабинета с евроремонтом и дорогой мебелью.

Немного удивившись тому, что сделала кого-то счастливым своим появлением, я не стала сопротивляться, когда начальница поволокла меня в отдел. Вдобавок я разомлела от уличной жары и, оказавшись в кондиционированном помещении, чувствовала себя подтаявшим пломбиром, проходящим курс реабилитации в морозилке. Нормальную форму я еще не обрела.

Начальница – хрупкая женщина в строгом брючном костюме – была ниже меня ростом, но гораздо энергичнее, и со стороны мы с ней должны были выглядеть, как маленький целеустремленный муравей и обморочно обмякшая куколка. Это зрелище вызвало улыбки на лицах аборигенов рекламного отдела, однако всякие следы веселья испарились с их физиономий, когда начальница прямо с порога кабинета радостно провозгласила:

– Друзья мои! У нас снова есть редактор!

– Опя-ать? – тихо простонала одна из двух девиц.

– Со святыми упокой, – прошептала вторая барышня, посмотрев на меня с жалостью.

Я подавила закономерное желание спросить, какая судьба постигла предыдущего редактора или редакторов, и приветливо улыбнулась.

– Ваше рабочее место там, – показала начальница, демократично представившаяся мне как «просто Мария». – Прощу! Мы вам очень рады и создадим вам самые благоприятные условия.

Часа через полтора я поняла, что мне создали самые благоприятные условия для потери аппетита, хорошего настроения и вообще рассудка. Самым первым и весьма ответственным заданием, порученным мне как редактору, было сочинение оригинальных поздравлений десяти именинникам и юбилярам. Каждое поздравление должно было быть особенным, при этом требовалось соблюсти общий стиль.

Проанализировав три дюжины образчиков, выданных мне предусмотрительной Марией, я обнаружила, что поздравления пишутся по общей схеме. Во-первых, следовало назвать именинника (юбиляра) уважаемым и по имени-отчеству, а затем убедительно просить его принять искренние (теплые, сердечные) поздравления с днем рождения (юбилеем) от всего коллектива «ТелекомКома». Потом нужно было отметить большой вклад именинника (юбиляра) в дело, которому он служит, – не имея ни малейшего представления о том, что это за дело такое! После этого полагалось высоко оценить человеческие качества героя торжества и переходить непосредственно к пожеланиям. Тут приветствовался витиеватый стиль и выражения типа: «ощу-

щение абсолютного здоровья», «победоносное движение в будущее» и «неиссякаемый творческий потенциал».

Мой собственный творческий потенциал иссяк минут через сорок. Где-то на пятой или шестой «поздравлялке» я обнаружила, что в пожеланиях пошла по второму кругу. Кроме того, меня посетило близкое к сумасшествию ощущение, будто я разговариваю с манекенами в витрине магазина: все именинники, без различия возраста и пола, сделались в моем воображении однойцевыми близнецами, в равной степени наделенными однообразными достоинствами. В комплект обязательных добродетелей входили высокий профессионализм, фантастическое трудолюбие, а также сила воли и упорство в достижении цели, парадоксально сочетающиеся с редкой добротой, поразительной чуткостью и чувством юмора, причем последнее непременно было искрометным – хоть спички зажигай!

Застопорившись на сочинении шестой «поздравлялки», я жалобно попросила у коллег гуманитарной помощи в виде чашечки кофе, получила ее и вылебала горячий напиток в два приема, однако это несколько не стимулировало мою умственную деятельность. Не дала освежающего эффекта и холодная пепси, налитая мне сердобольной девушкой Катей, занятой на конвейерно-поточной сборке полуфабрикатных флажков с фирменной символикой.

Оглядевшись по сторонам – не смотрит ли кто на меня? – я отодвинула в сторону компьютерную клавиатуру и несколько раз аккуратно стукнулась головой о столешницу. Камера видеонаблюдения над входной дверью с готовностью развернулась в мою сторону. Я придурковато подмигнула заинтересованно поблескивающему объективу и сказала:

– Эврика!

– С «Эврикой» мы уже не работаем, – не прекращая производство флажков, откликнулась замордованная тупой работой Катя. – Они запероли нам печать последнего буклета.

Я внимательно посмотрела на девушку, но не стала объяснять, что мое восклицание не имеет никакого отношения к одноименной типографии. «Эврика!» я вскричала потому, что придумала, как внести в свою работу по сочинению поздравлений свежую струю. Очень просто: буду пытаться представить себе человека, к которому обращаюсь!

Ну, кто у меня на очереди? Я посмотрела в бумажку со списком именинников. Шестым номером шел некий Кузьма Абрамович Чернорученко, и небанальное сочетание имени, отчества и фамилии на некоторое время выбило меня из колеи. Неведомый Кузьма Абрамович, банкир полных пятидесяти лет, виделся мне маленьким лысым живчиком с большим семитским носом, сливовыми глазами и лихим казачьим чубом, завитым спиралью на манер пейса. Облаченный в рязанскую вышитую косоворотку, Кузьма Абрамович наяривал на гармонике «Хава нагила» и подрагивающим в такт музыке подбородком указывал на шляпу с логотипом своего банка, призывая меня сделать денежный вклад в этот головной убор.

Я преодолела порыв достать кошелек и потрясла головой, выбрасывая из нее зримый образ гибридного славяно-еврейского банкира. Пропущу-ка я, пожалуй, господина Чернорученко. Кто там следующий?

Седьмым в списке числился Федор Федорович Быков, директор оптовой продовольственной базы. Я почесала в затылке. У меня лично был только один знакомый Федя – хулиганистый одноклассник, жизненный путь которого я наблюдала пунктирно: «волчий билет» в восьмом классе – ПТУ – армия – вещевой рынок – зона – снова рынок – снова зона и потом как-то вдруг – частная сеть дорогих магазинов. Один Федя закономерно проассоциировался с другим, и директор базы Быков представился мне здоровенным мордоротом с забритой под машинку низколобой головой и толстой красной шеей, зажатой тугим воротником белой сорочки. Господи, да какое поздравление можно написать такому типу? «Федя, кореш, чисто с юбилеем тебя, в натуре!»

Идея с олицетворением адресатов позорно провалилась. Что бы еще придумать? Я порылась в сумке, нашла завалившийся в складках огрызок маленькой шоколадки и слопала его

вместе с неопределенного происхождения крошками и обрывком станиоля. Мозги, получившие допинг, заработали – неохотно, как проржавевший механизм, и с жутким скрежетом.

– У вас телефончик звонит, – видя, что я игнорирую раздражающий звук, подсказала мне Катя.

Оказывается, скрежет издавали не шестеренки в моей черепной коробке, а мобильник, в режиме вибрации гигантским тараканом сноровисто ползущий по ламинированной столешнице. Я перехватила жужжащее «насекомое» на пути в корзину для бумаг и поднесла к уху.

– Кыся, привет! – весело закричал мой муж. – Как ты там?

– Нормально, – буркнула я.

Катя посмотрела на меня с откровенным сомнением.

– Чего звонишь? – недружелюбно спросила я супруга, отрывающего меня от значительной и важной работы по восстановлению нормальных параметров творческого потенциала.

– Кыся, я тут подсчитал на досуге и обнаружил, что моя последняя статья в «Мире компьютеров» – уже двадцатая! Это же юбилей получается! Поздравь меня!

Я тихо зарычала. Коллеги отклеили заинтересованные взгляды от мониторов и прилепили их ко мне.

– Ну, что ты молчишь? – теребил меня Колян.

– Уважаемый муж! Примите искренние поздравления с Вашим юбилеем от всего коллектива нашей семьи! – провозгласила я, сбиваясь на угрожающее рычание. – Вы вносите значительный вклад в важное и нужное дело ознакомления компьютерных пользователей с новинками открытого программного обеспечения! Двадцатая статья – это рубеж, когда отшлифованные за годы активной работы навыки специалиста умножаются на присущие Вам прекрасные человеческие качества – природную доброту, отзывчивость, сердечность! От всей души желаем Вам ни в коем случае не подводить итогов, сохранять бодрость, оптимизм, хороший аппетит и крепкий сон! Ура!!!

– Сдохнуть можно! – восхищенно прошептала Катя.

– Аминь! – донесся из угла ехидный голос дизайнера Коки, которого я еще не успела толком разглядеть, так как его закрывал огромный монитор.

– Кыся, ты не заболела? – после паузы встревоженно спросил Колян.

– Я абсолютно здорова! – рявкнула я.

Выключила трубку и обвела тяжелым взглядом коллег, которые тактично удержались от того, чтобы озвучить свои соображения и комментарии.

– Возьми, это тебе! – Катя потянулась через проход, разделяющий наши столы, и поставила передо мной маленький телефончик из мягкой резины.

– Катюша, – сказала я сначала тихо, а потом все повышая голос. – Я понимаю, что должна казаться совершенной идиоткой, причем буйно помешанной, но неужели я буду выглядеть более нормально, если начну вести разговоры по игрушечному телефону?!

– А прикольно будет! – оживился Кока, высовываясь из-за своего монитора.

– Не дождетесь, – твердо сказала я.

– Не надо по нему звонить, это не телефон, а стресс-бол: такая штука для снятия нервного напряжения, – мягко пояснила Катя. – Его можно тискать в руке или швырять об пол.

– Помогает?

– Мне – нет! – сообщил Кока. – Я бы предпочел стресс-бол в человеческом облике, такую большую резиновую куклу с набором масок по числу сотрудников компании!

– Две с лишним тысячи оригинальных масок? Полноцветных, на картоне, с вырезкой? – профессионально заинтересовалась Катя. – Если печатать в типографии, это будет стоить жутких денег!

И милая девушка с готовностью потянулась за калькулятором.

Дизайнер Кока демонически захохотал и рухнул на клавиатуру. Я подняла правую руку с указательным перстом, приготовленным для вращения у виска, но в последний момент проявила деликатность и просто поправила завиток волос над ухом.

– Лично я обычно втыкаю в эту штуку кнопки и булавки, – хищно улыбнувшись, сообщила мне незаметно подошедшая Мария.

– Помогает? – повторила я.

– С каждым днем все меньше, но я уже приготовила отличное бритвенное лезвие! – Мария мечтательно прищурилась, очевидно, воображая, как она будет пластать острым лезвием несчастный телефончик, превращая его в нарезку-ассорти.

Сказать, что к концу первого своего рабочего дня в «ТелекомКоме» я одурела – значило ничего не сказать. У меня жутко болела голова, а перед глазами, стоило только их закрыть, заплясали маленькие изумрудные человечки – все, как один, в конусообразных картонных шапочках, с пищалками, хлопучками и кусками жирного именинного пирога, которыми зеленые поганцы норовили запустить прямо в меня. Задремав в маршрутке по пути домой, я нервно вздрагивала.

Окончательно одурев, я перепутала маршрутки: села в машину, следующую в сторону моего собственного дома, а вовсе не в Пионерский, как я планировала ранее. Очнулась, когда поворачивать было уже поздно, и решила сначала немного отдохнуть в родных пенатах, а уже потом – вечером, когда спадет жара, – потихоньку двигаться в Пионерский. На тот случай, если там объявился кто-нибудь из хозяев – Моржик или Ирка, – я из квартиры позвонила приятелям на домашний телефон. Никто мне не ответил. Я с сочувствием подумала о Томке, вероятно, страдающем от голода и жажды, повесила трубку, и тут телефон ожил по собственной инициативе.

Звонил Пискля, которому хотелось знать, увенчались ли успехом мои поиски неведомого «добра». Я злобно гаркнула: «Нет», и мерзавчик противным голосом посоветовал мне наведаться к почтовому ящику.

Бросив трубку на обувницу, я сгоняла на первый этаж, сквозь небольшую толпу каких-то граждан и гражданок протолкалась к ящику и вынула из него вторую пшеничную косу с плодово-ягодной заколкой. Банда Писклявого полностью обкорнала Ирку!

– Убью скотину! – в бессильной ярости вскричала я, представив себе подружку с кошмарной стрижкой выздоравливающего тифозника. И гневно топнула ногой, наступив на щегольской дырчатый штиблет какого-то дядьки. Мужик ни единым словом не выразил своего неудовольствия, но посмотрел на меня так пристально, словно хотел запомнить в лицо.

Не обратив на это внимания, я взбежала по лестнице, хлопнула дверью и закричала в трубку:

– Послушай, ты! Прекрати играть в шарады! Хоть объясни по-человечески, что именно я должна найти!

– Ценность, – как-то неуверенно ответил Пискля. – Чужую, не принадлежащую твоей подруге.

– Какую ценность? Хоть размеры назови! Что мне искать, жемчужные зерна россыпью или слиток серебра размером с холодильник?

– Какой холодильник? – опешил Пискля.

– Двухкамерный «Самсунг»? – предположила я, машинально покосившись в сторону кухни.

– Ты что, нашла ничейный холодильник? – после паузы спросил Пискля.

Мне показалось, что на заднем плане в этот момент слышны были еще какие-то голоса, но заговоривший Пискля их заглушил.

– А что, скажешь, холодильник – это не ценность? – завелась я. – Хороший холодильник – он дорогого стоит! Впрочем, я не находила никаких бесхозных холодильников, – тут я

снова покосилась на собственный морозильный агрегат, который вполне можно было назвать бесхозным, так как о его наполнении в отсутствие Колянов я совершенно не заботилась.

Пискля невнятно кашлянул.

– Минуточку! – сообразила вдруг я. – Ты что же, и сам не знаешь, чего хочешь? Не имеешь никакого представления о том, что я должна искать, точно? Я угадала?

В трубке опять послышалось приглушенное многоголосие.

– Ладно, будем откровенны: вы правы, мы не знаем, какую именно ценность прячет от нас ваша подруга, – Пискля вдруг перешел на «вы» и заговорил мужественным басом. – Однако это не меняет положения вещей: наш... гм... человек передал нам некое добро, которое ваша подруга бессовестно присвоила. Мы не знаем, что это такое, но очень хотим это получить. А ваша подруга отказывается с нами разговаривать...

– Не хочет говорить по-хорошему – заговорит по-плохому! – бас снова сорвался в писк.

Я догадалась, что у телефона собралась вся шайка и аппарат передают из рук в руки.

– Нет-нет, не надо по-плохому, – нарочито спокойно попросила я. – Я постараюсь найти это ваше добро, чем бы это ни было. А вы обещайте не причинять вреда Ирке.

– Я подумаю, – важно пообещал Пискля.

Тон нашей беседы, поначалу весьма агрессивный, как-то незаметно изменился и стал почти приятельским. Мы даже едва не пустились в обсуждение тарифов на мобильную связь! Как я поняла, эта тема Писклю живо интересовала. Во всяком случае, он озабоченно спросил, плачу ли я за входящие звонки или же это делают мои собеседники. Тема дороговизны сотовой связи возникла в связи с моей настоятельной просьбой впредь звонить мне не домой, а на мобилку. Выраженное нежелание Пискли нести материальные расходы меня неприятно удивило. Что это за банда такая жалкая мне досталась? Киднепинг они осуществляют с помощью общественного транспорта, на сотовую связь денег жалеют, а главаря, вообще, похоже, в пятом классе средней школы себе подобрали. Правильно, детки сейчас как раз на каникулах, какого-нибудь хулиганистого пацана вполне можно нанять в бандиты – за мороженое и билет в кино!

Впрочем, Ирку банда Пискалявого все-таки похитила, так что недооценивать эту криминальную компанию не стоило.

Тут мне вдруг пришло в голову, что у меня нет никаких доказательств того, что Пискля и его команда действительно похитили Ирку. А не мешало бы чем-нибудь подтвердить честное бандитское слово! В следующий раз, когда мой пискалявый приятель позвонит, потребую дать трубку Ирке.

А пока не поленюсь, перерою подружкин дом от подвала до крыши. Буду искать что-то такое, что обладает большой ценностью и, о чем я знаю, не принадлежит Ирке. Вообще говоря, под это определение прекрасно подходит Томка! Не собака, а чистое золото, причем не Иркино золото, а мое собственное! У Максимовых Том только квартирует, правда, так долго, что уже прижился, и искренне считает Ирку и ее мужа такими же законными хозяевами, как меня. А неплохо было бы всучить пискалявому паршивцу в качестве выкупа за Ирку здоровенную зубастую овчарку!

Представив, как бандюги, алчно блестя глазами и потирая ладони в предвкушении наживы, развязывают бантик на горловине большого холщового мешка и из подарочной упаковки на оперативный простор вырывается мое полнозубое четвероногое, я мстительно хохотнула.

Желание полежать-отдохнуть у меня как-то само собой прошло, так что я была уже вполне готова стартовать в направлении Пионерского. Правда, желание чего-нибудь перекусить не только не прошло, но даже усилилось, но тут я мало чем могла себе помочь: в холодильнике было почти так же пусто, как у меня в желудке. Нет, в желудке был хотя бы желудочный сок!

Впрочем, морозильный агрегат тоже оказался не вполне безнадежен: в ячейке на дверце нашлась бутылочка с кетчупом. Считать острый томатный соус самодостаточным блюдом, конечно, нельзя, но если полить им какое-нибудь хлебобулочное изделие...

Я вовремя вспомнила про булочку, которую купила еще по дороге в «ТелекомКом», но забыла съесть, потому что сочинение «поздравлялок» надолго отбило у меня аппетит.

Теперь булка сгодилась. Щедро полив ее кетчупом, я вышла из квартиры, чтобы мчаться в Пионерский.

Однако мчаться с места в карьер не получилось, потому что одновременно со мной на лестничную площадку важно выступила несносная Марина Куропаткина. Одетая она была очень оригинально, но разностильно: в короткое шелковое кимоно, оставляющее открытыми костлявые коленки, и резиновые калоши на босу ногу. Я остановилась, чтобы уступить дорогу противной бабе, а заодно рассмотреть ее получше.

Пользуясь терминологией наших видеомонтажеров, наружность Марины являла собой качественный «микс» праздничного и повседневного варианта. Жуткие калоши в пятнах нитрофоса свидетельствовали о принадлежности Марины к племени тружеников полей и огородов, кокетливая шелковая разлетайка поверх проглядывающих из-под нее застиранных трикотажных панталон говорила о желании принарядиться, на лице белела косметическая маска из каолина, а волосистая часть головы уже пребывала в торжественном убранстве. Судя по всему, мадам Куропаткина находилась на промежуточной стадии превращения из чудовища в красавицу. Интересно, для кого это Марина преобразается? Явно не для тех, с кем общается постоянно, иначе бы не вышла из квартиры в таком полуфабрикатном состоянии.

Вредная тетка прошла мимо меня, даже не кивнув. Может, она косметической глиной не только морду, но и глаза себе замазала? Ага, и рот тоже, так что теперь слепая и немая!

– Чтоб ты с лестницы свалилась! – шепотом пожелала я ей, не трогаясь с места.

Дождаясь, пока Марина уйдет подальше, я укусила политую кетчупом булку. Хм, не так плохо, как можно было подумать! Запить бы еще чем-нибудь, да не хочется возвращаться в квартиру.

Энергично чавкая, я перестала прислушиваться к звукам, сопровождающим перемещение Марины. Шуршание шелка и калошное шлепание затихли внизу. Неужто красавица-соседка в таком виде вышла в люди? Представляю себе реакцию прохожих на появление в их рядах дикого гибрида Чио-Чио-сан и Бабы-яги! Дети плачут и разбегаются, собаки заливаются лаем, а бомж, копошащийся в мусорном баке, молодежато приосанивается и приглашает Марину на фуршет у помойки!

Я ухмыльнулась и поскакала вниз по ступенькам.

Зачем меня понесло к почтовому ящику – я не знаю. Честно говоря, в этом жестяном скворечнике крайне редко бывают какие-то почтовые сообщения, потому что мы с Коляном, как цивилизованные люди, пользуемся современными средствами телекоммуникации. Тем не менее я постоянно заглядываю в ящик! Это неистребимая привычка, выработавшаяся еще в детстве, в период нетерпеливого ожидания очередного номера любимого журнала – сначала это был «Мурзилка», потом «Костер», потом «Наука и жизнь» с новым фантастическим рассказом.

На сей раз поход к почтовому ящику «наградил» меня ужасиком.

В нашем подъезде ящики висят под лестницей, рядом со входом в подвал. Дверь в это помещение, чрезвычайно привлекательное для мальчишек, сексуально озабоченных граждан и бомжей, дополнительно усилена кустарно изготовленной решеткой из тонкой железной арматуры. Пара круто выгнутых штырей свидетельствует о попытке взлома и представляет определенную опасность. Однажды я по неосторожности до крови оцарапала о ржавый штырь локоть и потом всерьез опасалась, что могу заболеть столбняком! Памятуя об этом, я стараюсь держаться подальше от решетки, поближе к ящикам. Вот и на этот раз круто свернула и... со всего

маху столкнулась с каким-то человеком! Или же это он сам неожиданно выпрыгнул на меня из-под лестницы? Мужчина это был или женщина – я не поняла. Кто-то высокий, крупный и гораздо тяжелее меня, судя по тому, что меня отбросило обратно на площадку, а на его (или ее?) стремительном движении к выходу из подъезда наше столкновение никак не сказалось.

Я шлепнулась на цементный пол подъезда, ударилась головой о стену, но отключилась не сразу. Успела еще увидеть в темной нише под лестницей светлое кимоно, жутким образом повешенное на штырь, пронзивший тело Марины Куропаткиной.

«Куропатка на вертеле», – мелькнул еще в мозгу кошмарный каламбур, окончательно добивший мое сознание. В голове запели комарики, потом прозвенел звоночек, и стало тихо-тихо и темно-темно.

Уронив недоеденный бутерброд, я аккуратно улеглась под стеночкой.

– Девушка! Женщина! Дама! Гражданочка!

Озабоченный мужской голос настойчиво пробивался ко мне сквозь туманную мглу, но я его игнорировала.

– Уважаемая! – мужчина попробовал новое обращение.

В моей голове что-то громко щелкнуло, и я зашевелила губами, выговаривая самопроизвольно родившееся:

– Уважаемая Елена Ивановна! От всего нашего коллектива примите теплые и искренние поздравления с днем Вашего падения!

– Здорово же она башкой приложилась! – сочувственно заметил мужчина.

Я открыла глаза и с трудом сфокусировала взгляд на человеке, восседающем рядом со мной в позе отдыхающей жабы. Чувствовалось, что сидеть на корточках мужчине вполне удобно, так как большой живот обеспечивал ему устойчивое равновесие. Тело толстяка было упаковано в тесную милицейскую форму, и это помогло мне удержаться от крика: он залокотал в моей грудной клетке, едва я вспомнила ту жуткую фантазмагорию, которая повергла меня в глубокий обморок.

Скосив глаза мимо толстого милиционера, загораживающего мне обзор, я бросила полный ужаса взгляд на решетку подвала. Марины там уже не было, но торчащая пика была измазана чем-то красно-бурым, и пятна крови чернели на полу. Я вновь услышала предобморочный звон в ушах и прижалась лбом к холодному полу.

– Не крути башкой, у тебя, наверное, сотрясение, – сурово распорядился голос, который был мне давно и хорошо знаком.

Я открыла один глаз и кивнула, побудив поющих комариков закружиться:

– Серега! Ты что здесь делаешь?

– Работаю, – буркнул Лазарчук, бочком протискиваясь ко мне мимо дородного дяденьки-милиционера. – Как услышал, что по этому адресу имеется свежий женский труп, так сам напросился в группу. Честно говоря, я испугался, что труп – это ты.

– Нет, я не труп, а труп – не я, – объявила я очевидное. – Но все равно спасибо, что пришел. Ты уже вылечил свою ангину?

– Как трогательно, что вы беспокоитесь о товарище, находясь в таком состоянии! – умилился толстый мент. – Все хорошо, поберегите силы, сейчас вами займется «Скорая».

– Что с рукой? – озабоченно спросил Лазарчук, кивая на мою ладонь, густо испачканную красным. – Тебе больно?

– Больно, точно! Мне мучительно больно за бесцельно брошенную булку, – подтвердила я. – Отличный бутерброд с кетчупом пропал абсолютно зря. Лучше бы я его в нападавшего метнула, все больше пользы было бы: вы могли бы искать его по особой примете – следам томата в экстерьере!

– Ну-ка, ну-ка! Про нападающего давай подробнее! – велел капитан.

К сожалению, я мало что могла рассказать. Человека, который выскочил на меня из-под лестницы, я не разглядела, а мертвую Марину и вспоминать не хотела. Зато я могла поведать много интересного про Марину живую. В частности, я в подробностях пересказала Лазарчуку и толстому милиционеру (он оказался нашим участковым, тем самым Семеном Ивановичем Бондарем, визитку которого я получила не далее как вчера) давешний скандал с перелетным мусорным пакетом и предыдущий – с засохшей розой.

Беседовали мы уже у меня дома, потому что капитан заставил меня вернуться и лечь в постель. Так мы и общались: я возлежала на диване, а мужики притулились на табуреточках рядом. Голову мою туго охватывало мокрое полотенце, бахромистый край которого живописно свешивался мне на плечо, и чувствовала я себя ни много ни мало дамой полусвета, принимающей кавалеров в своем будуаре.

В режиме легкого салонного трепа я поведала ментам, что убить Марину Куропаткину запросто мог, например, ее собственный муж. Супруги жили, как классическая пара – кошка с собакой, все время ссорились и то и дело во всеулышание заявляли о желании друг друга убить. Последнее такое программное заявление Гоша Куропаткин сделал как раз вчера! Правда, Марина тоже обещала пристукнуть родную половинку, даже сковородой размахивала, но Гоша мог оказаться проворнее. В смысле, опередить женушку в намерении овдоветь.

Также убийцей Марины легко мог оказаться психованный Дядьвась. Старец, помнится, выкрикивал что-то в этом духе. Мол, бей колдунов проклятых! А Марина, что и говорить, вполне могла сойти за ведьму.

Желание пристукнуть вредную бабу должно было возникнуть и у владельца новенького автомобиля «Вольво», на капот которого шваркнулся Маринин пакет с мусором. Вряд ли машина в результате сильно пострадала, разве что испачкалась сильно и приобрела нехарактерный для дорогой тачки аромат, но я знаю фанатичных автовладельцев, которые, не раздумывая, грохнули бы пару-тройку человек и за меньшую провинность.

В общем, отселить Марину Куропаткину в мир иной могли желать самые разные люди и даже звери – вспомним хотя бы нашего дворового кота Тимоню, которого злобная тетка давеча загнала на люстру.

– М-да, веселенькая картинка вырисовывается, – Лазарчук со вздохом поднялся с табуретки.

По его тону было понятно, что картинка совсем не веселая и вовсе она не вырисовывается. Надо полагать, огорчение капитана было вызвано довольно туманной перспективой поиска убийцы гражданки Куропаткиной. Грустный вздох Лазарчука не вызвал у меня жалости к суровой милицейской доле: ловить преступников – это Серегина работа. Я, например, занимаюсь поисками какого-то преступного добра вообще на общественных началах!

– Кстати, что там с Максимовыми? – словно подслушав мои мысли, спросил Лазарчук. – Они нашлись или нет?

– Нашлись, нашлись, – поспешила заверить его я. – Уехали вдвоем на курорт, сейчас отдыхают.

Мое беспардонное вранье преследовало благородную цель: не допустить вмешательства приятеля-мента в историю с исчезновением подруги Ирки и Моржика. Раз Серега вышел с больничного, значит, он теперь снова полноправный мент, а Писклявый мне строго-настрого наказал к ментам за помощью не обращаться. Не буду я ничего рассказывать Лазарчуку, попытаюсь разобраться сама.

Поэтому я ни словом не обмолвилась и о своем намерении мчаться в Пионерский сразу, как только озабоченный Серега и добродушный Семен Иванович отойдут от моего ложа.

– Ну, мы пойдем, а ты лежи, – наказал мне Лазарчук. – Если почувствуешь себя хуже, немедленно вызывай «Скорую». Я тебе попозже позвоню, чтобы узнать, как ты себя чувствуешь.

– Ладно, только звони на мобильный, – слабым голосом умирающего от недоедания попросила я.

– Ты куда-то собираешься? – моментально насторожился Лазарчук.

– Нет, что ты! – я вяло махнула рукой, на которой пугающе темнели пятна засохшего кетчупа. – Куда мне сейчас идти! Я буду безвылазно лежать в постели, поэтому не хочу вставать к телефону. Я его выключу, а мобильник поставлю в режим вибрации и положу под подушку.

– Лучше на тумбочку в изголовье, – посоветовал Семен Иванович.

Я была согласна и на такой вариант, спорить с ментами мне было не с руки: очень хотелось поскорее остаться одной. Наконец заботливые сотрудники органов внутренних дел, в последний раз сочувственно ошупав шишку на моем наружном органе – голове, удалились. Я немного еще полежала, а потом стала снова собираться к выходу.

* * *

– Предлагаю ее отпустить, – хмуро сказал Леонид, отводя взгляд от насуспенной физиономии Серени.

Сереня несогласно шмыгнул носом и открыл рот, собираясь протестовать.

– Точно, надо отпустить, – опередив Сереню с ответом, кивнул Гриня. – Я домой хочу, кушать!

– Желудок! – желчно прошипел Сереня, оставшийся в одиночестве.

Ему не хотелось прерывать игру в бандитов. Сереня был в восторге от своей роли главара.

Братья Пушкины, вынужденно выступающие единым фронтом, на самом деле не были крепким семейным кланом. До знаменитой коза ностры им было далеко. Во-первых, у Пушкиных не было ни крестного, ни какого-либо другого отца. Была только нежно любимая мама, ветеран крестьянского труда, за давностью лет и по причине возрастного склероза позабывшая черты рано усопшего мужа. Дряхлая голубка и подруга суровых дней Пушкина-отца мирно коротала дни в маленьком домике в пригороде Екатеринодара, штопая носки взрослым сыновьям и запасая на зиму соленья. Саня, Леня, Гриня, Сереня высоко ценили матушкину кухню, разительно отличающуюся от кормежки в столовке того ПТУ, которое имело счастье дать рабочую специальность токаря-станочника всем четырем братьям. Впрочем, по специальности никто из них не работал. Леня без особого успеха подвизался в сетевом маркетинге, Гриня в режиме «сутки через трое» охранял автостоянку, а Сереня вообще ничего не делал, так как считал ниже своего достоинства быть у кого-то в подчинении. Он бы пошел сразу в начальники, да туда его не брали.

Все надежды молодого пушкинского племени на лучшее финансовое будущее были связаны с Саней, который с невероятной изобретательностью и предприимчивостью искал варианты мгновенного улучшения материального благосостояния семьи. По сути, именно это чувство высокой ответственности за семейство толкало Саню на противозаконные действия, вроде ограбления бензоколонки или попытки наладить на помойке сбор радиодеталей с целью последующей выплавки из них драгметаллов. И нынешний отъезд Александра «на заработки» был вызван желанием принести в дом достаток.

– Зачем это нам ее отпускать? – поинтересовался Сереня у Леонида, который внимательно смотрел на корявый шалаш под старой плакучей ивой.

Кособокая хижина могла послужить отличной декорацией для съемок самой первой серии киноэпопеи «Робинзон Крузо».

– Надо бы поесть, – повторил Гриня, проследив направление взгляда Серени. – Восьмой час вечера, а мы с утра не жрамши. У меня уже все плывет перед глазами.

– Да нет, это шалаш трясется, – хмуро отозвался Сереня.

– Землетрясение, что ли? – удивился Леонид, тоже поглядев на конвульсивно подергивающийся тростниковый сарайчик.

– Это не землетрясение, это она внутри скачет, – сплюнув, объяснил Сереня.

– Скачет?! – изумился Ленья. – В смысле, прыгает? А с чего бы ей скакать? С какой радости?

– Она скачет на скакалке.

– А кто ей дал скакалку?!

– Считай, что я, – неохотно признал Сереня. – Вместо скакалки у нее наша веревка.

– Скакалка – это вещь, – авторитетно заметил Гриня, незаметно пощупав себя за бочок, слегка заплывший жирком. – Сто прыжков в день – и будешь в отличной форме!

Сереня мрачно сверкнул глазами. Легкомысленное поведение пленницы оскорбляло его как предводителя банды. Он с самого начала предлагал сделать все по канонам жанра: сразу после похищения крепко-накрепко бабу связать, заткнуть ей рот кляпом и бросить в сырой подвал. Желательно с крысами. Желательно с голодными.

Отправляясь «на дело» – то есть на перехват маршрутки с погрузившейся в нее Ирккой, Сереня специально припас моток веревки, но она не пригодилась. События пошли не по тому сценарию, который самозванный крестный отец успел составить в своем воображении.

Нет, баба не оказала похитителям решительного сопротивления. Ирка вообще проспала весь киднепинг, потому что Леонид, забравшийся в маршрутку следом за ней и устроившийся рядом, потихоньку приставил к пышному бедру жертвы специальный шприц-пистолет со снотворным. Доза была рассчитана на животное, находящееся в одной весовой категории с Ирккой, на шотландского пони. Женщине этой порции как раз хватило, чтобы сладко проспать все шоу.

Гриня с Сереней устроили спектакль для водителя «сорок четверки» и ловко увели маршрутку, причем чин-чином провезли по маршруту пассажиров, которые спокойно вышли, где кому было нужно. Когда в машине остались только три брата Пушкиных и отключившаяся Ирка, исполняющий функции водителя Гриня повел угнанное транспортное средство в сторону от города, напрямик к реке. В укромном уголке на песчаном берегу Кубани маршрутку остановили, спящую жертву объединенными усилиями перегрузили из салона на большой кусок брезента и отволокли к надувной лодке, загодя припрятанной в ивовых кустах у самой воды. В тот момент связывать похрапывающую тетку не было необходимости, поэтому Сереня бросил приготовленную веревку на брезент, а потом о ней забыл.

Это было стратегической ошибкой. Очнувшись в заброшенной хижине на островке посередине реки, своевременно не связанная жертва получила некоторую свободу действий. Далеко убежать она не могла, потому что на островке не было никаких подходящих плавсредств, но и в хижине ее ничто не удерживало.

Сереня поежился, вспомнив, какой кошмар последовал за урочным пробуждением Ирки. Очнувшись, стокилограммовая баба, похожая на взбесившегося носорога, с ревом носилась по островку в поисках похитителей. Братцы Пушкины едва успели прыгнуть в свою надувную лодку и с опасливым восхищением наблюдали за термоядерной вспышкой женской ярости с середины реки. К счастью, в это время года Кубань принимала в себя переполненные горные ручьи и была слишком широка и полноводна, чтобы переправляться через нее вплавь. Кроме того, вода несла разной величины коряги, так что даже при наличии надувной лодки переправа была достаточно опасна. Даже сейчас, сидя в лодке у самого берега под прикрытием низко нависающих над водой ивовых кустов, братья рисковали столкнуться с каким-нибудь деревянным обломком.

– Как это мы ее отпустим? – закрыв глаза на недостойное поведение жертвы, занимающейся физкультурой вместо того, чтобы заламывать руки и молить о пощаде, повторил Сереня. – Просто скажем: «Ступай себе с богом?» А как она уберется с острова?

– Мы оставим ей лодку, – предложил Гриня.

Сереня сделал большие глаза и постучал себя костяшками пальцев по лбу:

– Ты думаешь, что говоришь? Если мы отдадим ей лодку, то как уберемся с острова сами?

Гриня открыл рот, но не нашел что возразить.

– Взять ее с собой, конечно, не вариант, – размышляя вслух, произнес Леонид. – Во-первых, четверых лодка не выдержит, особенно если четвертой будет такая крупная женщина.

– Давайте, я отвезу вас на тот берег, а потом один вернусь сюда за ней, – предложил Гриня, хвастливо поиграв бицепсами. – Я сильный, справлюсь с течением и в одиночку.

– С течением-то ты справишься, а с ней? – Сереня выразительно кивнул в сторону хижины, которая как раз перестала трястись.

Камышовая плетенка, заслоняющая вход в первобытное жилище, отодвинулась, и в проеме появилась всклокоченная рыжая голова пригнувшейся Ирки.

– Она тебя убьет, – кивнул Леня, опасливо следящий за женщиной, которая вышла из хижины и решительно направилась к пеньку, одиноко торчащему на полпути между вигвамом и водой.

Этот пенек служил своеобразным средством связи между похитителями и жертвой. Мелкорослый Сереня, незаметно шмыгая туда и обратно, уже трижды за минувшие сутки оставлял на пеньке пропитание для узницы и записочки, которые Ирка высокомерно игнорировала, хотя ей специально для организации переписки передали карандаш и блокнот. Также у нее была при себе дамская сумка с разным мелким барахлом, которое братья великодушно оставили пленнице, изъяв только сотовый телефон.

– Минералку и яблоки забрала, чипсы оставила, – Леня сообщил результаты наблюдения.

– И правильно, в чипсах канцерогены, – сказал Гриня.

Сереня зашипел и злобно сплюнул в мутную воду.

– Опять она нам ничего не пишет! – вздохнул Леня. – Спрашивается, зачем мы ее тут держим? Ясно же, что она сама ни черта не знает о нашем добре! Говорю, надо ее отпускать.

– Нельзя ее отпускать! – яростно зашептал Сереня. – Если мы ее отпустим, она расскажет своей подружке, какая мы несерьезная банда! Если эти бабы не будут нас бояться, как мы заставим их искать наше добро? Сами-то мы вообще ничего найти не можем, потому что для нас в чужом доме все добро чужое! Хозяева-то хоть свою собственность опознать могут, есть шанс вычислить Санину передачку методом исключения. Но та, вторая, тетка помогает нам только потому, что хочет спасти свою подругу! Из нашего плена спасти! А тут мы сами ее отпускаем, да? Все, бабы обнимаются, радуются и плюют на нас с высокой горки! Еще и в милицию, поди, заявят!

– Не надо в милицию! – испугался Гриня.

Леня яростно поскреб в затылке и сказал младшему братцу:

– Тогда нужно постараться ускорить процесс поисков! Нажать как следует на подругу! Давай, звони ей!

– А где тут автомат? – простодушный Гриня завертел головой в поисках таксофона.

– Нам не нужен автомат, – ухмыльнулся Сереня. – Я с ее собственного мобильного позвоню!

И он достал из одного кармана конфискованный у Ирки сотовый, а из другого – бумажку с записанным на ней номером мобильного телефона подруги.

Пискля позвонил мне раньше, чем я успела добраться до Иркиного дома в Пионерском. К счастью, я ехала не в общественном транспорте, где невозможно нормально поговорить по причине отвратительной слышимости, а в такси. Специально вызвала машину, чтобы не трястись в маршрутке и не топтать пешком через поле. Все-таки после падения и удара головой о стену я чувствовала себя неважно.

Мобильник подал голос, я автоматически посмотрела на высветившиеся циферки, узнала номер Иркиного сотового, уже успела обрадоваться, но тут в трубке послышался знакомый писклявый голос. Он обогатился новыми интонациями, к обычному писку прибавилось какое-то зловещее шипение и дребезжание:

– Слуш-шай с-сюда! С-сроку тебе одни с-сутки, потом мы твою подругу з-закопаем!

– Ты почему шепотом говоришь? – стараясь не поддаваться панике, почти нормальным голосом спросила я. – Говори громче, я тебя плохо слышу: в машине еду.

Сереня отклеил сотовый от уха и посмотрел на него с возмущением. Она еще будет командовать, как ему говорить!

– Хочешь, чтобы я заорал? – гневно прошипел в трубку Сереня, который не мог говорить громче из опасения привлечь внимание Ирки, скучно слоняющейся вблизи кустов.

Если баба заметит присутствие братьев, она, пожалуй, развлечет себя мордобоем!

– Дульки тебе! – совсем по-детски объявил Сереня, плотнее прижимая трубку. – Тут я команду, а не ты! Захочу – буду говорить громче. Захочу – вообще не буду с тобой разговаривать! Молча грохну твою подружку, и все дела!

– Кстати, о подружке, – не дрогнула баба. – Я хочу получить доказательства того, что она у вас.

– Так я же говорю по ее мобильнику! – удивился женской тупости Сереня.

– Ну и что? Может, ты его у Ирки свистнул?

– Чего это ради я стал бы свистеть только его? Я их обоих свистнул!

Одинаково разинув рты, Леня и Гриня прислушивались к этому странному разговору.

– А почему я должна тебе верить на слово? – уперлась баба. – Я тебя знать не знаю, может, ты врешь как сивый мерин!

– Это я-то мерин? – обиделся Сереня.

– Мерин ты или не мерин, мне, честно говоря, без разницы! Пока я не услышу Ирку, ничего для тебя делать не буду.

– Я перезвоню, – сказал Сереня и выключил мобильник.

Леня и Гриня напряженно смотрели на него, встревоженные явно недовольным выражением лица младшенького.

– Она требует позвать к телефону эту, – Сереня кивнул на кусты. – Говорит, пока не услышит ее, не будет нам помогать.

Настойчиво тренькнул мобильник. Сереня напрягся, но тут же расслабился, увидев, что это всего лишь пришел счет за состоявшийся разговор. Три двадцать, вовсе и не дорого!

– Мы не можем позвать ее к телефону, – в задумчивости скосив взгляд на прибившийся к борту лодки мелкий мусор, сказал Леня.

– Давайте положим мобильник ей на пенек, – предложил Гриня.

– Совсем дурак, что ли? – окрысился на брата Сереня. – Она возьмет и позвонит в милицию! Или вообще в Службу спасения, через спутник, чтобы они могли засечь ее местоположение!

– А они такое могут? – заинтересовался Гриня.

– Они много чего могут, – уклончиво ответил Сереня. – Нет, телефон ей в руки давать нельзя.

– Я придумал! – торжествующе улыбнулся Леонид. – Мы включим телефон и сделаем что-нибудь такое, что заставит ее громко кричать! Например, будем бросать в нее камни.

– А она будет эти камни поднимать и бросать обратно, и еще неизвестно, кто будет громко кричать, – язвительно сказал Сереня. – Нет, нужно придумать что-то другое.

Леня, уже успевший подобрать подходящий камень, поспешно бросил его в тихую заводь у берега.

– Ой, жабачок! – детски обрадовался Гриня, увидев выпрыгнувшую из воды лягушку.

– Жабачок, – задумчиво повторил Ленья.

Лицо его медленно просветлело.

– Гриня, не хочешь вспомнить детство? – обратился он к брату. – Помнится, ты очень ловко ловил лягушек!

– Хочешь устроить пикничок на свежем воздухе, сварганить шашлык из лягушачьих лапок? – съязвил Сереня.

Ленья широко улыбнулся и поощрительно кивнул Грине, который уже поднял со дна лодки матерчатый сачок на длинной ручке.

– Мы ее не камнями, мы ее лягушками закидаем! – сказал он, с нежностью поглядев на зеленую квакушу, классическим брассом плывущую прямо в сачок. – Думаю, что лягушек она в руки брать не захочет и обратно кидать не станет, а вот крик поднимет – о-го-го!

– Есть одна, – доложил Гриня, подняв сачок с первой лягушкой. – Тебе сколько их нужно? Возьмите кто-нибудь первую, а то она выпрыгнет обратно.

– У меня руки заняты, я звоню по телефону, – поспешил заявить Сереня.

Он снова достал из кармана мобильник и одним нажатием на нужную кнопку повторил вызов последнего номера.

Я расплатилась с водителем, отпустила такси, заранее приготовленными ключами открыла калитку и входную дверь, вошла в дом, и тут мобильник звякнул. Залиться трелью он не успел, я тут же ответила на вызов:

– Алло?

– Вот, слушай!

Писклявый голос пропал, и стали отчетливо слышны какие-то необычные шумы, похожие на треск помех, а потом в трубке зазвучал приглушенный расстоянием голос Ирки.

– Блин, да что это такое?! Что за гадость?! – подруга поперхнулась словом и дико взвизгнула.

– Ирка, ты где? Что с тобой делают? – всполошилась я.

– Ой, мамочка, уйди, брысь! А-а-а!!!

На фоне Иркиного отчаянного крика в трубке прорезался довольный голосок Писклявого:

– Ну что, слышала?

– Что вы с ней делаете? – я была откровенно напугана.

На моей памяти Ирка так орала только однажды. Тогда на нее, голую, во время купания свалилась мышь, которую какая-то ошибка навигации привела к отверстию вентиляции над ванной. Сражаясь с мышкой, подруга расколота кулаками несколько плиток на кафельной стене, разбила в кровь руки и погнула латунный кран. Мышь вообще бесславно окоचурилась. По-моему, ее смертельно контузил Иркин рев.

– Как что? – притворно удивился моему вопросу гадкий Пискля. – Мы ее пытаем! Пока не сильно, так, жалеючи, но скоро начнем мучить по-настоящему – с раскаленным железом и стальными щипцами! Не знаю, сколько она продержится. Думаю, у вас совсем немного времени.

– Послушайте, я хо...

Договорить мне не удалось. Звонок неожиданно оборвался, а я не успела ни попросить Писклю пощадить Ирку, ни сказать мерзавцу, что именно я о нем думаю!

– Я хо...

– Извините, на вашем счете нет денег для продолжения разговора. Пополните, пожалуйста, счет!

Женский голос в трубке в один момент изменился. Пискля в недоумении отстранил телефон от уха, потряс его, как погремушку, ничего этим не добился и уставился на куст, за которым в некотором отдалении просматривалась могучая фигура пленницы, неспешно совершающей вечерний моцион вокруг хижины. Тонкая шея младшего Пушкина покраснела, словно ее обладатель получил затрещину.

Пискля и в самом деле чувствовал себя так, будто ему отвесили звонкую оплеуху.

– Офигеть! – сказал он, переводя возмущенный взгляд с Ирки за кустом на ее мобильник и обратно. – Я еще должен ей денег на счет положить! Ну, совсем обнаглела баба!

Я выключила неожиданно замолкший мобильник, сунула его в карман и задумалась. Перед моим мысленным взором возникла несчастная Ирка – зареванная, с разноцветными потеками макияжа на осунувшейся физиономии, с некрасиво обкромсанными волосами, пряди которых прилипли к вспотевшей голове. Подруга была привязана к столбу линии электропередачи, у основания которого лежали вязанки хвороста, и горбатый карлик, пища, как крысенок, поливал поленницу бензином из канистры...

Картинка была такая правдоподобная, что у меня задрожали губы и защипало глаза. Чтобы не разреветься, как идиотка, я отогнала пугающее видение, но тут же вернула его обратно. Откуда взялся этот столб? И эти вязанки хвороста? Вообще, почему мое воображение живописало действие под открытым небом?

Вероятно, мое подсознание обработало и задействовало не только основную, но и фоновую информацию из последнего разговора с Писклей. Действительно, шумы там были интересные: вроде и ветер выл, и трещал какой-то растительный сухостой, и как будто водичка журчала... Похоже, Ирку вопреки традициям классического киднепинга держат не в закрытом помещении, а под открытым небом!

Не могу сказать, что этот вывод меня сколько-нибудь утешил. Конечно, сейчас лето, тепло даже ночью, но вести жизнь в полевых условиях, без привычных удобств, в компании каких-нибудь кузнечиков, кротов или, не дай бог, мышей-полевок – это не для Ирки. Вообще-то она очень мужественная и выносливая, но за последние годы разбаловалась, приобрела массу барских замашек. Например, утром, не вставая с кровати, съедать шоколадный батончик. А кто ей сейчас подаст сникерс в постель? Я забыла спросить у Пискли, кормят ли пленницу вообще хоть чем-нибудь!

Крайне встревоженная, я заперла за собой входную дверь, бросила на пол в прихожей свою сумку и, не заходя в комнаты, зашагала по лестнице в комнату под самой крышей. Я решила незамедлительно начать поиски проклятого добра проклятого Пискли – сверху начать, с чердака, чтобы потом методично двигаться сверху вниз. Можно было, конечно, поступить наоборот, сделать отправной точкой подвал, но мне ужасно не хотелось разбирать баррикаду из мешков и коробок с семенами, луковицами и саженцами. Может быть, мне повезет, и я найду искомое раньше, чем доберусь до подвала!

Мое появление в мансарде вызвало переполох в стройных рядах армии пауков. Прямо с порога я влипла физиономией в одно из их коллективных произведений – этакий гобелен два на полтора, под условным названием «Муха не пролетит!». Добротная паучья сеть была клейкой, а мое лицо в результате скоростного подъема по крутой лестнице вспотело, так что аппликация получилась на диво прочная. Чтобы очистить лицо, мне пришлось снять с себя майку и как следует потереть морду трикотажным полотном. Использовать для этой цели тряпки с вешалки, несущей караул у входа, я не рискнула, потому что эти мануфактурные изделия были покрыты таким слоем пыли, будто все до единой были сшиты из одной ткани – серого велюра.

Пол тоже был пылен и, если можно так сказать, «девственно-грязен»: сразу было видно, что нога человека не ступала по нему уже много месяцев. Стало быть, можно было с большой степенью уверенности предположить, что и рука человека в мансарде давно уже ничего не

делала. В частности, не заносила сюда и не прятала здесь никакое добро. Поэтому я с радостью исключила мансарду из списка помещений, назначенных к тщательному обыску на предмет обнаружения «добра» писклявой мафии.

В холле второго этажа, куда я спустилась из-под крыши, пришлось выбирать, в какую из трех дверей сунуться первой. В хозяйскую спальню, в детскую или в библиотеку? В комнате, именуемой детской, не было пока не только детей, но и мебели. Там даже ковролин еще не стелили! В окружении голых оштукатуренных стен на голом дощатом полу, точно под свисающей с голого потолка голой лампочкой на шнуре, лежал потертый коврик с лебедями. На него по утрам усаживался голый Моржик, постигающий по самоучителю с картинками дзен-буддизм. Таким образом, в детской комнате для медитаций было бы крайне затруднительно что-нибудь спрятать. Я заглянула под коврик, убедилась, что там ничего нет, и двинулась в библиотеку.

Это помещение казалось мне весьма многообещающим по части устройства всяческих «захоронок», и не зря! Начав обыск с книжных полок, я нашла три денежные закладки, по одной на каждый из трех томов «Энциклопедии автомобилиста». Судя по всему, это были подкожные денежные отложения Иркиного супруга.

В ящиках просторного кабинетного стола нашлось немало исторических документов и занятных манускриптов. Например, написанная рукой Ирки записка: «Моржик, купи два рулона туалетной бумаги и срочно езжай домой!» Текст интриговал и будил фантазию! Впрочем, этот шедевр эпистолярного жанра вряд ли можно было продать с аукциона так же дорого, как автограф А. С. Пушкина, так что я вынуждена была продолжить поиск ценного имущества. Задача осложнялась тем, что оно обязательно должно было быть чужим, иначе я остановила бы выбор на кредитной карточке Моржика, являющегося клиентом «Чейз Манхэттен Банка».

Приятным сюрпризом стал шоколадный батончик, обнаруженный в ящике с канцелярскими принадлежностями. При виде сникерса я пустила слюни, как шарпей, и разодрала в клочья обертку, спеша добраться до сладкого. А потом совершенно идиотски попутала руки и бросила в мусорную корзинку под столом не скомканную бумажку, а сам шоколадный батончик! Закусила скрипучую обертку, очнувшись и полезла под стол, к мусорке, до половины наполненной скомканными бумажками с колонками цифр. Похоже, это Ирка занималась бухгалтерией.

Тяжелый батончик бухнулся на самое дно корзинки. Я сунула руку поглубже в урну, и к моей раскрытой ладони прилипло что-то скользкое. Брезгливо скривившись, я тут же отдернула руку, и скользкое нечто вынырнуло из мусорки вместе с ней.

Заранее кривясь, я взглянула одним глазом на свою добычу. Ничего ужасного, просто маленький целлофановый пакетик! Не пустой, с какой-то цветной бумажкой внутри.

Я задействовала оба ока и посмотрела внимательно. В блестящем прозрачном пакетике лежала почтовая марка. Без штемпеля, даже без привычных зубчиков по краям и необычной формы – в виде восьмигранника, но это наверняка была именно марка, потому что в правом нижнем углу было пропечатано: 100 Qa. Сто, стало быть, денежных единиц, название которых начинается на «Qa». Кваксы какие-нибудь. Надо полагать, это какая-то экзотическая валюта, вероятно, африканская.

На марке была нарисована чернокожая тетушка лет сорока, такая толстощекая лоснящаяся мамушка в пестром платке, завязанном «ушками» на лбу, в красных бусиках и с рыбьей костью в носу. Если бы не эта кость да еще цвет кожи, Мамушка была бы один в один гоголевская Солоха! Малороссийский колорит подкрепляла рамочка, имитирующая веночек из цветов с лентами. Правда, цветы были необычного лазоревого цвета – я тут же вспомнила свою покойную синюю розу! По ленточке бежали латинские буквы, свивающиеся в слова: «Blue Woolubongha». «Голубая Булабонга», – перевела я. Наверное, это название того самого лазоревого цветка.

Радуюсь возможности отвлечься от утомительного обыска, я позволила себе утолить свое любопытство: включила компьютер на столе, вошла в Интернет и искала на Яндексе Голу-

бую Булабонгу. Долго искать не пришлось, поисковик с разбегу выдал мне ссылки на специализированные филателистические сайты, а там мою Булабонгу знали как облупленную.

Я узнала, что Булабонга – это вовсе не цветок, а маленькое, но гордое африканское племя. Украшая себя несъедобными фрагментами рыбы и дичи, оно тихо-мирно прозябало в своем медвежьем углу Черного континента до середины двадцатого века, когда боги неожиданно обратили на булабонгскую братию особое внимание. Возвращаясь со своего обычного вечернего моциона по родной пустыне-саванне, дежурный вождь приволок в туеске горсть личинок к ужину и большой прозрачный кристалл бледно-голубого цвета. По трагической случайности, аппетитные личинки, съеденные вождем в одиночку, оказались ядовитыми, и христианский миссионер, приблудившийся к булабонжцам пару месяцев спустя, так и не смог узнать, откуда у аборигенов взялся большой алмаз, получивший название «Голубая Булабонга». Еще месяцем позже алчные белые люди потеснили черных бедолаг с их родной булабонжской земли, и вскоре племя рассеялось по Африке и перестало существовать как самостоятельная государственная единица. Правда, других алмазов в булабонжских пределах так и не нашли. Алмаз «Голубая Булабонга» осел в каком-то частном музее, и напоминанием обо всей этой трагической истории стала марка, выпущенная на деньги совестливого коллекционера.

И тут неумные африканские боги опять пошутили, организовав целую цепь случайностей, в результате которых из всего тиража сохранилось только три марки, а клише было уничтожено. Таким образом, каждая уцелевшая памятная марка «Голубая Булабонга» на филателистическом рынке по цене не сильно уступала одноименному алмазу!

Вспотевшей от волнения ладошкой я погладила прозрачный конвертик с клочком бумаги, стоимость которого, как выяснилось, исчислялась не в предполагаемых «кваксах», а в самых настоящих американских долларах. Электронный «Справочник филателиста» уверял, что за скромную сумму в двести тысяч «зеленых» коллекционеры эту Булабонгу с руками оторвут!

Некоторое время я тупо сидела, тарашась на марку и улыбаясь, как коренная булабонжка на рисунке. Ирка с Моржиком никогда не коллекционировали марки, и как к ним могла попасть такая филателистическая редкость, я не могла даже придумать. Таким образом, легендарная Булабонга была весьма ценным и явно чужим добром, то есть идеально соответствовала условиям задачи, которую поставил передо мной Писклявый!

А почему такая дорогая вещь оказалась в мусорной корзинке под столом? Этот вопрос я разрешила легко: да по той же самой причине, по какой пачки денег прячут в банках с крупой, фамильные драгоценности зашивают в стулья, а чугунки с червонцами закапывают на морковной грядке! Булабонгу вовсе не выкинули в мусорку, ее там спрятали!

Продолжая широко улыбаться, я сунула пакетик с драгоценной маркой в задний карман своих джинсов, а сами джинсы сняла, аккуратно свернула, положила на кожаный диван и придала собственной гудящей головой. Я жутко устала и перенервничала, так что совершенно не нуждалась в более комфортном лежбище, чем крутобокий библиотечный диван. В свою обычную комнату для гостей переселюсь завтра, а пока останусь здесь. Даже в кухню спускаться не стану, у меня тут сникерс есть...

Уснула я удивительно быстро, не успела даже шоколадку дожевать, и приснилось мне бескрайнее поле экзотических лазоревых цветов. В чашечке каждого цветка сидела, улыбаясь, щекастая чернокожая Дюймовочка, и в горячем африканском воздухе плыл незабываемый голос Аллы Борисовны Пугачевой, вдохновенно распеваящей: «Миллион, миллион, миллион синих роз!»

Вторник

Удивительное дело, утром я не проспала, встала как раз вовремя, чтобы успеть в телекоммовские рудники акkurat к восьми часам. Правда, я не заморачивалась подбором дело-

вого костюма, влезла в те же джинсы, только вчерашнюю майку, художественно испачканную пылью и паутиной, сменила на чистую. Боевую раскраску не наносила, прическу соорудила своеобразную, в стиле минимализма – «конский хвост». Завтракать не стала, походя выпила чашку кофе, подхватила сумку, с вечера брошенную в углу прихожей, насыпала отчаянно зевающему Томке полную миску собачьего корма, крепко закрыла дверь и калитку и порысила через поля.

Без пяти восемь я уже была на трудовом посту – видели бы меня коллеги-телевизионщики, вот бы удивились! С самым деловитым видом я восседала за большим столом, заваленным пачками рекламно-агитационной продукции, слюнила пальцы, как старорежимный касир, и отсчитывала стопочки по пятьдесят листовок в каждой. Это высокоинтеллектуальное занятие поглотило без малого два моих рабочих часа, после чего я почувствовала необходимость небольшого творческого перерыва и решила устроить себе кофе-брейк.

Я взяла кошелек и пошла доить кофейный автомат, отличающийся злокозненным нравом и скаредностью: вредная машинка без возражений принимает плату за горячий напиток «в расчет», а вот сдачу норовит зажать. В таком случае нужно безжалостно стучать по поилке кулаком, целясь в болевую точку над щелочкой копилки.

На этот раз я получила свой двойной эспрессо без эксцессов, бить автомат не пришлось. Зато неожиданный удар получила я сама! Выдернула из цепких лапок механизма пластиковый стаканчик с горячим напитком, вдохнула бодрящий аромат черного кофе – и тут мне словно кирпич на голову уронили! Вдруг я вспомнила ту чашечку кофе, которую проглотила утром, пробегая через кухню, и с большим опозданием до меня дошло, что я не знаю, откуда она взялась на столе!

Белая фарфоровая чашечка с розочкой (не синей, а красненькой) стояла себе на комплектном блюдечке, рядом салфеточка бумажная лежала – в тон рисунку на чашке, розовенькая с тиснением, на салфеточке серебряная ложечка, рядом мельхиоровая сахарница и малина на блюдечке. Изысканная такая сервировка, прямо скажем, не в моем стиле, хотя кофе был именно такой, как я люблю. Выпила я его с удовольствием, только как варила – хоть убей, не помню! Закономерно возникает вопрос: какой заботливый невидимка, как в сказке, приготовил и подал мне утренний кофе? А если отбросить мистику с фантастикой и реалистично предположить, что я обслужила себя сама, то появляется другой вопрос: такие провалы в памяти – это еще склероз или уже маразм?

Терзаясь сильнейшими сомнениями в крепости своего душевного здоровья, я вернулась в кабинет и получила новое ответственное задание. В предвкушении грядущей ответственной презентации весь рекламный отдел стоял на ушах, и меня тоже заставили принять аналогичную позицию. Мне вручили свиток длиной в сорок локтей – список предприятий, руководителей которых следовало пригласить на презентацию, – и велели всех обзвонить.

Граждане и особенно гражданки, снимавшие трубку на другом конце линии, отчего-то принимали мое желание узнать ФИО Первого Руководящего Лица с нескрываемым подозрением. Мне приходилось долго и многословно объяснять, с какой целью я пытаюсь получить эту стратегически важную информацию. Где-то после первого десятка звонков я выработала универсальную схему разговора. Дождавшись, пока мне кто-нибудь ответит, я усталой скороговоркой выдавала следующий текст:

– Здравствуйте, «ТелекомКом» беспокоит. Мы проводим презентацию с фуршетом и подарками. Подскажите, на чье имя выписать официальное приглашение?

После этого мне с готовностью диктовали имена и фамилии списком, а также весьма заинтересованно спрашивали, каковы будут подарки и меню фуршета. А один генеральный директор, самолично снявший трубку, очень трогательно просил обязательно сделать на адресованном ему конверте с именованием приглашением приписку крупными буквами: «Лично в руки!!!» Особенно настаивал он на трех восклицательных знаках. Я подумала, что бессовест-

ные подчиненные, наверное, нагло воруют у бедного начальника пригласительные билеты, лишая шефа законной возможности припасть к фуршету.

Пока я будировала общественность телефонными звонками, мой собственный мобильник молчал как убитый, так что я даже забыла, что со вчерашнего вечера не разговаривала с Писклей и еще не сообщила ему радостную весть об обнаружении Голубой Булабонги. Вспомнила только в связи с марками, которые милая девушка Катя начала наклеивать на готовые к отправке конверты с приглашениями. К этому моменту версия о наличии у меня прогрессирующего маразма получила новое подтверждение: я начала набирать вместо шестизначных телефонных номеров шестизначные же почтовые индексы. Успешно, кстати, набирала! Записала еще кучу желающих нафуршетиться и оподариться.

Дождавшись обеденного перерыва, я ускользнула от новых коллег, убежала в тихий садочек за углом офисного здания и, прикрываясь плечом от недреманого ока наружной камеры слежения, позвонила по сотовому Пискле.

– Ой, привет! – В голосе бандита слышалась искренняя радость. – Как хорошо, что ты сама позвонила!

– Вообще-то, хорошо воспитанные девушки не звонят юношам сами, но для тебя я готова сделать исключение, – съязвила я. – А ты почему не звонишь, разве тебя уже не интересует твое добро?

– У меня деньги на карточке кончились, – пожаловался Пискля. – Вернее, у твоей подруги. Какая-то она безответственная, довела свой телефонный счет до полного истощения!

– Не предусмотрела возможности своего похищения, – легко согласилась я.

Мне было весело, потому что я уже приготовилась обменять чужую двухсоттысячедолларовую Булабонгу на свою стокилограммовую Ирку.

– Ты, дружочек, сейчас стоишь или сидишь? – заботливо спросила я.

– Скажешь тоже, «сидишь»! Нет уж, спасибо, не надо! – забеспокоился Пискля. – Я сейчас лежу.

Я машинально глянула на часы – тринадцать с минутами. Однако хорошо живут бандиты, если могут себе позволить валяться в постели существенно позже полудня! И это в то время, когда честные труженики работают, как пчелки, с восьми утра!

Сереня не стал уточнять, что лежит не где-нибудь и не как-нибудь, а животом вниз на сыром прибрежном песке, наблюдая в бинокль за Иркой, которая непонятно возилась в своем шалаше.

С утра пораньше, едва успев причалить к бережку в привычном месте – в укромной гавани под ивушками, братья Пушкины были вынуждены заняться истреблением на песчаном берегу трехбуквенного слова, которое неукротимая узница, очевидно, начертала в отсутствие стражей под покровом темноты – благо ночь была лунная. Используя вместо черпака найденное в шалаше прохудившееся жестяное ведро, Ирка прошла по берегу, как малогабаритный, но мощный экскаватор, и проковыряла три затейливой кривизны канавы, которые складывались в слово SOS и должны были быть хорошо видны с высоты птичьего полета. Сообразив, что пленница пытается привлечь внимание не столько чаек, сколько пролетающих над городом самолетов, братья очень огорчились таким коварством и приложили массу усилий, чтобы уничтожить сигнальные буквы. К счастью, поутру островок посреди реки был затянут густым туманом, который оседал мелким дождиком. Пленница пряталась в своем шалаше и не могла видеть Гриню и Леню, которые играли на берегу в бульдозер, вооружившись невесть откуда взявшейся широкой доской.

Гигантские буквы за ночь успели превратиться в дренажные канавы, полные воды и вездесущих лягушек. Последнее, впрочем, было даже неплохо, потому что Сереня, стоявший «на стреме» на случай неожиданного появления в зоне активных земляных работ Ирки, загодя

набрал полный пластиковый пакет квакушек и приготовился по тревоге забрасывать ими противника. Впрочем, лягушкетание не понадобилось. Попыхтев, Гриня и Леня буквы благополучно истребили еще до того, как рассеялся туман и на бережок, как песенная Катюша, вышла узница.

Увидев, что ее письменный призыв о помощи в буквальном смысле стерт с лица земли, Ирка нахмурилась, обвела прибрежные кусты недобрый взглядом, вызывая шмыгнула носом и тяжелым шагом вернулась в шалаш. С тех пор бдящий Сереня не спускал глаз с хижины, которую периодически потряхивало, что выдавало происходящую внутри загадочную деятельность.

– Это хорошо, что ты лежишь, – после паузы, понадобившейся для того, чтобы подавить приступ классовой ненависти к бандитам-эксплуататорам, сказала я Пискальвому. – Значит, ты не упадешь, когда услышишь мою новость. Ты готов удивиться?

– Всегда готов! – откликнулся Сереня, машинально вскинув руку в пионерском салюте. С потревоженного куста ему на голову свалилась крупная виноградная улитка.

– У, дрянь такая! – воскликнул Сереня, тряхнув головой так, что бедная улитка смертоубийственно булькнула в воду.

– Ты кого это дрянью назвал? – обиделась я.

– Ой, это я не тебе, – поспешно заверил меня Пискаля. – Тут одна такая приставала ко мне. Рогатая.

Искренне удивившись тому, что кто-то там наставляет кому-то рога с Пискалей, я с трудом заставила свои мысли вернуться к теме.

– Так вот, официально заявляю тебе: я нашла ваше добро! – торжественно объявила я.

– Нашла? Правда? Она нашла наше добро! – взвизгнул Пискаля, из каковой реплики я сделала вывод, что лежит он там действительно не один.

В трубке засвистело, словно ее поднесли к форточке. Я решила, что слышу дружное хорошее сопение членов банды Пискальвого.

– Ой, как хорошо, просто замечательно! – ликовал Пискаля.

– Еще бы! – подтвердила я.

– А что это? – с живым интересом спросил чей-то бас. – В смысле, наше добро – оно какое?

– Оно такое маленькое и синенькое, – с готовностью ответила я. – Малюсенький и синюсенький кусочек бумаги. Марка!

– Это не наша! – поспешно возразил Пискаля. – Нам такое не надо!

– А чего-нибудь побольше нет? – безнадежно поинтересовался огорченный бас.

– Слушайте, вы определитесь, пожалуйста, вам нужно что-то ценное или что-то большое? – рассердилась я. – Это же не какая-нибудь дойчмарка, это Голубая Булабонга!

– Кто-о?! – в трубке разноголосо ахнули и замолчали.

– Голубая Булабонга, – повторила я, очень довольная произведенным эффектом.

Коротко я пересказала азартно сопящим слушателям драматическую историю раритетной марки, не забыв назвать ее ориентировочную стоимость – не в кваксах, в американских долларах.

– Ск-к-колько-сколько? – заикаясь, переспросил Пискаля, голос которого от волнения враз охрип и сделался почти мужественным.

– Примерно двести тысяч «зеленых», плюс-минус десятка, – небрежно повторила я. Бандиты молчали.

– Ну что, устраивает вас такое добро, или мне забыть про Булабонгу и поискать для вас на кухне термос с обогащенным ураном? – спросила я, когда мне надоело слушать тишину.

Однако мой провокационный вопрос не достиг цели: Пискаля со товарищи онемели основательно.

– Ладно, вы там думайте, а я перезвоню попозже, – решила я. – И чтобы Ирке сегодня выдали праздничный обед! Ведь у нас с вами нынче праздник, не так ли? Исторический и незабываемый День обретения добра! От меня лично примите самые сердечные и искренние поздравления, уважаемые господа!

Радуюсь в предвкушении скорой развязки, я легко вскочила с лавочки под одиноким раскидистым кленом, окруженным декоративной чугунной оградкой и украшенным табличкой «Место для курения» и камерой слежения. Какие, однако, строгости тут у них в «Телеком-Коме»! Администрация предприятия никотинозависимость не приветствует. Представляю, как неуютно чувствуют себя сотрудники, выбегающие покурить под недреманым оком аппаратуры наблюдения! То-то мои коллеги из рекламного отдела управляются с каждым очередным перекурком минуты за три, не больше. Наверное, курят на бегу: сделают с сигареткой в зубах кружок вокруг клена – и назад!

Словно иллюстрируя эту мысль, впереди меня из-за дерева метнулась длинная фигура в белом. Нижняя часть фигуры раздваивалась штанами и завершалась дырчатыми штiblетами, а верхнюю я не разглядела, так что это мог быть и мужчина, и женщина в брюках. Мне, вообще-то, было все равно, я только посочувствовала робкому курильщику, бегущему от свидетелей того, как он нарушает объединенные рекомендации Минздрава и руководства «ТелекомКома», точно испуганный зайчик.

Чтобы не наступать бедняге на пятки и не способствовать развитию у него мании преследования, перед дверью в офис я притормозила. Постояла немного, разглядывая скуки ради наклейку с изображением пучеглазой совы, означающую, что здание охраняется вневедомственной охраной ГУВД. Толкнула дверь, шагнула в холл – и успела увидеть, как за колонну самым подозрительным образом шмыгнули те самые белые ноги! Выглядело это так, словно обладатель этих обрюченных конечностей хотел от меня спрятаться, что мне, разумеется, не понравилось.

Остаток полагающегося мне обеденного перерыва я использовала отнюдь не по прямому назначению. Отказавшись от первоначального намерения мирно испить кофейку из автомата с булочкой из ближайшего ларька, я отправилась в разведку.

Бессистемно бродя по этажам и при каждой возможности заглядывая в разные кабинеты, я высматривала подозрительные ноги и, в свою очередь, тоже должна была выглядеть подозрительно. Во всяком случае, минут через пятнадцать после начала моей шпионской деятельности за мной по пятам стал ходить один из охранников – молодой человек, очень похожий на подороженного бычка, только в рубашке и брюках. Тихо чавкая и дыша мне в спину ледяной свежестью «Орбита», он неотступно следовал за мной на расстоянии метра, пока мне не надоело изображать из себя вагончик с прицепом. Тогда я спугнула мирное жвачное бестактным вопросом: «А у вас, часом, нет таблеточки от диареи?» Охранник совершенно не был снаряжен для борьбы с поносом, и мой следующий вопрос: «А где есть аптечка, не знаете?» – был засчитан как уважительная причина для суетливой беготни по кабинетам.

С кабинетами, кстати говоря, мне не повезло. Перерыв заканчивался, и многие сотрудники уже сидели на своих местах, так что мне были видны только их верхние половины, в то время как я интересовалась исключительно ногами. Заглядывать под столы я постеснялась, поэтому не была уверена в том, что видела все белые штаны и дырчатые штiblеты в компании.

Вообще всяческих светлых подштанников в диапазоне от кипельно-белых шортиков девочки-секретарши до сильно помятых белесых льняных портков системного администратора в конторе нашлось великое множество. И на легкую дырчатую обувь тоже был урожай. Еще бы, лето на дворе! Вот если бы разыскиваемая мной личность напялила на себя валенки

и стеганные штаны навывпуск или, еще лучше, водонепроницаемый гидрокостюм с ластами, я бы нашла ее в два счета!

Заставив себя забыть о поисках белых штанов, я вернулась в отдел рекламы, и тут мне неожиданно повезло: оказалось, что я пришла как раз вовремя! Нужен был доброволец, чтобы сбегать на почту и отправить сто пятьдесят конвертов с именными приглашениями на презентацию. Мои коллеги добросовестно подписали полторы сотни открыточек, упаковывали их в соответствующее количество конвертиков, написали сто пятьдесят адресов и наклеили триста марочек, так что теперь один вид простого почтового письма приводил их в состояние, близкое к бешенству. Мне показалось, что Мария откровенно опасается доверять два кило почтовых отправок штатным сотрудникам отдела. Любой из них запросто бросил бы всю пачку писем не в почтовый ящик, а в мусорный! Поэтому на почту послали меня, чему я была искренне рада, потому что решила обратно сегодня уже не возвращаться. Я совершенно не дорожу своей работой в «ТелекомКоме» и буду только рада, если меня уволят за нарушение трудового режима.

С письмами я управилась за час. Думала, получится быстрее, но в щель почтового ящика больше трех конвертов одновременно не лезло. Пришлось скармливать их ящику порционно, в пятьдесят приемов, так что за мной даже образовалась небольшая очередь из пары старушек. Правда, славные бабульки меня не торопили и не ругали за задержку, наоборот, хвалили как хорошую девочку, которая исправно пишет письма своей родне. Количество предполагаемых родственников их не смутило, бабули заодно похвалили и всю нашу фамилию, очевидно, многодетную в каждом из поколений. Я не стала огорчать милых старушек сообщением о том, что ни я, ни мои родные никогда не участвовали в организации демографических взрывов. С милой улыбкой сердечно поблагодарила бабушек за долготерпение, освободила подступы к почтовому ящику и с легким сердцем и заметно полегчавшей сумкой пошла прочь.

Чем бы мне себя занять? Ответом на этот вопрос стало обиженное урчание желудка. Действительно, я же сегодня не обедала, даже не завтракала толком, только кофе пила!

Кстати, вспомнилась мне неизвестного происхождения утренняя чашечка кофе. Это укрепило меня в намерении отправиться домой, то есть – в Пионерский, и там подкрепиться. А заодно поглядеть, кто это, такой кулинарно образованный, шастает по особняку подруги.

К сожалению, ни покушать, ни погонять по этажам невидимку мне не удалось. Я и во двор войти не успела, даже не поравнялась с домом. Зазвонил мой мобильный. Я глянула на номер – Иркин мобильник! Наконец-то дал о себе знать Пискля.

Я остановилась в тени старого раскидистого дуба, чудом уцелевшего в районе застройки, и громко и весело сказала:

– Алло, это банда преступников, вымогающая выкуп за похищенную женщину?

– Она самая! – с готовностью отозвался Пискля. – Мы посоветовались и решили взять эту твою Синюю Барабангу.

– Голубую Булабонгу, – поправила я. – Могли бы запомнить, как называется сокровище!

В ветвях над моей головой зашуршало. Я машинально поглядела вверх, ожидая увидеть какую-нибудь крупную птичку, но она, наверное, спряталась. Полюбовавшись крупными, с мою ладонь, темно-зелеными листьями, образующими непроглядную многослойную завесу, я сказала выжидательно сопящему Пискле:

– Ну и ладушки, вы мне отдаете Ирку, а я вам – вашу голубую драгоценность. Когда и где будем меняться?

– В семнадцать часов на Пушкинской площади, пойдет? – быстро спросил Пискля.

– В пять часов на Пушкинской площади будет еще жарко, – поморщилась я. – Там же никакой тени нет, ни единого деревца! Может, встретимся ближе к вечеру, часиков в восемь?

– В восемь там будет полно людей, – возразил Пискля. – Зачем нам лишние глаза и уши? Мы с тобой в толпе прогуливающих друг друга даже не найдем!

– Не волнуйся, я надена что-нибудь приметное, – пообещала я. – Яркая-красная майка с изображением оранжевого апельсина подойдет? И зеленые брючки.

– Не бойшься, что тебя будут принимать за светофор? – съязвил Пискаля. – Ладно, договорились, сегодня в пять на Пушкинской.

– Сегодня в пять на Пушкинской, – повторила я, выключая трубку.

Посмотрела на часы: до randevу оставалось меньше двух часов. Времени только-только хватит, чтобы съездить к себе домой и переодеться в обещанный клоунский наряд!

К счастью, мне снова повезло: не успела я еще телефон в сумку спрятать, а рядом загудел автомобильный клаксон. Один из Иркиных соседей, счастливый обладатель автомобиля «Ока», увидел меня под дубом и пригласил, эх, прокатиться. Бодро жужжа, машинка имени среднерусской водной артерии домчала меня до самого парка, а оттуда я уже своим ходом пробежалась домой. Успела даже отутюжить свой экстравагантный вечерний наряд, чтобы не выглядеть бедствующим клоуном из передвижного балагана.

Братья Пушкины сидели за покрякивающимся деревянным столом, разохшиеся ноги которого были вкопаны в землю под старым абрикосовым деревом. Они только что плотно пообедали и пребывали в благодушном настроении, которое портила неотложная необходимость принять решение об обмене островной пленницы Ирки на африканскую марку.

Собственно, братцы уже пришли к общему мнению, что Булабонгу надо брать. Шустрый Сереня успел смотаться в интернет-кафе, посидел часок за компьютером и выяснил, что Голубая Булабонга – вещь действительно стоящая. Двести не двести, но полторы сотни «тонн» «зеленых» за нее выручить вполне можно, надо только придумать, как вывезти филателистическую диковинку за границу, поближе к возможным платежеспособным покупателям. Рассудительный Леонид предвидел, что с этим будут проблемы, и надеялся только на то, что наконец-то объявится заваривший эту кашу Санька и самолично будет ее расхлебывать. Может быть, не в меру предприимчивый старший братец, невесть где прихватывая ценную марку, заранее подумал о том, как, кому и где ее продать? Леня подбадривал себя напоминанием о том, что у ушедшего Саньки, в самом деле, есть какие-то контакты за пределами исторической родины. Не зря же брательник перед последним своим отбытием «на заработки» правдами-неправдами срочно выправил себе заграничный паспорт! Тем не менее Леонид был мрачен.

Сереня шумно ерзал на скамейке, царапая носками подростковых сандалет утоптанную землю под столом. Ему хотелось поскорее приступить к составлению сценария мероприятия под условным названием «Обретение Голубой Булабонги». Сереня страстно желал сыграть в этом спектакле главную роль, но боялся, что дюжие братцы могут оттереть его на второй план, и потому откровенно нервничал.

Беззаботно-весел был только Гриня. Мечтательно шурясь, он смотрел на свисающий с ветки над столом спелый абрикос и мысленно транжирил свою долю двухсот тысяч долларов, не отказывая себе ни в чем.

Неслышно подошедшая мамуля поставила на стол поднос с кувшином и тремя стаканами, смахнула со столешницы невидимые крошки и удалилась, мимоходом погладив по голове Сереню. Тот отстранился, двумя руками яростно вздохнул примятые вихры и заглянул в кувшин.

– О, компотик! – обрадованный Гриня потянулся за стаканом.

– Да, тот еще компот получается, – сказал Леня, думая о своем. – Что-то я никак не придумаю, как нам повернуть обмен бабы на марку.

– Обмен бабок? – неправильно услышал Гриня, мысли которого были всецело заняты растратой долларовых тысяч.

– Про бабки пока лучше забудь, – посоветовал брату Леня. – Сначала нужно получить товар, то есть марку. А для этого нужно вернуть похищенную бабу. Вот только как ее вернуть?

Подобру-поздорову она с нами в лодку не сядет, да и боюсь я, честно говоря, к ней приближаться. Тетка здоровенная, перебьет нас, как тараканов...

– Ну, уж, прям, как тараканов! – оскорбился могучий Гриня.

– А давайте мы ее опять усыпим, – предложил Сереня. – Минералку, которую мы ей на пеньке оставляем, она же пьет? Пьет! Насыпать в бутылку снотворного – и все дела!

– А она увидит, что пробку свинчивали, и не станет пить, – покачал головой Леня.

– Значит, не будем трогать пробку. Разболтаем сонный порошок в водичке, купим в аптеке шприц с тоненькой иголочкой и вколем снотворное в бутылку прямо через пластик! – придумал Сереня. – Дырочка будет малюсенькая, баба ее и не заметит. Мы даже можем отклеить уголок бумажной этикетки, воткнуть шприц под нее, а потом опять заклеить. Вообще никаких следов не останется!

– Супер! – восхитился Гриня.

– Супер-то супер, но где у нас гарантия, что тетка выхлебает всю бутылку и получит достаточную дозу? – возразил Леня. – Представьте, что будет, если она вдруг очнется на лодке посреди реки!

– И за бо-орт ее броса-ает в набежа-авшую волну! – с готовностью напел Сереня.

Спелый абрикос, который Гриня так долго гипнотизировал взглядом, сорвался с ветки над столом и шумно упал в кувшин.

– Потопит как котят, – подтвердил Леня, проводив взглядом булькнувший фрукт.

Он побарабанил пальцами по столешнице.

– Еще компотику? – в окно летней кухни выглянула мамаля.

– Не, нахлебались уже, – невежливо отказался Сереня.

Мамаля снова спряталась в домике. Поглядев на окошко с беленькими занавесочками, Леонид сказал:

– Я так думаю, нам нельзя нашу бабу с острова забирать. Мало ли как может получиться! Вдруг не удастся сразу забрать марку? Не будем же мы опять волочь тетку на остров? Тягать бабу туда-обратно – слишком хлопотно, а другого места, чтобы спрятать ее где-нибудь поближе, под рукой, у нас нет.

– А я придумал, придумал! – подпрыгнул на лавочке Сереня. – Мы обменяем на марку не саму бабу, а ее координаты! Сообщим их второй тетке, как только получим свое добро, и пусть она тогда сама думает, как ей подружку с острова вытащить!

Леня немного помолчал, потом кивнул:

– Так и сделаем.

– А теперь давайте думать, как будем забирать марку! – Сереня обрадовался возможности приступить к обсуждению самого интересного этапа операции. – Я предлагаю сделать это так...

Без четверти пять я перешагнула через чугунную цепь, препятствующую въезду в пешеходную зону автомобилей, которые в случае отсутствия ограждения неминуемо заполнили бы собой всю Пушкинскую площадь. Впрочем, в этот час и сама площадь, и автостоянка рядом с ней были пусты. На паркинге еще стояла хоть пара машин, а вот лавочки по периметру квадрата, затейливо выложенного разноцветной брусчаткой, пустовали все до единой. Было жарко, очень хотелось спрятаться от палящего солнца. С вождением посмотрев на густую тень под лавочкой, я с сожалением отказалась от мысли растянуться плашмя на прохладной брусчатке. Отличная нежаркая конурка, но меня же в ней не будет видно, а я специально вылезла на середину площади в карнавальном костюме Светофорчика, чтобы Пискля гарантированно меня заметил!

Обойдя вокруг памятника, я уселась в серое пятно тени, отбрасываемой бронзовым Пушкиным, прямо на ступеньку постамента. Мрамор нагрелся, сидеть на нем было как-то странно: казалось, что температура отполированной поверхности вот-вот еще повысится и моя задняя часть в зеленых штанишках начнет аппетитно подрумяниваться. Пушкинская тень была

жидкой и не позволяла сколько-нибудь остудиться, при этом двухметровая бронзовая фигура ощутимо дышала жаром. Наверное, поэтому на плечах монумента не сидели голуби: боялись обжечь лапки.

Я свои лапки – в смысле, руки – тоже не стала раскидывать по горячему камню, чинно сложила на коленках, поверх сумки с ценным содержимым: там, в бумажнике, в свободном кармашке для кредитной карточки, лежал прозрачный пакетик с Голубой Булабонгой.

Борясь с одолевающей меня дремотой, я потеряла глаза кулаками. Поглядела на часы: семнадцать ноль три! Ну, где же мой писклявый мафиози?

Предводитель школярской банды не появлялся, зато из-под елочек в глухом закоулке за библиотекой выползло редкостное чудо: хилый старичок в длинном, не по росту, медицинском халате и широкополой соломенной шляпе. Физиономию дедка скрывала густая растительность, за кудлатой черной бородой и лохматыми бровями лица было вообще не видно. Звонко шлепая подошвами детских сандалет по брусчатке, чудо выступило на середину площади и остановилось напротив памятника, заложив ручки за спину и покачиваясь с пяток на носочки. Я перестала сонно хлопать глазками и зевать.

– Ну, что тарачишься? – вполне добродушно поинтересовался дед.

Услышав знакомый писклявый голос, я подпрыгнула.

– Марку принесла? Давай сюда, – велел Пискля.

– Ничего себе, ты загримировался! – восхитилась я. – А я-то думала, что это я вырядилась, как чучело!

– Чучело и есть, – обидел меня Пискля. – Марку, говорю, давай! Сколько я буду торчать тут, как памятник? Мне жарко в этой бороде!

– Сними бороду, – я пожалала плечами. – А марку я тебе не отдам, пока не увижу Ирку.

– Бороду не сниму, чтобы ты меня не запомнила, а подружку свою увидишь, когда отдашь выкуп, – уперся бородатый школьник.

Я задумалась. Не обманет ли меня этот паршивец?

– Не хочешь – не надо. – Пискля повернулся ко мне спиной и сделал вид, что уходит.

– Ладно, будь по-твоему! – я испугалась, что Ирка останется в плену, и сдалась.

Бородатый прохвост с готовностью остановился и протянул ко мне сложенную ковшиком ладошку.

– Не так быстро, – сквозь зубы процедила я, перебрасывая на живот свою сумку.

Дернула «молнию» – и ее заклинило на середине! Тьфу, пропасть, всегда так: где тонко, там и рвется! В смысле, в самый ответственный момент случается какая-нибудь копеечная, но крайне неуместная подлость!

Моя любимая сумка время от времени проделывает этот трюк, отказываясь либо открыться, либо закрыться, и поэтому большую часть времени пребывает в промежуточном состоянии. Вот и сейчас бегунок замка перехватил кривой разрез на сумчатом брюхе точно посередине, и ни туда ни сюда!

Раздосадованная, я подергала язычок замка – тщетно. Попыталась просунуть руку сквозь вдвое уменьшенное отверстие – получилось, но распознавать содержимое пришлось сугубо на ощупь. Псевдокрокодилюю кожу бумажника я благодаря характерной фактуре узнала, но вытащить кошелек мешали другие мелкие предметы. Первым я вытянула наружу мобильник и зажала его локтем, потому что мои зеленые штанишки не были оснащены карманами. Снова ввинтила руку в сумку и нащупала маленькую пластмассовую коробочку размером со спичечный коробок или чуть поменьше. Это что у меня такое? А, мятные пастилки!

Коробочка с тик-так-ом упорно тыкалась в мою ладонь, мешая подобраться к бумажнику. Я раздраженно выдернула коробок из сумки и, не зная, куда его деть в отсутствие карманов и свободных конечностей, сунула вещицу напряженно ожидающему Пискле. При этом буркнула:

– Подержи.

Все, что произошло потом, я неоднократно прокручивала в памяти, пытаюсь понять, какого черта мой писклявый бандит вдруг сорвался с места, как участник гандикапа?

Думаю, лохматые бутафорские космы, закрывшие Пискле не только лицо, но и уши, мешали ему нормально слышать. Вероятно, мое «подержи» Пискля услышал как «держи» и решил, что в коробочке, которую я ему вручила, лежит обещанная Голубая Булабонга. Коробочек действительно вполне подходил по формату, а его настоящее содержимое нельзя было увидеть, так как пластмасса корпуса была непрозрачная.

Выхватив коробок, кудлатый «старец» рванул от меня в сторону еловой рощицы, стуча подошвами, как резвый скакун копытами. Мне даже показалось, что на ходу он радостно ржет – вероятно, празднуя победу своей мафии над обманутой разиней.

Поскольку я в этот момент была занята изъятием из сумочного нутра бумажника, неожиданный рывок Пискли не сразу был мной замечен. Лишь через несколько секунд, машинально оторвав взгляд от проклятой сумки, чтобы посмотреть, чей веселый галоп звонким эхом отражается от окружающих квартал зданий, я поняла, что осталась на площади в компании бронзового поэта. Мой писклявый приятель, в своем маскировочном костюме больше всего похожий на усохшего Будулая, пересек площадь, кузнечиком сиганул через цепь и выскочил на автостоянку.

И тут навстречу ему из припаркованного под елками желтого «Москвича» выскочила рослая фигура в белом – и снова я не поняла, мужик это был или баба! Что-то плохо у меня в последнее время с идентификацией белых фигур, просто какое-то выпадение зрения! Правда, от меня до той машины было метров пятьдесят, к тому же торчащая еловая лапа частично загоразживала мне сцену действия.

Некто в белом пугающе вздыбился перед затормозившим Писклей и через секунду рухнул на него, как полярный мишка на тюленя. Белые одежды нападавшего и медицинский халат Пискли слились, скрыв от удаленного наблюдателя в моем лице детали происходящего. Я только увидела, что трепещущий белый ком проворно втиснулся в открытую заднюю дверцу авто, а потом услышала визг тормозных колодок и рев двигателя. Виляя, желтый «Москвич» вылетел из-под елок и унесся за угол Художественного музея.

– Что тут... – удивленно начала я.

Продублировав звуки, которые издал «Москвич», с той же стоянки сорвался красный «жигуленок»-такси.

– ...происходит? – закончила я.

А уже ничего и не происходило! Только сдвоенный шум уносящихся прочь автомобилей затих в отдалении. Сцена снова была пуста – ни участников инцидента, ни свидетелей! Лишь я да бронзовый Пушкин остались стоять посреди площади, одинаково остолбенев и незряче таращась на угол музея глазами навывкате. Всей-то разницы, что Александр Сергеевич при этом иронично улыбался уголками плотно сжатых губ, а у меня рот был распахнут, как скворечник в ожидании пернатых поселенцев.

До меня уже дошло, что шустрый Пискля собирался меня надуть, смывшись с маркой и не выполнив ответное обязательство по передаче мне Ирки. Краешком сознания я оценила этот поступок маленького мерзавца как непорядочный и марающий честь всей писклявой банды. Так и знала, что имею дело с несерьезной шайкой без солидных мафиозных традиций! Однако негодование мое было слабо выраженным. Основным чувством, владевшим мной в этот момент, было полное и безоговорочное обалдение!

Да и как было не обалдеть? Полномочный представитель банды, похитившей Ирку, только что на моих глазах сам стал жертвой похищения!

– Есть время разбрасывать камни – и время их собирать! – поделилась я библейской истиной с усмевающимся Пушкиным. – Есть время похищать людей – и время самому быть похищенным!

Потом я подумала: интересно, а знает ли Некто-в-белом, кого именно он украл? Вот будет потеха, если Белый Человек заинтересован исключительно в похищении маленького лохматого старичка!

Я представила себе, как удивится Белый, обнаружив под наслоениями накладных волос писклявую личность отчетливо допенсионного возраста, и истерически захохотала. Плача от смеха, на подгибающихся ногах прошла к стоянке, едва не запнулась о цепь, зацепила коленом остроугольную мусорную урну и влилась в набирающий силу поток пешеходов на главной улице. Мне было абсолютно безразлично, куда идти, потому что я совершенно не представляла, что мне теперь делать. Утешало одно: Голубая Булабонга осталась при мне.

Должно быть, со стороны я выглядела презабавно: растрепанная дамочка с расхристанной сумочкой, в наряде, цветовая гамма которого не впечатлила бы только дальтоника. Вдобавок выражение лица у меня было точь-в-точь как у замороженной рыбы: глаза стеклянные, морда одеревеневшая, рот приоткрыт. Всю эту красоту я оценила сама, когда поравнялась с салоном «Мир стекла» и увидела свое отражение в большом зеркале витрины.

Это зрелище меня несколько отрезвило, и я вновь обрела способность соображать. Характерно, что первая моя мысль не имела никакого отношения к драматическим событиям дня и была отчетливо критической! Я просто подумала, какая глупая нынче мода называть торговые точки с глобальной претензией: «Мир кухни», «Мир сантехники», «Мир кафеля», «Мир красок», «Мир дверей», «Швейный мир», «Мир саун» – это только то, что я сама видела в нашем городе. По идее, название должно будить воображение потенциального покупателя. Действительно, я лично довольно живо представляю себе мир сантехники: это стерильно чистая планета, на материках сплошь уставленная унитазами пастельных тонов, а в океанической части изобилующая архипелагами ванн и отдельными островами многофункциональных джакузи...

Занятая такими глупыми мыслями, я шагала к зданию родной телекомпании. Совершенно бессознательно шагала, ноги сами несли меня туда – должно быть, по привычке.

Очнулась я лишь тогда, когда увидела перед собой гостеприимно распахнутую дверь нашей редакторской. С порога открывался прекрасный вид на гостевой диван, на котором восседал Лаврик Листьев. Как будто и не уходил отсюда третьего дня!

– Ой, Лена, вы-то мне и нужны! – обрадовался Лавровый Лист при виде меня.

– Извините, ошиблась адресом! – пробормотала я, круто разворачиваясь.

Быстро прошла по коридору в обратном направлении и за поворотом лестничного марша столкнулась с Вадиком. Оператор как раз поднимался вверх, держа на вытянутых руках перед собой картонную коробку из-под торга. В коробке горкой лежали вареные раки.

В последний момент я увернулась от столкновения с панцирными и уступила Вадика главную дорогу.

– Привет! Как дела в «ТелекомКоме»? – притормозив, поинтересовался Вадик. – Где твое кайло, почему не в забое?

– Боюсь ударным трудом досрочно истощить жилу! – ответила я, не останавливаясь. И попросила:

– Вадька, будь человеком, задержи Лаврушку! Он за мной гонится.

Слетела по лестнице на первый этаж и уже там услышала голос хитрюги Лаврика:

– Ой, Вадим, я в морозилку пиво сунул и вынужден бежать. Вы не достанете бутылку, пока она не лопнула?

Я досадливо скривилась. Видно, Лаврушка услышал, как я просила Вадика поработать заградительным сооружением, и нашел гениальный способ его нейтрализовать. Можно не сомневаться, что Вадик с удовольствием спасет чужое пиво, так кстати пришедшее к ракам! Причем выручать его из плена морозилки он отправится незамедлительно.

Прикинув расстояние до трамвайной остановки, я решила, что не успею до нее добежать и прыгнуть в отходящий вагон. Лаврик юноша спортивный, он меня догонит, и придется нам разговаривать об очередной дутой сенсации посреди толпы, чутко прислушивающейся к беседе. Не хочу я положить начало паническим слухам о гривастых кошках-мутантах и прочей чуши!

С этой мыслью я развернулась и встретила подоспевшего Лаврика лицом к лицу и упреждающими словами:

– Лаврик, если ты собираешься рассказать мне о новых парикмахерских экспериментах своей подружки, даже не приближайся! У меня нет времени слушать про длинногривых кошек в бигуди и собачек цвета «баклажан»!

Над нашими головами послышался тихий смешок. Я подняла голову и увидела в окне третьего этажа Вадика с запотевшей полуторалитровой бутылкой.

– А как насчет маленьких зеленых человечков? – Лаврик Листьев и не подумал от меня отвязаться.

Нет, он не Лавровый Лист, он натуральный Репей!

– Они покрасили зеленкой младенцев в доме малютки! – шумно отхлебнув Лавриково пиво, ехидно предположил Вадик, очевидно, напрочь лишенный чувства благодарности.

– Про каких еще маленьких зеленых человечков ты говоришь? – рассердилась я.

– Уж, конечно, не про тех, которых рисуют на пешеходных светофорах! – пожал острыми плечиками творец сенсаций. – Про инопланетян, разумеется.

– Та-ак, приехали! – я покрутила пальцем у виска.

– Скорее, прилетели! – поправил Лаврик.

Он уткнул пронзительный взор в синюю твердь вечернего неба и вдохновенно, с легким завыванием, завел:

– Через безжизненные просторы космоса они мчали к нам на своей летающей тарелке, чтобы здесь, на задворках галактики, вступить в контакт с братьями по разуму.

– С братьями и сестрами, – доброжелательно кивнул Вадик.

Я нетерпеливо притопывала, ожидая возможности сорваться с места и умчаться прочь со скоростью летающей тарелки.

– Я так понимаю, совершенно случайно на пути братьев-гуманоидов оказался ты, и теперь именно ты уполномочен стать проводником идей инопланетного разума в земные массы? – перебила я Лаврика.

Он скромно потупился:

– Не совсем уполномочен...

– Скорее, сам навязался! – захохотал Вадик, демонстрируя классическое хмельное веселье.

– Я просто принял сигналы, – укоризненно поглядев на Вадика, сказал Лавровый Лист.

– Телепатические! – обрадовался Вадик, переполовиненной бутылкой обрисовав в воздухе вокруг своей головы широкий круг, с трудом вписавшийся в размеры распахнутого настежь окна.

– Нет, я их увидел, – покачал кудрявой головушкой несколько не обескураженный Лаврик.

– Третьим глазом? – съязвил Вадик.

– Только первым и вторым, – Лавровый Лист снова закатил глаза. – Дело было так. Вчера вечером я бродил по берегу Кубани...

– Предаваясь мечтам о контактах с маленькими зелеными человечками! – снова встрял неугомонный Вадик.

Лаврик неожиданно покраснел.

– По правде говоря, я наступил на собачье дерьмо и пытался оттереть подошву на мокром песочке, – признался он. – Но это совершенно неважно! Итак, я бродил у воды и вдруг заметил загадочные вспышки света, идущие с реки. Одна из них ослепила меня. Я остановился, посмотрел – и меня ослепила вторая вспышка!

– Потом третья! Четвертая! Двенадцатая! – с подъемом вскричал Вадик, размахивая бутылкой с риском уронить ее нам с Лавриком на голову.

Лаврику-то от этого вряд ли стало бы хуже, он, судя по всему, уже давно и неизлечимо больной на голову, а вот мне сотрясение мозга ни к чему! Я слегка попятилась и приветливо, как говорят с умалишенными, сказала:

– Ну, вы тут побеседуйте, а я потихоньку пойду, мне пора...

Лавровый Лист уже вошел в роль Свидетеля Сенсационного События и не обращал внимания на мелкие досадные помехи вроде язвительных реплик и несущественных замечаний.

– Короткие и длинные вспышки следовали в определенной последовательности, четко выдерживая ритм: пам, пам, пам-пам-пам, пам-пам-пам-пам! Пам-пам! – Лаврик забил в ладоши.

– А в азбуке Морзе есть такой сигнал? – Вадик подогрел рассказчика заинтересованным вопросом.

Успев отойти на пару метров, я оглянулась и испытующе посмотрела на приятеля-оператора. Вадья мне заговорщицки подмигнул и хитро улыбнулся. Я поняла, что товарищ таким образом выполняет свое обещание задержать невыносимого Лаврика, и с признательностью приложила руку к сердцу.

Было около шести часов вечера, из расположенных в сердце города офисов, магазинов и всяческих контор повалили служащие, узкие улочки старого центра заполнили автомобили, на тротуарах образовалось многорядное движение с водоворотами, общественный транспорт пользовался повышенным спросом. Трясаясь в переполненном трамвае, я понемногу пришла к себе и большую часть пути провела в безрадостных раздумьях.

– Ну, что? – с надеждой и тревогой спросил Гриня.

Не отрывая от уха трубку мобильного, Леня Пушкин кругами бегал вокруг памятника тезке. Напряженно вглядываясь в лицо брата, Гриня ворочал головой, как подсолнух, отслеживающий перемещение дневного светила.

Леня досадливо отмахнулся и ничего не ответил. Он был занят: уже с полчаса поочередно набирал номера телефонов – Серениного и похищенной бабы, надеясь услышать родной писклявый голос. Мобильники лежали в карманах Серениных штанишек, прикрытых длинным докторским маскхалатом, но братец на вызовы не отвечал, и Леню с Гриней это очень беспокоило.

Когда шустрый младший братец, успешно вырвав из рук тетки-растяпы коробок с вожделенным добром, со всех ног припустил к ожидающему на стоянке такси, Леня и Гриня шумно хлопнули друг друга по рукам, облегченно вздохнули и немного расслабились. Появление незнакомого мужика, осуществившего перехват летящего Серени буквально в нескольких метрах от припаркованного под елочкой такси, стало для братьев полной неожиданностью.

Задремавший в своем кресле таксист был немедленно разбужен, но потерял несколько драгоценных секунд, вникая в задачу, которую взволнованные до потери членораздельной речи братья Пушкины формулировали крайне невнятно. Спешно организованная погоня успеха не имела, машина, увозящая похищенного Серени, петляя, как заяц, затерялась в лабиринте улиц.

Наорав на таксиста за то, что тот не проявил в преследовании противника должной настойчивости и водительского мастерства, Леня урезал вдвое ранее обещанное вознаграждение, и братья покинули наемный экипаж в самом дурном расположении духа. Произведен-

ный напоследок громкий хлопок автомобильной дверцей лишь отчасти заглушил ругательства оскорбленного в лучших чувствах водителя.

Деньги, сэкономленные на оплате услуг такси, потратили с толком. На стихийном радиотехническом рынке под Толстовским мостом по смешной цене купили подержанный мобильник. Продававший его дядька самого потрепанного вида убежал, даже не пересчитав толком деньги, что яснее ясного говорило: сотовый краденый. Леонида, однако, совершенно не волновало происхождение дешевого мобильника. Он надеялся, что успеет провести по нему переговоры об освобождении Серени, после чего грошовую «мобилку» можно будет и в Кубань выбросить.

Возвращаться вдвоем, без Серени, домой братья Пушкины не стали, чтобы не волновать мамулю. Не имея штаб-квартиры в городе и не зная, куда податься, снова прибыли на Пушкинскую площадь.

– Молчит? – снова спросил Гриня, сморщившись, словно он укусил незрелое яблоко.

Именно в этот момент трубка подала признаки жизни.

– Алло! Алло, Серенький! – закричал Леонид, спугнув первого смелого голубя, рискнувшего присесть на плечо медленно остывающего солнца русской поэзии.

Гриня напряженно всматривался в лицо старшего брата, пытаясь по малейшим движениям мимических мышц угадать слова, которых не слышал. Задача была сложная, почти невыполнимая: монолог невидимого собеседника заставил Леонида окаменеть лицом. Самостоятельной напряженной жизнью на Лениной физиономии жили только брови, которые то вопросительно взлетали, то обессиленно опадали, как крылья чайки.

– Ну?! – нетерпеливо выдохнул Гриня, едва дождавшись, пока Леня закончит разговор.

– Антилопа гну! – не по делу огрызнулся Леня.

Состоявшийся короткий разговор окончательно вывел его из равновесия.

– Где Серенький? – жалобно спросил Гриня, ничуть не обидевшись.

– В Караганде, – буркнул Леня.

– Это где такое? – наморщил крепкий лоб Гриня.

– Это в Казахстане, – машинально ответил Леонид, сосредоточенно глядя на блестящий носок башмака бронзового поэта.

– Сереня в Казахстане?! – удивился Гриня. – Че они, за два часа аж до Турции доехали?! На машине через море?

Леонид перевел взгляд с пушкинской обуви на брата и долго внимательно на него смотрел.

– Разве Казахстан – это не в Турции? – робко спросил Гриня.

– Нет, – задумчиво сказал Леня. – Казахстан в Казахстане.

Гриня уважительно затих, оценивая глубину этой мысли.

– Так вот, кстати, о заморских странах, – после паузы сказал Леонид. – Надо думать, как нашу бабу из реки вытаскивать.

– Че, опять? – огорчился Гриня.

Леня правильно понял эту реплику, выразившую нежелание не вытаскивать бабу из воды, а снова думать о способе переправы пленницы. Думать Гриня вообще не любил.

– Если хотим вернуть Сереню, придется отдать этому жлобу марку, – объяснил Леонид, обозвав ругательным словом похитителя младшего братца. – А чтобы получить марку, придется отдать бабу номер один бабе номер два. Боюсь, та, вторая, пока не увидит первую, Булабонгу нам не отдаст. После того как Сереня пытался от нее сбежать с добром, она нам на слово уже не поверит.

Несколько сумбурное изложение заставило Гриню напрячь мозги, но суть сказанного он уловил:

– Жлоб хочет нашу марку?

- Угу, – кивнул Леонид.
- Фигово, – резюмировал Гриня.
- Фиговее некуда, – согласился Леня, который редко употреблял ненормативные выражения, но сегодня готов был материться в голос.

С помощью благородного Вадика ускользнув от Лаврика, я сразу же выбросила из головы всех и всяческих братьев по разуму. Никакого своего родства с высокоразумными существами земного или инопланетного происхождения я в данный момент не ощущала. В голове был самый настоящий космический вакуум. Чтобы сформировать из рассеянной звездной пыли хоть одну толковую мысль, нужно было снять стресс.

Я знаю несколько быстрых и эффективных способов избавления от морального дискомфорта. В моем арсенале антистрессовых мероприятий значатся медитативное прослушивание тихих ненавязчивых мелодий, поглаживание приятных пушистых зверьков, поедание вкусностей, общение с любимыми мужчинами – мужем и сыном – и, как апофеоз, если ничто другое уже не помогает, – шумный скандал с топаньем ногами и разносом по дощечке хрупких строений.

В данный момент мое душевное напряжение еще не достигло того градуса, за которым следует взрыв, и поблизости не было мужа, ребенка и шерстистых животных, если не считать гривастую кошку Лаврового Листа. Таким образом, доступными средствами восстановления душевного равновесия оставались пассивное музицирование и лечебно-профилактическое обжорство.

Совмещая два в одном, я уселась за столик летнего кафе с живой музыкой и заказала двойную порцию пломбира с орехами, вареньем, цукатами, изюмом, воздушным рисом и мармеладной крошкой.

– И большую-большую ложку? – позволила себе неуместную шутку девушка-официантка.

Я посмотрела на нее с немым укором. Устыдившись, барышня убежала и удивительно скоро вернулась с моим заказом. Вооружившись ложкой, я деловито прокопала ямку в тазике с пломбиром, погребенным под наслоениями добавок, минут через десять почувствовала, что мне легчает, и с этого момента стала чавкать тише, чтобы не заглушать другим посетителям кафе музыку.

В качестве обещанной живой музыки выступал полумертвый юноша, замученный вид которого наводил на мысли о застенках и узилищах. Тщетно борясь с нарушающей артикуляцию зевотой, музыкант тоскливо выводил лирическую песнь на не опознанном мной языке, одновременно вяло подыгрывая себе на клавишных. Очевидно, от усталости, ноги менестреля подкашивались, и казалось, что буквально через мгновение, не допев свою лебединую песнь на неведомом наречии, он тихо соскользнет под клавикорд и там ляжет замертво, точно последний представитель уже вымершего народа.

Резкая трель телефонного звонка взбодрила умирающего лебедя, как грохот ружейного выстрела. Встрепенувшись, музыкант воспрял духом и телом, оборвал погребальный плач и исполнил бравурный музыкальный пассаж.

– Да! – бодро, в тон музычке, воскликнула я в трубку.

– Предлагаю встретиться и обсудить условия обмена нашей марки на вашу подругу, – произнес усталый мужской голос без намека на писк.

Я поняла, что звонит представитель банды Пискалявого, и ошетибилась:

– Опять попытаетесь меня надуть? Дудки! Второй раз этот номер у вас не пройдет! Пока я не увижу Ирку, Булабонги вам не получить, так и знайте!

Реанимировавшийся музыкант подкрепил мои слова звучным мажорным аккордом.

– Обещаю, вы ее увидите, – заверил меня собеседник.

– То-то же, – обрадовалась я.

И тут же предупредила и. о. главаря:

– Только не надейтесь, что при встрече сумеете отнять у меня Булабонгу силой. Я ее на этот раз вообще с собой не возьму! Спрячу в надежном месте и отдам вам только тогда, когда Ирка будет на свободе и в безопасности.

– Какие гарантии, что вы нас не обманете? – мрачно спросил зам. Пискли.

– Гарантии дает только господь бог! – злорадно ответила я, понимая, что могу диктовать бандитам свои условия.

Нетрудно было догадаться, что неожиданно вступивший в игру похититель Пискли спутал все бандитские планы и нарушил равновесие сил. Кто бы он ни был, этот третий явно играл против команды Пискалявого, что было мне на руку: открытие второго фронта уже ослабило моих врагов. Вон как кротко разговаривают, на все мои условия соглашаются!

– В общем, утром деньги – вечером стулья, – подытожила я разговор. – Когда и где встречаемся?

– Утром деньги – вечером стулья, – вынужденно согласился с упрямой бабой Леонид. – Встретимся через час на конечной остановке «сорок четвертой».

– Че, опять маршрутку угонять? – по-своему понял услышанное Гриня. – Или теперь грузовик?

Леня склонил голову набок, как птичка, и уставился на брата отчетливо вопросительно.

– Ну, для стульев? – пояснил свою мысль Гриня.

– Стульев не будет, – развеял заблуждение Леня. – Мы встретимся с теткой номер два на конечной остановке маршруток, пешочком пробежимся к реке, честно покажем ей островок, на котором кукует первая баба, и заберем марку. Организацией переправы пусть занимаются без нас, нам еще Сереню освобождать из плена, так что на чужую бабу отвлекаться я лично не собираюсь!

Ура, моя взяла! Иркины тюремщики приняли мои условия, и вот-вот я освобожу свою дорогую подругу из плена!

Выключив трубку, я не удержалась и пару раз громко хлопнула в ладоши. Сделано это было от полноты чувств, а не для того, чтобы поблагодарить за доставленное удовольствие музицирующего клавишника, но тот принял аплодисменты на свой счет. Обернулся ко мне, слегка поклонился и на радостях сбавил на своем инструменте что-то зажигательное – какой-то бодрящий запев футбольных фанатов: Пам, пам, пам-пам-пам! Пам-пам-пам-пам! Пам-пам!

– «Ку-бань» чемпион! Всех зареет! «Ку-бань!» – кровожадно проскандировал какой-то ярый болельщик, невесть как затесавшийся в ряды мирных граждан.

Совершенно машинально я отстучала ритм футбольной «кричалки» ладонями по столу, качнув свою лоханку с подтаявшим мороженым. Молочное озерцо, окружающее островок пломбира, заволновалось.

В этот самый момент в моей голове, до краев наполненной незамутненной дистиллированной водицей, золотой рыбкой проблеснула гениальная мысль. Я застыла, чтобы ненароком не тряхнуть свой аквариум, сосредоточилась и выдернула трепещущую рыбешку из воды.

«Пам, пам, пам-пам-пам! Пам-пам-пам-пам! Пам-пам!» – это же наш с Ирккой условный сигнал! Таким манером Ирка стучала в мою дверь или звонила в звонок, давая понять, что это пришла именно она, моя подруга, а не какой-нибудь посторонний человек, которого совсем необязательно пускать в дом. Иначе, если мне неохота было принимать гостей, я вполне могла проигнорировать и стук, и звон.

А разве не такой же сигнал, только не звуковой, а в виде световых вспышек, принял прогуливавшийся вдоль Кубани Лавровый Лист? А ведь на реке, как в моем тазике с мороженым, бывают острова! А на острове вполне можно кого-нибудь спрятать, и получится такой изоля-

тор на свежем воздухе! А если оттуда позвонить по телефону, то в трубке, наверное, будут слышны шум воды, свист ветра и шорох прибрежных кустов!

Вывод казался мне совершенно очевидным: банда Пискаря прятает мою Ирку на каком-то острове посреди реки, откуда предприимчивая подруга наобум посылает сигналы о помощи!

Чтобы проверить это умозаключение, следовало немедленно найти Лаврика Листьева и вытрясти из него максимально точные координаты местности, где состоялся предполагаемый контакт Лаврового Листа с инопланетянами. Я схватила со стола отложенный было мобильник и позвонила на сотовый оператору Вадику.

– Ку-ку! – весело отозвался Вадюша, природный оптимизм которого до крайности усилился под воздействием выпитого в жару халявного пива.

– Сам ку-ку! – сказала я. – Вадька, ты еще в телекомпании? А Лавровый Лист тоже там?

– Лавровый лист? – озадаченно повторил Вадик. – Слушай, я не знаю! У меня лично есть только сухарики с укропом, а в редакторской вроде имеется соль, чай и кофе. Сахар опять закончился. Да, есть еще китайская лапша!

– Не вешай мне лапшу на уши! – отмахнулась я. – Я тебя не про приправы спрашиваю, а про Лаврика Листьева! Там он или нет?

– Размечталась – «или нет»! – передразнил меня оператор. – Очень даже там, в смысле, тут. Укореняется копчиком в наш гостевой диван.

– Схвати его и не отпускай! – велела я.

– Копчик или диван? – одурманенный слабоалкогольным напитком Вадик требовал уточнения.

– Лаврика схвати! За какое именно место – сам смотри, главное, чтобы до моего прихода он от тебя не вырвался!

– Эх, на что ты меня, подруга, толкаешь! – вздохнул Вадик.

Я не поняла, что он имел в виду. Мне вообще было некогда думать о таких деталях, как фрагмент тела, захват которого позволит Вадику максимально надежно зафиксировать на диване Лаврушку. Я уже выключила телефон и выскользнула из кресла, сделанного из такой же красной пластмассы, как и тазик с моим десертом.

Чтобы не терять времени, дожидаясь официантку со счетом, деньги я сунула под лоханку с недоеденным мороженым. Обежала низкую оградку кафе, с трудом удержавшись, чтобы не перепрыгнуть через нее. На центральной улице в восьмом часу вечера в будний день уже было пустовато, и я небольшим смерчем промчалась по тротуару, не обращая внимания на вихрящуюся позади пыль и выпархивающие из переполненных мусорных урн бумажки. В телекомпанию влетела, хлопнув дверью, что вызвало неудовольствие вахтерши. Упомянутое неудовольствие проигнорировала, ворвалась в редакторскую – и резко остановилась.

Лавровый Лист по-прежнему сидел на гостевом диване, но всем своим видом показывал желание с него встать и удалиться прочь. Встать, в принципе, было можно, ноги у Лаврика были абсолютно свободны, только одна рука насильственно удерживалась вблизи точеного деревянного столбика диванного подлокотника блестящими металлическими наручниками. Лаврик как заведенный дергал рукой, наручники бряцали, диван вздрагивал. Напротив пленника, прямо на столе, сидел Вадик. Он издевательски смеялся и крутил на пальце колечко с ключиком.

– Что это вы тут делаете? – спросила я с порога.

– Мы играем в полицейских и воров, – ухмыльнулся Вадик.

– А откуда у нас в компании взялись такие оригинальные аксессуары? – удивилась я.

– У тебя в столе лежали, – осклабился Вадик. – Я полез кофе поискать, а там они!

– У меня в столе? – удивленно повторила я.

– Уж спрятала так спрятала! – продолжал веселиться Вадик.

– Не компрометируй меня, – попросила я. – Это же игрушечные наручники!

– Ага, для всяких разных игр! – Вадька с намеком подмигнул хитрым зеленым глазом.

Я завела очи к потолку и вздохнула. Балагур Вадька все представил в неверном свете. С наручниками было так: на прошлой неделе Сертификационный центр обратился к краевым СМИ с просьбой заклеить позором поставщиков и продавцов импортных детских игрушек, не имеющих гигиенических и прочих сертификатов. В числе образцов не разрешенных к продаже игрушек нашей съемочной группе выдали и китайский набор «Супермегаполицейский»: запаянную в пластик разноцветную картонку с закрепленными на ней пистолетом и наручниками. Черный пистолет выглядел устрашающе убедительным. Только взяв его в руку и ощутив небольшой вес, можно было понять, что это не настоящий «ствол». С прилагающимися к пистолету наручниками дело обстояло еще хуже. Сделанные из какого-то светлого металла, возможно, из алюминия, «браслеты» были легкими, но неожиданно прочными. Потеряв ключик, избавиться от этого сомнительного украшения ребенок уж точно не смог бы.

Супермегаигрушки очень приглянулись нашим парням в телекомпании, они с большим энтузиазмом играли в полицейских и воров. Но, после того как в пылу погони заигравшаяся парочка видеоинженеров вломилась в студию и произвела показательное задержание в прямом эфире, наш директор строго-настроено запретил проводить на территории телекомпании подвижные военизированные игры. Полицейский суперпистолет я самолично отняла у Вадика и отнесла домой – ребенку. Или не отнесла? Помню, в сумку положила, но не вытаскивала. Значит, пластмассовый «ствол» так и валяется в недрах моей торбы. А наручники, выходит, я в стол положила, а бессовестный Вадька залез в мой ящик и нашел их там.

– Тебе еще повезло, что Вадик не смог собрать комплект, – «утетила» я мрачного Лаврика. – Иначе он бы тебя еще по коридорам погонял с криком «Стой! Стрелять буду!».

– Стрелять? – непонимающе повторил Лавровый Лист.

– К наручникам еще пистолет прилагался, – пояснила я.

– А также хлыст, сапоги со шпорами и черное кожаное белье, – заржал Вадик. – Тебе еще повезло, что я всего этого не нашел!

– Вот так рождаются нездоровые сенсации! – заметила я.

Приняв сказанное на свой счет, любитель нездоровых сенсаций Лаврик зарделся. Мне стало его жаль.

– Можно, я амнистирую заключенного? – спросила я оператора, по совместительству выполняющего функции тюремщика.

– Можно. – Вадик вручил мне ключик и спрыгнул со стола. – Только освобождать узника ты будешь без меня. Он, оказывается, очень темпераментный малый, наш Лаврик! И страшно свободолюбивый! Представь себе, обещал меня убить!

– Смерть тюремщикам! – подтвердил угрозу Лаврик.

– Видала? – Вадик неожиданно встал в позу и с завыванием процитировал: – Оковы тяжкие падут, темницы рухнут, и свобода нас примет радостно у входа, и там мопед нам отдадут!

– Что? – не поняла я.

– Стихи Александра Сергеевича Пушкина в обработке Вадима Петрова, – поклонившись, объяснил Вадик.

– Нет, что там с мопедом?

– У меня отняли мой мопед, – мрачно сообщил Лаврик, с намеком позвенев оковами.

– Ах, извини, сейчас я тебя освобожу! – Я сунула ключик в скважину замка. – Так у тебя есть мопед?

Лаврик не успел ответить.

– Я загнал его под лестницу, – сообщил из коридора Вадик. – Там он и стоит, верный моторизированный Буцефал, в компании с большим моющим пылесосом, похожим на него, как родной брат. Только с хоботом и без руля.

– А круп у Буцефала достаточно просторный? – поинтересовалась я. – Пассажир на нем поместится? Вернее, пассажирка?

– Моя девушка помещается, – с достоинством сообщил Лаврик, потирая руку, освобожденную из оков.

– Значит, и я помещусь! – обрадовалась я. – Лаврик, я вернулась, чтобы сказать тебе, что была не права: меня очень, очень интересуют межпланетные контакты, и я ужасно хочу своими собственными глазами увидеть сигналы братьев по разуму прямо сейчас!

В коридоре раздался грохот: судя по шуму, Вадик, не успевший далеко отойти, врубился в шкафчик с кассетами. Думаю, его дезориентировало мое неожиданное заявление.

– Ты покажешь мне то место, где принял сигналы инопланетян? Это же где-то у реки, я правильно поняла? Давай поедем туда на твоём мопеде, немедленно! – Я настойчиво волокла Лаврика к выходу.

Он был немного удивлен, но не сопротивлялся.

В коридоре нам встретился Вадик. Он застыл у разгромленного шкафчика на манер соляного столба и при этом скроил такую мину, будто чутко прислушивался к музыке высших сфер.

– Хочу увидеть братьев по разуму прямо сейчас, – тихо, с огромным недоверием пробормотал оператор, когда я с Лаврушкой в поводу пробегала мимо.

Я не удостоила провокатора даже взглядом. Стащила Лаврика вниз по лестнице, помогла вывести из стойла под лестницей симпатичный веселый мопедик цвета яичного желтка, дождалась, пока Лавровый Лист оседлает свое несерьезное транспортное средство и сама взгромоздилась сзади.

Весело стрекоча, мопедик выкатился со стоянки телекомпании на улицу, набрал скорость, и я сразу же почувствовала, что изначально недооценила резвость конька-горбунка. Сидя на округлом крупе, я более или менее крепко установила ноги на какие-то микроскопические упоры, но руками держаться было не за что.

– Держись за меня! – обернувшись, проорал мне Лавровый Лист. – Моя подружка всегда так делает!

Я удержалась и не ответила, что я-то, слава богу, не Лаврикова подружка! Хороша бы я была рядом с таким бойфрендом – бледным тощим недокормышем с нездоровым блеском в глазах!

Впрочем, для того чтобы смотреться полной идиоткой, вполне достаточно было восседать на попе игрушечного мотоцикла в дурацком наряде тинейджера-дальтоника: красная с оранжевым рисунком майка и зеленые, как молодая травка, штанишки совершенно потрясно сочетались с желтым мопедом!

Прочие участники дорожного движения на нас с Лавриком (и мопедом) откровенно засматривались. На перекрестке у светофора я даже получила неприличное предложение от пузатого байкера с окладистой черной бородой протоиерея: меня ласково назвали «телкой» и предложили «не выживаться и живо сдернуть с пукающей шмакодявки на реальный харлей». Нелестная характеристика, выданная его двухколесному другу, сильно обидела чувствительного Лаврика. Едваждавшись зеленого разрешительного сигнала светофора, он сдернул желтого конька с места в карьер, и я чуть не свалилась с мопеда. Даже успела пожалеть, что не вцепилась предварительно в ребристые бока Лаврового Листа, все-таки опасность обрушиться на дорогу была бы меньше. Хотя Лаврик такой тощий и легкий, что я вполне могла, падая, утащить с мопеда и его тоже. Это было бы совсем плохо: и самой свалиться, и вдобавок Лаврушку на себя опрокинуть!

Был уже дымчато-сумеречный вечер, самое начало десятого, когда желтая «шмакодявка», несущая на горбу нас с Лавриком, выкатилась на слоистый песок речного берега. Мопед показал себя с лучшей стороны: малогабаритное и разворотливое, это транспортное средство милым образом прошло по кривой извилистой канавке переходной тропинки и

вывезло нас прямо к воде, уровень которой, кстати говоря, был весьма высок. От широкого песчаного пляжа осталась только узкая полосочка, а местами в воде у берега даже тонули невысокие кустики.

– Это было здесь, – торжественно возвестил Лавровый Лист, тыча перстом в речные воды, позлащенные последними отблесками солнца, прячущегося за зубчатую кромку деревьев на другом берегу.

Я вперила жадный взгляд в речную даль и нашла глазами островок на середине Кубани. Поднявшаяся вода «съела» высокий берег, и остров смотрелся зеленым блюдом, перевернутым вверх дном на темной скатерти.

С того места, где я стояла, до островка было метров сто, и рассмотреть его толком не представлялось возможным. Вдобавок от воды поднимался сизый туман, обещающий в самом скором времени свести видимость к абсолютному нулю. Под возбужденное квохтанье Лаврового Листа, в очередной раз рассказывающего, как его ослепили ритмические вспышки, я прямо в босоножках вошла в воду по колени и почувствовала, что течение весьма сильное. Я хорошо плаваю, выросла на море, но с таким течением до островка не доплыву, меня просто снесет вниз по реке. Чтобы попасть точно в островок, надо стартовать в паре километров выше по течению, и нет никаких гарантий, что удастся попасть в цель...

– Э-ге-гей! – заорала я, приставив руки ко рту на манер рупора. – Э-ге-ге-гей! Кто там, на острове! Отзовись!

– Может, не надо так сразу, мы все-таки не уполномочены вести диалог с пришельцами, – немного стухнул Лаврик.

– Самовыдвиженцами пойдем, – отмахнулась я. И повторила истошный крик: – Ого-го-го! Островитяне, ау! Отзови-и-итесь!

Секунд пятнадцать в дикой речной местности висела плотная, как сизый туман, тишина, а потом с реки донесся нечленораздельный крик:

– А-а-а-а! Э-о-а! А-а-и!

– О боже! – Впечатлительный Лаврик хрустнул заломленными руками. – Они тебе ответили!

Он с огромным изумлением уставился на меня.

– Она кричит: «Это я! Помогите!» – сама для себя перевела я далекий вопль.

– Инопланетянка?!

Я очнулась и поглядела на трепещущего Лаврика. Сказать ему, что это никакая не инопланетянка, а моя вполне земная подруженька безвылазно сидит на острове, как Илья Муромец на печи? Нет, пожалуй, не буду. Еще откажется мне помогать.

– Инопланетянка, инопланетянка. Большая зеленая человечиха. Лаврик, а у тебя других транспортных средств, кроме мопеда, нету? Меня особенно интересуют моторные лодки, катера и глиссеры.

Я уже прикинула, что при таком сильном течении добраться до островка на середине разлившейся реки можно будет только при наличии плавсредства с мотором.

– Моторные лодки есть в парке на Старой Кубани, это километра три ниже по течению, – Лаврик наконец-то сказал что-то толковое. – И там же, в парке, база спасателей, у них есть катера.

– Э-э-э-э! – донеслось с далекого острова.

– Потерпи, дорогая, – шепотом сказала я. – Подожди только до утра, завтра я тебя обязательно вытащу!

Нынче вечером я не была должным образом снаряжена для заплыва на дальнюю дистанцию, но твердо решила вернуться на подтопленный речной берег завтра. Чтобы вытащить Ирку с острова, нужна моторная лодка? Нет проблем: ради такого дела я украду ее с базы спасателей! Правда, я не умею управлять моторными лодками, только в кино видела: чтобы завести

мотор, нужно резко дернуть за какую-то веревку... А, пустяки! Попрошусь к спасателям покататься, а потом угоню плавсредство вместе с его водителями и заставлю взять курс на Иркин одинокий остров!

Абсолютно бредовая, эта идея в тот момент казалась мне вполне осуществимой. Почему нет? Все вокруг в меру сил и способностей занимаются киднепингом: Пискля с подельниками похищают Ирку, какой-то дядька на бегу крадет самого Писклю, даже Вадик берет в плен Лаврика, а я чем хуже других? Решено, завтра же отправлюсь на базу спасателей и сопру моторку вместе с ее мотористом!

Лавровый Лист на своем желтом Буцефале подбросил меня в Пионерский микрорайон, прямо до тропинки, ведущей к Иркиному особняку. Предаваясь мечтам о том, как я вызволю из плена подругу, я потрусила через поле. Назначенную встречу с Писклявой бандой я пропустила, потому что решила не отдавать поганцам драгоценную Булабонгу. Еще чего! Я Ирку и без них нашла, за что же теперь вознаграждать паршивцев? Я еще не простила им попытку обмануть меня при обмене.

Чтобы обманутые в своих ожиданиях писклявчики не досаждали мне звонками, сотовый телефон я выключила, поэтому до утра никаких контактов с внешним миром не имела.

Леня и Гриня топтались на конечной остановке маршруток номер сорок четыре до самого захода солнца, но условленная встреча так и не состоялась. Баба, которая должна была принести драгоценную марку и получить взамен информацию о местонахождении дорогой ее сердцу подруги-заложницы, не появилась.

– Может, с ней что-то случилось? – предположил Гриня, когда сумерки ступились настолько, что разглядеть друг друга братья могли лишь в тот момент, когда по обочине пробежал луч света от фар поворачивающей машины.

– Что с ней могло случиться?

– Да мало ли! – Гриня напряг извилины. – Например, под машину попала, потому и не пришла!

– Не надо под машину, – попросил Леня. – Во всяком случае, не сейчас. Пусть сначала нашу марку отдаст, а потом под машины прыгает. Тоже мне, Анна Каренина!

Кто такая Анна Каренина, Гриня не смог вспомнить, поэтому смутился и замолчал.

– Нет уж, я надеюсь, никаких несчастных случаев с ней не произошло, – продолжал волноваться Леня. – У нее же наша марка! Не дай бог, пропадет или испортится!

– Она же сказала, что не возьмет с собой марку? – напомнил Гриня.

– Блеф, – отмахнулся Леня.

Потом немного подумал и заговорил медленнее:

– Не возьмет, сказала? Хм... Это меняет дело! Если марка спокойно лежит в надежном месте, то сама баба может сколько угодно попадать в аварии и катастрофы!

Он еще немного подумал.

– Мобильник у нее не работает, к домашнему телефону никто не подходит, значит, дома ее нет. Самой ее – нет, заплутала в пути, а марка-то, наверное, где-то лежит себе и не вякает! – Леня оживился и потер руки. – Гриня, сейчас мы пойдем в гости.

– А кто нас позвал? – спросил тугодум Гриня.

– Никто, мы будем незваными гостями.

– Незванный гость хуже татарина! – веско сказал Гриня, у которого на сегодняшний проблематичный вечер, похоже, пришелся пик умственной активности.

Подивившись про себя этому обстоятельству, Леонид с иронией заметил:

– Да ты, брат, мудрец!

Просветление в Гринином уме затемнилось обратно: сочтя слово «мудрец» близкородственным схожему по звучанию ругательству, Гриня обиженно надулся и замолчал. Таким

образом, ничто не мешало Лене обмозговать план вторжения в квартиру бабы номер два с целью обнаружения на местности и последующего захвата Голубой Булабонги.

Войдя во двор, я первым делом заглянула в собачий загон. Миска, которую я спозаранку наполнила собачьими сухарями, была наполовину полной. Это меня удивило, потому что прежде Томка никогда не страдал отсутствием аппетита. Я решила, что на собаку плохо действует жара, хотя нельзя было исключать, что Том сильно тоскует по Ирке. Тут я его вполне понимала, мне и самой не хотелось ни есть, ни пить, очень уж я беспокоилась о подруге, запертой на необитаемом острове.

Впрочем, видимых следов неизбывной тоски и мировой скорби на собачьей физиономии не наблюдалось. Упадка собачьих сил я тоже не заметила. Во всяком случае, песика не затруднило перепрыгнуть через полтораметровую сетку, огораживающую вольер, чтобы без помех размяться на зеленой лужайке.

– Я вижу, ты уже сам себя выгулял, – сказала я Томке, в три тигриных прыжка прискакавшего ко мне с середины просторного газона. – Очень мило с твоей стороны, мне как раз сейчас совсем не хочется бегать по проселку с собачьим поводком в зубах.

Пес просительно заскулил, но я была непреклонна:

– Нет, сегодня мы уже не пойдем гулять. У меня завтра будет трудный день, и я хочу как следует выспаться. Извини, но я должна тебя оставить: у меня есть дела в доме.

С этими словами я поднялась на высокое крыльцо черного хода, открыла дверь своим ключом, отпихнула Томку, закрыла дверь, задвинула массивную щеколду и прошла напрямик в кухню. Аппетит у меня пропал, но жажда осталась, поэтому охлаждавшуюся в холодильнике баночку сладкой газировки я выдула одним махом.

Что напиток, который я выглотала, как запыхавшаяся лошадь, относится к числу слабоалкогольных, мне стало ясно не сразу. Честно говоря, я поняла это лишь тогда, когда внимательно посмотрела на опустевшую банку.

– «Коктейль „Водка с авокадо“, – прочитала я по слогам. – „С ароматизатором, идентичным натуральному“.

Имитировал ли ароматизатор натуральную водку или натуральное авокадо, я не вникла. Баночка была маленькая, всего 0,33 литра, и вдумчиво продегустировать напиток я не успела. Зато успела изрядно окосеть! Триста граммов сладкого алкогольного пойла на пустой желудок убили меня, как капля никотина – среднестатистическую лошадь.

На мой взгляд, спиртоносная газировка – жутко коварная штука. Сладость коктейля сглаживает его крепость, а весело шипящие пузырьки успешно маскируют «отвертки» под безобидное ситро. Вдобавок алкогольная составляющая сладкого газированного пойла в таком составе усваивается быстрее, чем даже в чистом виде.

И потом, много ли мне надо? Помнится, однажды я чудесным образом нализалась даже не коктейлем, а мороженым с ромовой добавкой! Слопала брикет пломбира, щедро сдобренного спиртным, и так окосела, что запустила смятой в комок оберткой от эскимо в юношу, сидевшего под деревом на автобусной остановке. На парне была майка такого же зеленого цвета, как установленные муниципалитетом новые мусорные урны, и я приняла квадратную спину юноши за помойный бачок...

Вспомнив эту комичную сценку, я весело икнула и свободной от банки рукой оперлась на стол. Мои коленные суставы размягчились, как масло на припеке, и до ближайшей комнаты, оснащенной спальным местом типа кровать двуспальная обыкновенная, я дошла по стеночке. Кое-как разделась, последним усилием стащила с кровати покрывало, бухнулась на упругий матрас и уснула мертвым сном.

Пенсионерка-активистка Мария Сергеевна Дунькина досмотрела программу вечерних новостей и с кряхтением поднялась с продавленного кресла, строго-настроено наказав супругу никуда не ходить. Декларативное ограничение подвижности было абсолютно излишним, так как Дядьвась еще за ужином выкушал «чекушку», потом втайне от Марии Сергеевны добавил из стратегической заначки и к половине десятого был уже нетранспортабелен. Необычайно кроткий, благостный и молчаливый, старик Дунькин откинулся на диване, свесив голову, как подбитый голубь.

Оставив своего престарелого голубка куковать у экрана, Мария Сергеевна вышла из квартиры на лестничную площадку, спустилась этажом ниже и истребовала с жильцов квартиры номер двадцать семь полтинник на венок для погибшей Марины Куропаткиной. Мария Сергеевна выполняла миссию по сбору средств на последний привет усопшей соседке по собственному почину и с большим рвением. На протяжении дня она уже трижды обходила многоквартирный дом, не щадя своих подагрических ног и слабых нервов, которые безжалостно трепали несознательные граждане, норовящие «зажать» кровные рублики или просто злокозненно отсутствующие дома.

В квартиру рядом со своей собственной Мария Сергеевна также наведывалась уже трижды, хозяйки все не было дома, и старушка даже начала волноваться, что молодайка, спровадившая на курорт мужа с ребенком, загуляла и вообще не появится дома. Это волновало Марию Сергеевну не с точки зрения соблюдения морали и нравственности, а из опасения недооцениться одного взноса.

Тяжело поднимаясь по лестнице с первого этажа на второй, не по годам зоркая бабушка Дунькина увидела, что стеклянный «глазок» на соседней двери светится желтеньким, и обрадовалась. Она по возможности ускорила шаг и, в спешке забыв о правилах приличия, не нажала кнопку звонка, а просто толкнула незапертую дверь. Та открылась, Мария Сергеевна сунула голову в прихожую, но не успела сообщить о своем присутствии, потому что увидела в доступной для обозрения части квартиры ужасающий беспорядок, живо напомнивший ей незабываемые погромы времен последней Отечественной войны.

У шкафа-стенки, двумя руками копошась в ящике, фонтанирующем в разные стороны бумажками и мелким хламом, спиной к старушке стоял какой-то человек. Бдительная Мария Сергеевна обратила внимание на ярко-рыжий затылок незнакомца и на этом основании сделала вывод, что потрошитель ящиков не может быть хозяином дома, хозяйкой – тем более, стало быть, это грабитель.

Бабушка Дунькина на манер черепахи Тортилы бесшумно втянула голову обратно на лестничную площадку, тихонько притворила дверь, пригляделась к дверному замку, углядела несомненные следы взлома, удовлетворенно кивнула и шустро шмыгнула в свою квартиру – напрямик к телефону. Позвонив по «02», Мария Сергеевна, прикрываясь ладошкой, сообщила об ограблении, происходящем в соседней квартире в режиме реального времени, после чего с чистой совестью пошла на кухню пить чай с тонизирующим бальзамом.

Леня и Гриня подошли к дому «бабы номер два» около двадцати двух часов. До этого момента они были заняты выяснением адреса бабы, который, как оказалось, имелся в электронном телефонном справочнике, доступном каждому посетителю сети Интернет. Леня, в достаточной степени знакомый с новейшими средствами телекоммуникации, зарулил в ближайший компьютерный клуб, оплатил полчаса машинного времени и по номеру домашнего телефона бабы без проблем узнал ее адрес. Еще двадцать минут на такси – и братья Пушкины были на месте.

В подъезде Леня и Гриня разделились: старший брат пошел вверх по лестнице, а младший спрятался в темном закуточке вблизи почтовых ящиков, как принято говорить – «на стреме».

Леонид подошел к нужной двери, еще не зная, каким образом он проникнет в квартиру. На всякий случай, он прихватил с собой небольшой ломик типа «фомка» и был готов пустить его в ход. Что угодно, лишь бы завладеть проклятой Голубой Булабонгой и иметь возможность освободить попавшего в плен меньшего брата! О том, чтобы нажиться с помощью добытого старшим Пушкиным добра, Леонид уже даже не помышлял.

Весь такой бескорыстный и благородный, он подошел к квартире номер тридцать и с удивлением и робкой благодарностью высшим силам обнаружил, что дверь открыта! Леня тихонько толкнул ее, шагнул в прихожую и с порога уперся взглядом в напряженную спину рослого мужика, который шарил в шкафу, азартно двигая локтями и ожесточенно пиная ногами бумажный мусор на полу.

По незабываемому огненному цвету волос Леня с первого взгляда признал в мужике того типа, который запихнул в желтый автомобиль и умчал в неведомую даль малютку Сереню. Таким образом, появление Рыжего в квартире «бабы номер два» неопровержимо доказывало: это действительно конкурент, жаждущий заполучить бесценную Булабонгу!

Позволить Рыжему завладеть маркой Леня не мог хотя бы потому, что в таком случае Пушкиным нечего было бы предложить в качестве выкупа за Сереню. Кроме того, Леониду сразу же пришло в голову, что можно воспользоваться готовым сценарием, слегка переиначив его для новых исполнителей: пленить Рыжего и обменять его у сообщников на Сереню, а Булабонгу оставить себе в качестве ценного приза за находчивость и предприимчивость!

Леня поудобнее прихватил ломик и тихим шагом двинулся вперед.

От сотрясения мозга Рыжего спас учиненный им самим разгром. Под наслоениями разбросанных бумаг подкрадывающийся к жертве Леня не увидел на полу детскую игрушку с пищалкой и наступил прямо на нее. Желтый резиновый утенок взвизгнул как резаный, Рыжий обернулся на звук и увидел Леню, мчащего прямо на него с вздетым ввысь ломиком, как идущий в атаку знаменосец. Прыгнув навстречу нападающему, Рыжий тоже схватился за ломик и сильно дернул его на себя. Леня покачнулся и полетел в шкаф.

Игра в перетягивание «фомки» закончилась победой более дюжего Рыжего. Пропустив летящего Леню мимо себя и предоставив ему возможность закрыть головой выдвинутый ящик, Рыжий тем же ломиком аккуратно тюкнул упавшего по макушке, вытер оружие о занавеску, бросил его на пол и через стеклянную дверь удалился на балкон и далее – вниз, на покрытую мягкими и пружинящими цветочными кущами клумбу.

Люся Цикулина, молодая мамаша с третьего этажа, на минутку выскочила из своей квартиры, чтобы сбежать за дом и подобрать под балконом прищепки, которые сбросила вниз ее годовалая дочка Тося. Разноцветные пластмассовые прищепочки очень занимали малышку, особенно в тот момент, когда срывались в полет и затем с веселым стуком ударялись об асфальт. Остановить Тосю в ее разрушительном порыве было решительно невозможно, малышка при попытке отнять у нее прищепку начинала реветь, как теленок, и топать толстыми ножками, норовя завалиться на спину.

Еженедельно покупать прищепки Люсе, однако, тоже надоело. Поднять и вернуть на законное место на бельевых веревках свежесброшенные прищепки у Люси обычно не получалось, дочурка не позволяла маме свободно распоряжаться своим временем. Вот и сегодня за очередной партией упорхнувших прищепок Люся отправилась только после того, как уложила в кроватку неугомонную дочку и убедилась, что Тося крепко уснула.

В подъезде было темно, лампочек в светильниках на первом и втором этажах опять не наблюдалось. Поминая недобрым словом излишне жадных людей, не брезгующих выкручивать в общественных местах тусклые лампочки и подбирать под чужими балконами грошовые прищепки, Люся спустилась на первый этаж, опасливо покосилась на тупичок под лестницей, где совсем недавно убили тетку со второго этажа, и уже вышла на крыльцо, когда до нее дошло,

что в «аппендиксе» у почтовых ящиков самым подозрительным образом сутулилась какая-то крупная фигура.

Люсю словно снегом присыпало, как полярника-любителя кофе из известного рекламного ролика! Волосы на голове встали дыбом, руки покрылись «гусиной кожей», зубы застучали: Люся пришла в ужас от мысли, что в подъезде прячется убийца Марины Куропаткиной. А кто же еще, если не он? Бомжи и сексуально озабоченные подростки после этого кошмарного случая в подъезд даже не заглядывали, им и других парадных хватало. А убийцу, Люся читала об этом в книжках, всегда тянет на место преступления!

Ужасаясь, Люся не забыла сбежать за угол трехэтажки и поискать на асфальтированной дорожке свои прищепки. Это ее немного успокоило, женщина даже нашла в себе силы, снова войдя в подъезд, не взлететь по лестнице угорелой кошкой, а взойти неспешно и даже внимательно посмотреть в сторону почтовых ящиков.

Действительно, там топтался здоровенный амбал, выражения лица которого Люся в полумраке не разглядела, но очертания фигуры, жмущейся в самый темный угол, вызывали в памяти глаголы типа «притаился», «спрятался», «засел».

Войдя в свою квартиру, Люся первым делом крепко-накрепко закрыла дверь на все замки и засовы, затем проверила, как спит малышка Тося, а потом нашла в шкапулке с украшениями новенькую визитную карточку. На визитке, которую молодой мамаше совсем недавно вручил какой-то симпатичный усатый милиционер, были указаны ФИО участкового и все его телефоны, включая даже сотовый.

Поколебавшись немного, Люся решила, что ее информация стоит того, чтобы побеспокоить уважаемого товарища Бондаря в поздний час, и набрала номер его мобильного.

Безутешный вдовец Жора, пьяный в дым, сидел перед трюмо, с тумбочки которого были убраны все флаконы, тюбики и коробочки с косметикой, уже абсолютно ненужной Марине Куропаткиной. Хозяйка всего этого добра в настоящий момент находилась далеко – в морге, и в ближайшее время должна была переселиться еще дальше – на кладбище. По этому поводу все зеркала в доме были, согласно обычаю, закрыты тканью, но сиротеющий в одиночестве Жора откинул с трюмо драпировку, чтобы видеть перед собой хоть одно человеческое лицо. Явившуюся его замутившемуся взору опухшую небритую рожу с тусклыми очами пьяный Жора не опознал как собственную, но счел достаточно симпатичной, чтобы пригласить в собутыльники.

– Т-ты м-мя ув-жашь? – в очередной раз спросил он свое отражение.

Отражение в очередной раз закивало, и Жора звонко тюкнул своей рюмкой точнехонько в протянутую к нему зеркальную рюмашку. Синхронным движением запрокинув стопки, Жора и его двойник выпили, крякнули, качнулись и стукнулись лбами.

– Ты драться, да? – потянувшись свободной от рюмки рукой потереть ушибленный лоб и промахнувшись мимо головы, обиделся реальный Жора на виртуального. – У-у, скотина!

Жора непослушными пальцами сделал набычившемуся отражению «козу» и близко, как в телескоп, заглянул в бутылочное горлышко. Потом перевернул бутылку, вытряс на дрожащую ладонь каплю прозрачной жидкости, слизнул ее и сделал скорбное лицо, с которым имело смысл появиться на предстоящих похоронах. Бутылка с мягким стуком упала на ворсистый палас. Жора качнулся в сторону и надолго припал плечом и ухом к оклеенной веселенькими обоями стене.

Некоторое время он сохранял неподвижность и равновесие, потом за стеной что-то шумно упало, перегородка между квартирами слегка дрогнула, и Жора тоже. Он накренился, как падающая башня, но удержался от падения, взмахнув рукой с вздетым вверх указательным пальцем.

– О! – глубокомысленно изрек Жора.

В переводе на общеупотребительный русский это означало, что Жора нашел способ продолжить пьянку в более приятном обществе, чем пьяное драчливое мурло в зеркале. Судя по шуму, в квартире за стеной наконец-то появились люди, от которых страдающий вдовец вправе был ожидать сочувствия и понимания. То бишь как минимум приглашения зайти на рюмочку.

Почувствовав прилив сил, Жора мобилизовался и поднялся на ноги. Балансируя широко разведенными руками, он выбрался из спальни, распахнул свою дверь, толкнул соседнюю, с большим трудом вписался в крутой поворот из одной прихожей в другую, по дуге вошел в до крайности захлавленную комнату, запнулся обо что-то на полу и тяжело рухнул в бумажные развалы. Падение вышибло из одурманенного алкоголем организма остатки сознания, и Жора распластался на полу, как дохлая морская звезда.

Леонид Пушкин, к этому моменту оклемавшийся от полученного удара по голове, но не успевший приступить к поиску Балабонги, с глубоким недоумением посмотрел на свалившегося к его ногам мужика, опасливо покосился на оставленную открытой входную дверь и от греха подальше отступил на балкон, с которого успешно прыгнул в примятые цветочки запущенной клумбы.

Гриня добросовестно хоронился в нише у ящиков, пока не услышал наверху, кажется, как раз на втором этаже, подозрительно громкий топот, гулкий хлопок закрывшейся двери и чуть погодя – еще один удар, от которого вздрогнули стены подъезда. Не видя, что происходит, Гриня не мог знать, что пушечный грохот произвела металлическая дверь, захлопнувшаяся от порыва ветра, который возник из-за того, что отступающий Леня имел неосторожность оставить открытой дверь на балкон.

Беспокоясь за старшего брата, которого он вызвался охранять во время выполнения опасной миссии, Гриня быстрым шагом, прыгая через две ступеньки на третью, поднялся на второй этаж, дернул дверь квартиры «бабы номер два», вошел и увидел посреди комнаты раскоряченного мужика с широко разведенными руками и мордой, на которой застыло обиженное и злобное выражение разбуженного медведя. В одной руке мужик крепко сжимал пустую водочную бутылку, в другой – небольшой ломик.

– А где Леня? – удивленно моргнув, спросил Гриня.

Он поглядел по углам, брата нигде не увидел и в продолжение поиска машинально заглянул под стол.

В этот момент неадекватно реагирующий на происходящее Жора Куропаткин, пробужденный к жизни хлопком двери и спьяну вообразивший, будто его кто-то побил, с размаху треснул наклонившегося Гриню бутылку по затылку.

– Ты чего? – успел еще спросить Гриня, удивленный неспровоцированной агрессией незнакомого типа.

Договорить начатую фразу ему не удалось. Колени гиганта дрогнули, глаза закатились вверх, и колосс на глиняных ногах пал, вызвав тем самым локальное землетрясение.

Жора с искренним злорадством попытался пнуть распростертое тело, но промахнулся и побрел в прихожую. Там он несколько раз – сначала рукой, потом плечом, потом ногой – безуспешно – толкнул дверь, открывающуюся вовнутрь, оставил надежду убраться из чужой квартиры нормальным путем и пошел на балкон. С пьяной удалью взгромоздился на парапет, вытянул вперед руки, как ныряльщик, и безрассудно прыгнул в направлении своего балкона, определенном весьма приблизительно и с отклонением от курса градусов на тридцать. Изрядно не долетел до цели и упал в многострадальную клумбу, окончательно убив невезучие цветочки.

Леня Пушкин, отряхнув с коленок прилипшие к ним стебли травы и лепестки цветов, вылез из клумбы, обогнул дом и снова вошел в знакомый подъезд. Грини, оставленного «на стреме» в захоронке у почтовых ящиков, на месте не оказалось.

Леня предположил, что брат, по причине дикой жары и духоты единолично высосавший полторалитровую бутылку кваса, отлучился в кусты по нужде. Он немного подождал, но Григорий все не появлялся, и тогда Леня подумал, что Гриня, устав караулить, самовольно оставил пост и пошел следом за старшим братом в квартиру «бабы номер два».

Он второй раз за вечер поднялся по лестнице, толкнул дверь, которая по-прежнему была открыта, и сразу увидел ноги в знакомых кроссовках. Поскольку кроссовки были Гринины, Леня не усомнился, что и все остальное принадлежит его брату.

Остальное лежало под столом, поэтому первой заботой Лени было вытащить тяжеловесного Гриню на середину комнаты, а второй – нахлопать младшенького по щекам. Увидев, что длинные девичьи ресницы братца задрожали, Леня побежал на кухню за водой, которой можно было бы завершить процесс оживления.

Участковый Семен Иванович Бондарь отправился проверять сигнал о появлении на месте убийства гражданки Куропаткиной предполагаемого автора этого кошмарного преступления, не допив свой вечерний чай. Вкусный пирожок с абрикосами, испеченный хозяйственной супругой, Семен Иванович дожевывал на ходу и едва не подавился случайной косточкой, углядев в подъезде подозрительную темную фигуру. Фигура полностью соответствовала описанию, которое дала в кратком телефонном разговоре наблюдательная Люся Цикулина: темная, высокая, очертаниями похожая на одностворчатый шкаф с антресолюю.

Семен Иванович поспешно отпрянул за разошедшиеся подъездные двери и сплюнул косточку в безмянные цветочки. В клумбе протестующе мявкнуло, и на ступеньки крыльца выпрыгнул черный кот Тимоня.

– Брысь, – шепотом велел ему участковый, потихоньку заглядывая в подъезд.

Подозрительная фигура вылезла из своей берлоги у почтовых ящиков и неспешно поднималась по лестнице. Семен Иванович подождал секунд тридцать и тоже пошел вверх, ступая почти бесшумно, чему очень способствовали мягкие домашние чупаки, которые участковый в спешке забыл сменить на уличную обувь.

На площадке второго этажа Семен Иванович наметанным глазом заметил, мягко говоря, беспорядок: дверь одной из квартир была приоткрыта и явно взломана. Сопоставив этот факт с появлением подозрительной темной фигуры, Семен Иванович решил заглянуть в квартиру. Он тихо толкнул дверь, она так же тихо открылась, и участковый вошел в прихожую.

И прямо с порога увидел мужское тело, распростертое посреди комнаты!

«Еще один труп!» – подумал Семен Иванович. Отбросив осторожность, он поспешно приблизился к поверженному и склонился над ним.

Леня Пушкин вышел из кухни, держа перед собой стеклянный трехлитровый баллон, полный холодной воды из-под крана, и сквозь наполненный волнующейся прозрачной жидкостью сосуд увидел кошмарного монстра, нависшего над бесчувственным Гриней. Посмотрев вверх баллона, Леня разглядел, что монстр ему только почудился, над Гриней склонился лысоватый толстяк вполне добродушного вида. Это, однако, Лению нисколько не успокоило. Во-первых, в этой квартире у него уже был печальный опыт общения с каким-то агрессивным гражданином. Во-вторых, Лене совсем не улыбалось объяснять кому-то, что это они с Гриней делают в чужой квартире. И вообще, он не был расположен к общению!

Поэтому Леня не стал привлекать к себе внимание толстяка. Наоборот, он двумя длинными неслышными шагами преодолел расстояние, отделяющее его от коленопреклоненного незнакомца и аккуратно опустил свой баллон на его лысоватую голову.

Стеклянная банка разбилась, три литра холодной воды каскадом накрыли лицо, шею и плечи Грини и привели его в чувство. Толстяк, наоборот, потерял сознание и мягко улегся поверх Грини.

– Вставай, Гришка, живо! – нервно скомандовал Леня, поспешно отбросив в сторону оставшееся у него в руках стеклянное кольцо горлышка банки.

Гриня скатил в сторону тело бесцеремонно улегшегося гражданина и не без труда поднялся на ноги. Леня подставил брату плечо и поволок прочь из квартиры – вниз по лестнице, во двор и через жилой квартал к трамвайной остановке. Она была укомплектована винноводочной палаткой круглосуточного действия и потому постоянно окружена пошатывающимися личностями со следами рукоприкладства на доступных взору частях тела. Леня небезосновательно надеялся, что они с Гриней смогут легко сойти за пьяных – на тот случай, если кто-то будет их искать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.